Егор Холмогоров

История русской национальной и консервативной мысли

Лекции

От автора. *Лекции по истории русской национальной и консервативной мысли были прочитаны мною в декабре 2020 года. Ссылка на видео доступна по qr-коду. Разумеется, события последних шессти лет по хорошему требовалось бы осветить в новой специальной главе. Но такой возможности в настоящую минуту нет – еже писах-писах.*

Благодарю Сергея Зеленина и Александра Жучковского за помощь при расшифровке этих лекций. Надеюсь, что со временем их удастся не только расшифровать, но и исправить и доработать до печатного изданий.

Поблагодарить автора и поддержать дальнейшую работу над курсом можно переводом на карту: Т-банк: ***2200700839359956*** */ Сбер:* ***2202205092076618****.*

Часть 1. С древнейших времен до Николая I.

Данный цикл посвящён истории русской национальной и консервативной мысли. Что такое национальная мысль, я думаю, особо рассказывать не надо. Если вас интересует мировой контекст, то стоит обратиться к работам Энтони Смита о национализме – это редкий в нашу эпоху автор, который отстаивает то, что нация и национализм возникли не в XIX веке, а гораздо раньше.

Что такое консерватизм? Я бы определил его как некую идеологию и набор политических инструментов, который направлен на сохранение идентичности исторически сложившихся солидарных сообществ. Таковых существует достаточно много. Солидарное сообщество это сообщество людей, которые считают, что на том основании, что у них есть некая <…>, которая их объединяет, они должны поддерживать друг друга, помогать друг другу, выступать в большой или малой истории совместно, иметь общую судьбу, которая выходит за пределы нескольких лет или одного-двух поколений. То есть, это те сообщества, которые солидарны друг с другом в конкретном человеческом взаимодействии, в том, что они намерены существовать достаточно долго и, по возможности, успешно. Причиной, по которым они это делают, является их определённая идентичность, которая говорит им, кто они такие. Чаще всего она складывается в процессе истории – не было такого момента, когда собирались вместе все первые славяне, варяги и прочие и путём голосования приняли решение о том, что с сегодняшнего дня все они теперь русские. Так нельзя сказать ни про один народ, даже про американцев – нельзя сказать, что они сами себя учредили в тот момент, когда приняли Декларацию Независимости или же проголосовали за Конституцию, поскольку к этому моменту уже существовала определённая исторически сложившаяся общность, у которой возникли основания юридически и политически противопоставить себя Британской Империи. Никаких учреждённых в чистом виде солидарных сообществ не бывает. Они все успешны в той мере, в которой естественно исторически складывались. Начиная с какого-то момента эти исторически сложившиеся сообщества начинают нуждаться в защите.

На самом деле, такая ситуация складывалась и в древности. В моей книге «От Спарты до Византии» первая глава посвящена консерватизму в Древних Афинах, где из-за слишком демократических тенденций – ставки Перикла на слишком нищее простонародье, оказалась под угрозой идентичность старых марафонских победителей, аттических крестьян. Аристофан был одним из первых исторически известных консерваторов в мировой истории, который последовательно защищал вот эту старую

идентичность аттического крестьянства, этих марафонских победителей от новейших демократических веяний. Когда идентичность того или иного исторически сложившегося сообщества оказывается под угрозой, в какой-то момент появляются движения, течения и идеи, в той или иной степени идентифицируемые нами как консервативные. Но консерватизм в собственном смысле появляется в конце XVIII столетия, когда над европейской историей, а через неё и над мировой, начинает доминировать закономерность, которую выделил знаменитый французский консервативный мыслитель Алексис де Токвиль в своей работе «О демократии в Америке» – что наша эпоха является эпохой всё большего уравнивания. Началось всё с уравнивания третьего сословия и аристократии – а закончилось на настоящее время уравниванием 121-го гендера с 666-м. Пока, судя по тому, что американцы избрали президентом Байдена (даже если они его не избрали, то им его успешно навязали), нам не удаётся вырваться из этой токвилевской вселенной, которая разрушает любые исторически сложившиеся солидарные сообщества на своём пути, потому что они все являются, в той или иной степени, проводниками неравенства, они все, в той или иной степени, заставляют тебя предпочитать своего чужому и выстраивают определённую иерархию. Любая солидарность невозможна без выстраивания иерархии – кто тебе свой и ближний, а кто тебе чужой и дальний. Логика этой токвилевской вселенной вынуждает разрушать любые сообщества, использовать более низкорейтинговые против более высокорейтинговых. Мы это наблюдаем в истории политкорректности, когда начали с гей-«браков», а теперь геи воспринимаются как слишком «нормальные» для этого мира, поэтому переходят к трансгендерам, квирам и прочим. В конечном счёте, любое неравенство должно быть уравнено и приведено к тепловой смерти.

Консерватизм – это то, что этой тенденции противостоит. Он бывает разным, различаясь в зависимости от того, какую базовую идею, какое базовое сообщество, какую базовую идентичность тот или иной консерватизм защищает прежде всего. Если религию – то это религиозный консерватизм, если защищает значимость аристократического слоя – то это аристократическо-элитарный консерватизм, если защищает, прежде всего, нацию, национальное, этническое сообщество – то это, соответственно, национальный консерватизм, если он защищает монархическую традицию – то это монархический консерватизм. Сейчас, в связи с отчаянным наступлением на семью всё большее значение приобретает, например, консерватизм семейный, связанный с защитой базовой биологической и социальной идентичности человека, как мужчины, как женщины, как родителя, как члена семьи. Но, в общем и целом, по мере того, как вот этот, описанный Токвилем шторм разрастается, на самом деле все консерватизмы всё более тесно объединяются между собой. В XIX веке было не редкостью противопоставление национального консерватизма аристократическому, монархическому или же религиозному. Мы обнаружим в ходе лекций несколько таких противоречий и споров, но отметим, что национальное понималось носителями монархического, аристократического и религиозного консерватизмов как нечто слишком модернистское, как слишком связанное с новым временем, как само по себе слишком уравнительное и, в результате, определялось по формуле Константина Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции». Но к началу XXI века всерьёз противопоставлять религиозный консерватизм и национальный консерватизм смысла уже просто нет, потому что мы все имеем против себя такого общего врага, который разделяет последние перегородки, что в этой ситуации монархисту или имперцу говорить через губу о нации и национализме, в общем-то, совершенно бессмысленно и непродуктивно, поскольку сломают одно – сломают и другое. Если не будет нации, то ни о какой империи или монархии говорить тоже не придётся. Поэтому, в общем и целом, с конца XVIII – начала XIX века национальная тема, тема патриотизма, тема нации, как того сообщества, которое хранит традицию, которое осуществляет передачу этой идентичности, которая выступает объектом солидарности, становится хорошим тоном. Русский консерватизм зарождается, фактически, уже как национальный. Николай Михайлович Карамзин может быть одновременно назван, но очень, конечно условно, и первым русским националистом, и первым русским консерватором, и первым, кто это соединил в полной мере. Конечно, можно назвать его предшественников по той и по другой линии, но, тем не менее, он создаёт парадигму, которая дальше развивается и по которой мы преемственно идём. Но, тем не менее, он пришёл не на пустом месте, о чём и будет поведано далее.

***

За этим кратким вступлением перейдём к конкретике. Во многом, данный жанр, в котором будут построены данные лекции, можно назвать библиографическим. Я не просто говорю о людях, идеях и событиях, мы смотрим на книги и задаёмся вопросом – что читать по тем или иным темам?

Если говорить о консерватизме, о его типологии, то кроме моей есть формулировки других наших современных авторов, например, Михаила Ремизова, которого вместе со мной часто указывают в списках течения младоконсерваторов, несомненно, один из крупных теоретиков современного русского национализма, а также и консерватизма. У него есть статья «Опыты типологии консерватизма», вышедшая в журнале «Логос» (№5 за 2005 год), где изложена его точка зрения на консерватизм.

Теперь скажем несколько слов о тех общих источниках и пособиях, которыми можно пользоваться при изучении русского национализма и консерватизма. У нас есть совершенно замечательный центр в Воронеже, где систематически исследуется русский консерватизм на протяжении уже нескольких десятилетий, есть даже сайт – http://conservatism.lib.vsu.ru, где, соответственно, можно найти определённые библиографии, определённые списки – алфавитные, по персоналиям, ссылки на периодику. Можно в качестве начального источника пользоваться и опираться именно на него. Руководит этим воронежским центром Аркадий Юрьевич Минаков, замечательный историк консерватизма, автор работы по истории русского консерватизма первой четверти XIX века. Он выпустил немало учеников, которые, в свою очередь, также написали немало замечательных работ. Обратимся к паре сборников, изданных в Воронеже. Первый – это «Консерватизма в России и мире: прошлое и настоящее», второй – «Вопросы истории консерватизма». К сожалению, это всё мало кто финансирует, поэтому дальше первого выпуска обычно оно не выходит, но, с учётом того, что у других, зачастую, вообще ничего не выходит, это, в общем-то, героический подвиг. Живая традиция продолжается. Теперь обратимся к изданиям основополагающих трудов по русскому национализму и консерватизму. Началось это всё в конце 1990-х годов с того, что такой замечательный человек, как Михаил Борисович Смолин начал в библиотеке журнала «Москва», который тогда возглавлял замечательный наш писатель и русский националист Леонид Бородин выпускать иногда забытые, иногда вообще никому неизвестные, иногда вообще неизданные книги классиков русской национально-консервативной мысли – Льва Тихомирова, Михаила Меньшикова, Михаила Каткова, Ивана Солоневича, Виктора Астафьева, монархиста Черняева и многих других. Это была совершенно огромная серия – «Пути русского имперского самосознания». Можно сказать, что очень красиво изданные книги (а Смолин всегда издаёт очень красиво, с очень индивидуально подобранными обложками). Во времена, когда считалось, что либерализма, либеральная идеология – это модно, вдруг выяснилось, что есть целый пласт русской консервативной мысли, которая является вообще националистической, монархической, ультраправославной. И всё это не с копеечных лотков, где лежал Григорий Климов вместе с «Майн кампф» Гитлера, а роскошные, серьёзные и солидные издания. Смолину тогда реально удалось по-настоящему прорвать плотину из либеральных заслонов. Для меня, в значительно степени, вхождение в традицию классического русского консерватизма началось именно со смолинских изданий. Смолину также принадлежит «Энциклопедия имперской традиции русской мысли», где достаточно широко охвачен список имён по XIX началу XX веков. Некоторые статьи очень подробные о тех, кем он занимался, например, о Тихомирове, Астафьеве, Солоневиче. Некоторые – очень короткие, буквально несколько строчек, но даже к ним приложена библиография, на которую можно опереться – совершенно небесполезная в хозяйстве книга.

Дальше было многотомное, очень странное, по гранту от высшего начальства, издание – «Библиотека отечественной общественной мысли». Это, скажу сразу, не только консерваторы, там присутствуют левые, либералы, какие-то совершенно анекдотические персонажи типа меньшевиков Дана и Церетели, есть том с работами некоего В.И. Ленина (можно подумать, что его труды чрезвычайно редкие и недоступные). Сильное место этой библиотеки – то, что это всё было подготовлено к печати серьёзными специалистами, профессиональными историками. Издание достаточно хорошо

откомментировано, некоторые тома очень продуманы и очень практически уникальны, например, том Михаила Михайловича Щербатова, предконсерватора XVIII века – так его в России ещё не издавали. Очень достойный том графа Сергея Уварова, очень подробный. Наоборот, те <…> В томе Юрия Самарина помещена не очень интересная широкому читателю диссертация <…> Зато, например, отсутствуют его «Письма из Риги» – ключевой для русских националистов текст. Соответственно, это очень неровное издание, но есть удачи, например, в томе Столыпина не только его речи, но и доклады, письма, докладные записки. Для представления Столыпина как общественного <…>. Конечно, это огромная библиотека, которую, наверное, трудно иметь дома, мало у кого есть практически все её тома. Сам факт, что подобная библиотека у нас существует – это просто отлично. Есть по-настоящему героический подвиг, который предпринял известный наш <…> Олег Платонов <…> в какой-то момент дело по 282-й статье пытались завести по сему случаю и даже вот этот сайт его Института Русской Цивилизации отключался на какое-то время (а сейчас вообще попросту уничтожен), но кому нравится <…> чтобы потеряла <…>. Совершенно поразительная серия «Русская цивилизация», состоящая из характерных синих книжек, издающихся Олегом Платоновым, переиздала практически всех классических русских национальных консервативных мыслителей, за вычетом разве что Солженицына и то, я подозреваю, связано не с тем, что они не хотели бы его издать, сколько с тем, что там наследники жёстко блюдут права и не факт, что они им разрешат. Практически любой национальный консервативный мыслитель, о котором вспоминаешь и задаёшься мыслью «где почитать?», присутствует в данной серии. Все эти книги можно было скачивать с сайта, где они имелись в свободном доступе в формате pdf. Эти тома не всегда составлены достаточно ровно, в них иногда есть составительские огрехи, в них иногда что-то не хватает, но общее представление о том или ином мыслителе из этой серии можно вполне составить. Фактически эта книжная крепость национал-консервативных мыслителей Платоновым отстроена в полной мере. Фактически 90% мыслителей, о которых будет говориться далее, почти всегда присутствуют в данной серии.

Существует определённое количество кратких антологий и хрестоматий, в частности. очень хорошая хрестоматия «Национализм: Pro et Contra», изданная Русской христианской гуманитарной академией, на правительственный грант, посвящённый национальной безопасности. Том очень хороший – это удивительно полная антология русских националистических авторов и мыслителей. Там есть, конечно, какие-то странные, в небольшом количестве, вкрапления статей каких-то странных антинационалистических авторов (например, статья А. Д. Степанова «Русский национализм – могильщик России») – впрочем, нужно же было показать какое-то contra. Составители также включили туда и мою работу «Существовало ли Русское национальное государство?», «17 ответов на вопросы русским националистам» Крылова в довольно полном виде, работы Павла Святенкова («К вопросу о нации. Отмена рабства»), «Апология национализма» Михаила Ремизова и так далее. Некоторые кидались в них камнями – «Как вы смеете Холмогорова ставить рядом со Струве?» Ну уж извините, никуда вы от нас не денетесь. Так что хрестоматия про национализм очень хороша. Есть ещё в этой серии хрестоматия про консерватизм, но про неё, к сожалению, того же сказать нельзя. Почему-то она наполовину состоит из всевозможных стихов, вроде «Возмездия» Блока про «Победоносцева над Россией» и его «совиные крыла», из каких-то цитат из Сталина – в хрестоматии по национализму тоже есть Сталин, но он хотя бы высказывался по национальному вопросу («Национальный вопрос и ленинизм»). А вот о консерватизме он высказывался только в том духе, что «всэх нэнавыжу, зарэжу». В любом случае, материалы всего этого есть на сайте «Политические идеологии в России» РХГА (http://ideology.rhga.ru). На этот сайт, как источник текстов антологий, вы вполне можете опираться. Есть шеститомная книга, антология русского консерватизма «Хранители России», которую составили Сергей Борисович Перевезенцев и Александр Андреевич Ширинянц при поддержке ИСЭПИ. Она доведена до середины XIX века, до эпохи Великих реформ Александра II. У неё довольно мизерный тираж – 300 экземпляров. Но я надеюсь, что всё это когда-нибудь будет издано более широко и появится в формате pdf. Но главное, что всё это люди сделали.

С общими очерками по истории русского консерватизма и национализма всё, в целом, очень плохо. Есть «Русский консерватизм XIX столетия» под редакцией Гросула, авторства классических позднесоветских учёных, но эта книга вообще абсолютно нечитаема. Видно, что авторы не очень

любят этот консерватизм, не очень понимают, к чему он нужен и понимают это всё через призму позднесоветских либерал-марксистов. Существует также труд Ричарда Пайпса, известного американского политика, политолога и русофоба, «Русский консерватизм и его критики» – но на фоне предыдущей книги даже он, в общем, неплох, потому что антилевых он уважает, даже если при этом не любит русских националистов и монархистов. Поэтому, по крайней мере, для знакомства эту книгу Пайпса, в отличие от убогого позорища «Россия при старом порядке», можно рекомендовать. По истории русского национал-патриотизма есть труд «Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIIIв. – 1991 г.)». Книга хорошая, это коллективный труд с небанальными цитатами, с небанальными подходами, с небанальными разворотами тем. Мне, например, очень понравилась там глава, посвящённая Русской партии и русскому консерватизму в советское послевоенное время, автором которой является Кожевников, у которого есть и собственная отдельная монография про Русскую партию. Причём, несмотря на его некоторый лёгкий национал-коммунистический уклон, эта работа весьма и весьма неплоха. Из разряда изучения русского национализма в логике «кушать люблю, а так – нет» есть, прежде всего, классика – Алексей Ильич Миллер «Империя Романовых и национализм». Автор это не всегда однозначный – это такой умный либерал, который старается научно контролировать тему русского национализма. Иногда при этом он делает очень странные и абсурдные утверждения, например, из книги в книгу у него кочует теория, что якобы Уваров начал распространять термин «народность» в пику терминам «нация» и «национализм», которые воспринимались как «слишком революционные», связанные с декабризмом. Однако ситуация была диаметрально противоположная – в «Русской Правде» Пестеля слово «нация» обнаруживается всего два раза и то применительно к иностранцам, а всё остальное время там упоминаются «народ» и «народность». Напротив, у Уварова и его последователей слово «нация» употребляется сплошь и рядом. Так что тут налицо проблемы с фактчекингом и интерпретацией. Но при этом огромное количество серьёзных мыслей и подходов здесь, в этой книге, есть. Второй автор, также балансирующий на границе объективного, либерального и даже с элементом пропаганды, подхода к русскому национализму – Андрей Александрович Тесля, у которого вышла книга ««Истинно русские люди». История русского национализма». К сожалению, содержание не вполне оправдывает название, в том смысле, что это собрание статей и лекций, а не систематическая история и не систематический общий труд в целом. Но важно то, что некоторые существенные мысли, хотя и достаточно негативистские по отношению к русскому национализму, у Тесли есть, так что знакомство с его работами совершенно обязательно.

Последние годы не может не радовать то, что происходит с журналом «Тетради по консерватизму», который от журнального формата перешёл в коллективно-монографический режим. Берётся раз за разом какая-нибудь важная существенная тема или фигура – Уваров, Катков, Солженицын, святой Иоанн Кронштадтский, Юрий Самарин, Розанов и другие, и фактически этому посвящается целый номер. В нескольких номерах с достаточно серьёзными статьями участвовал и я, в частности, посвящённых Уварову и Каткову. Все выпуски есть в сети на сайте http://essaysonconservatism.ru/, где они находятся в свободном доступе. Я считаю, что ключевые номера вообще стоит издать как книги, как коллективные монографии, потому что это достойно не только журнального формата. Но, опять же, если говорить об истории и теории национализма, невозможно обойтись без легендарного журнала «Вопросы национализма», который долгие годы издавался Константином Анатольевичем Крыловым и Национал-демократической партией. Там масса интересного материала, он и сам, по сути, является фактором истории русского национализма и в нём, соответственно, тоже много материалов, хотя как-то так получилось в итоге, что про западный национализм там поведано несколько больше, чем про историю русской националистической традиции, но тоже есть и достаточно много.

***

Теперь же обратимся уже непосредственно к истории русского национального самосознания и начнём, конечно, с Древней Руси. Говорить о нём очень уж много не приходится, поскольку, когда речь идёт о древнейших эпохах национального сознания, то там никакой попытки его сохранить нет, поскольку эта живая традиция, чаще всего, живёт сама по себе. Всё Средневековье и первую половину Нового

времени никто не ставил вопрос о том, есть ли Бог или нужен ли царь. Национальное в этой ситуации тоже оформлялось и развивалось естественно. В этом смысле, мы видим не столько теорию национального сознания, не столько какие-то систематические своды, сколько «симптомы» в культуре. Но, тем не менее, даже вот в этом естественном историческом бытовании национального самосознания всё равно там бывали какие-то кризисные точки, когда оно, по тем или иным причинам, оказывалось под ударами или под сомнением – и тогда оно себя проявляло достаточно ярко. Я настаиваю, что русское национальное сознание – это очень древний феномен. Фактически, в Бертинских анналах уже присутствует то русское первичное «я», что «мы есть народ рос, у нас есть правитель с титулом хакан». Это говорит о том, что этот народ отличает себя от остальных, причём, как политическую общность – а это и есть нация. Народ, который политически отличает себя от других, претендует на то, чтобы быть нацией. Русские, в общем, успешно доказали это в ходе истории. Вопреки утверждениям некоторых авторов, в частности Сергея Сергеева, что якобы у русских на древнейшем этапе даже этническое сознание было очень малоразвито, я подчёркиваю, что это категорически не так. В «Повести временных лет» мы обнаружим множество текстов и тезисов со словом «русский», различных определений с тем же словом – и все они будут говорить о развитом этническом сознании и этнической дифференциации. Симптоматика нормального национального сознания прослеживается через весь период истории, который мы называем древнерусским – так сложилось, что мы его так называем вплоть до Петра Великого. Не знаю, насколько это уместно, но сложилось вот так. И всё это мы можем, из тома в том, что называется, с карандашиком, обнаруживать в крупных сводах древнерусской литературы – например, старого советского образца, в «Памятниках литературы Древней Руси». Есть новая «Библиотека литературы Древней Руси» из примерно двадцати томов – очень-очень полная, хотя, конечно, не абсолютно, но это действительно масштабная научно откомментированная антология. То же самое мы обнаружим в любом томе Полного собрания русских летописей. Так что, никакого сомнения в том, что русские есть, русские мыслят себя как русские, русские отличают себя от других народов и осознают своё определённое место в мире, достаточно высокое, всё это представлено достаточно в любой русской летописи, собранном в данном собрании. Иногда, как в «Повести временных лет», с одной стороны, с другой стороны, например, в Степенной книге мы обнаруживаем целую глобальную историософию русской истории. Об этом писалось много, особенно много об этом писал специалист по истории древнерусской литературы академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, человек, игравший в нашем послевоенном интеллектуальном континууме роль русского криптонационалиста, при этом абсолютно рукопожатного со стороны либералов (в 1990-е он как на удивление легко вписался в качестве культового персонажа в ельцинский континуум). Весь послевоенный советский период каждую возможность, каждую щель, которая предоставлялась официозом, Лихачёв использовал для того, чтобы писать о русских и русском национальном наследии. Особенно активно он работал в этот сталинско-ждановский период после окончания Великой Отечественной войны, когда, в частности, вышла его книга «Национальное самосознание Древней Руси». Книга эта не без передержек, как и весь ждановский русский национализм был не без оных – иногда там были очень экстравагантные суждения. Но, тем не менее, книга вполне себе достойная и уж точно обосновывающая тот факт, что русское национальное самосознание в Древней Руси было абсолютно на своём месте. Начинается оно с первого крупного памятника русской литературы – «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, который был назначен Ярославом Мудрым. На кафедре он пробыл недолго, но достаточно, чтобы сказать это «Слово». Это, фактически, первый манифест русской особости, русского национального сознания и даже с претензией на некоторую исключительность. Сложный вопрос, насколько приемлема интерпретация того же Лихачёва, что под законом в этом тексте, произнесённом во время русско-византийского конфликта, имеется в виду Византия, а под благодатью – Русь и новопринявшие православие народы, но, тем не менее, у него чётко подчёркнуто, что Русь не есть земля незнаемая и неведомая, а славная земля, которую ко Христу привёл князь Владимир, уподобляемый самому Константину Великому – это совершенно несомненно.

Дальше – «Слово о полку Игореве». Это пример того, как национальное сознание актуализируется в период кризиса. Несомненно, вторая половина XII века, то, что в историографии у нас называется обычно периодом раздробленности, в любом случае была периодом острейших междукняжеских конфликтов и предельного взаимного отчуждения среди обширного к тому моменту и

контролирующего разные территории рода Рюриковичей. И вот в этой поэме тема того, что Русская земля вся едина, что там и Всеволод, и Ярослав Осмомысл, и Святослав на киевском столе, и князья в Полоцке, и, собственно, Игорь в Новгороде-Северском, причём едины не столько как родственники-Рюриковичи, сколько именно как представители Русской земли. В этой повести самое важное – подчёркивание того, что все княжества являются Русской землёй. Здесь мы видим примеры и национализма, и консерватизма: национализм – через понятие «русский», консерватизм – через попытку сохранить перед кризисным вызовом эту идентичность. Таким образом, в поэтической форме существует первый памятник русского сознательного национального консерватизма. Очень похожий на это памятник текст – «Слово о погибели Русской Земли». О самой погибели в дошедшем до нас тексте ничего не сказано, но это такой краткий текст, воспоминание о той эпохе Русской Земли, когда она была едина, не разгромлена татарами. Она описывается как единая целостная, употребляя бахтианский термин – «единое гротескное тело», где одинаковой природной реальностью являются и горы, и виноградники, и города, и ручьи, и живность, и бояре, и князья <…> Это тело мыслится в границах Руси Ярослава. Здесь мы видим мощный консервативный аспект, связанный с сохранением представления о единстве Русской Земли в условиях, когда она была реально политически разгромлена, оккупирована и раздроблена. Это очень важный факт для понимания, в принципе, того, что происходило в Средневековье, особенно в т.н. монгольский период. Практически не было политических фактов, которые бы подтверждали существование Русской Земли, она сохранялась, прежде всего, как книжная, как литературная традиция – в текстах монахов, в летописях, в подобных литературных памятниках, по которым учили князей и молодых бояр. Соответственно, через эту литературную традицию до того момента, когда уже настало время объективного политического воссоединения, представление о Русской Земле дожило. В этом смысле Россия и русская нация являются продуктами именно своей литературной и интеллектуальной национально-консервативной традиции. Если бы мыслящие и пишущие люди, прежде всего. церковные, отвечавшие за большую часть письменности, забыли об этом представлении, то в этом случае, конечно, Русская Земля бы исчезла, она бы просто оформилась через несколько достаточно узких этносов без особых притязаний. Только потому, что они помнили об этом постоянно, произошло соответствующее воссоединение. Но не только церковные люди и не исключительно они выражали подобное. Блестящее совершенно тому подтверждение – «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина. Он оказывается сперва в Персии, а потом в Индии, где вынужден называться мусульманским именем, не может соблюдать посты, ужасно страдает от того, что не знает, когда Пасха, записывает по-тюркски цены на индийских проституток. Параллельно, что очень смешно, это первый в русской письменности человек, у которого пробудилось расовое сознание белого человека, в связи с тем, что у индийцев на белых людей был чрезвычайно большой спрос и большой к ним интерес. К нему испытывали особое подчёркнутое уважение. Ещё за несколько десятилетий до Васко да Гамы Афанасий обнаруживает, что быть белым в Индии очень даже неплохо. И вот среди всего этого, записывая часть текста по-тюркски, он пишет о том, что Русская Земля прекрасна, нет на земле лучше её, даже несмотря на то, что правители её несправедливы, и молит Бога о том, чтобы она сохранилась. Это говорит о том, что в представлении пишущего думающего человека, не обязательно принадлежащего к церковной среде, просто образованного мирянина второй половины XV века, не из Москвы даже, а из Твери, проигравшей в борьбе между княжествами, где, по логике вещей, должен был бы развиваться сепаратизм – но ничего подобного. Он мыслит категориями русского и Русской Земли, даже по-тюркски, всё равно мыслит именно о Руси.

Вновь вспомним Дмитрия Лихачёва и другую его книгу – «Культура Руси эпохи образования русского национального государства». Это вообще очень важный концепт – русское национальное государство, эта одна из немногих полезных историй, которая выросла из сталинских игр в русский патриотизм. Исходно, впрочем, это произошло от школы Ключевского, который первым заговорил о нации и национальном государстве. После дикого периода русофобской школы Покровского фактически школа Ключевского была восстановлена в своих правах – не столько благодаря Сталину, сколько благодаря заведующему идеологией Андрею Жданову. Применительно к периоду XV – XVII веков употреблялась концепция становящегося русского национального государства, которое потом превращается потом, постепенно, со времён Ивана Грозного в многонациональное государство, но

исходно о нём говорится именно как о национальном. О том, как вырабатывался этот концепт, как, на самом деле, непросто за него шла борьба, особенно после войны, когда недобитые представители школы Покровского начали продвигать возрождённый марксизм, совершенно антинациональный и антиимперский, при этом пользуясь некоторой поддержкой Сталина, фактически, против Жданова, есть хорошая книга Андрея Львовича Юрганова «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма». Это развёрнутый анализ этих концептуальных баталий, которые шли среди них, но важно то, что факт остаётся фактом – эта идея, эта концепция засела в умы, хотя потом, при Хрущёве, её попытались отменить, заменив концепцией «централизованного государства». Национальный аспект был смазан, главное, что оставлена теперь централизованность. Насколько вообще та Русь XV – XVI веков была русским национальным государством – это вопрос дискуссионный. В частности, у меня есть дискуссия с автором прекрасной книги «Рождение государства. Московская Русь XV – XVI веков» петербургским историком Михаилом Марковичем Кромом. Это великолепная книга, совершенно антитотализаторская, антирусофобская, в том смысле, что он подчёркивает нормальность хода исторического развития русского государства в Европе и показывает, что мы шли в примерно тех же темпах, что и европейские государства раннего Нового времени: у них возникали почти одни и те же учреждения, те же подходы, те же концепции, в частности, концепция национального патриотизма. В соответствии с нашей либеральной повесточкой, как только заходит вопрос о том, национальным ли государством была Русь Ивана III, Василия III и Ивана IV, Кром начинает утверждать, что не была, она скорее похожа на династические монархии, типа австрийской или османской. Но вообще это ерунда. Сразу видно, что это попытка автора, насилуя материал, соответствовать нынешней рукопожатной либеральной повесточке. Любое государство того времени, причём не только монархии, но и даже Голландская республика, было династическим (в Голландии правила Оранская династия). До Великой французской революции династизм с национальностью был связан самым непосредственным образом. Наоборот, там, где династия не установилась, как в Польше, там и национальность тоже исчезала. При этом данная династия осознаёт свои права именно на определённую национальную территорию. Об этом я напомнил в своей рецензии «Рождение нации», которая была опубликована на сайте Academia.edu, затем размещена и на сайте 100 книг, а также вошла в мою книгу «Восток и Запад после Империи». Вопрос о национальном государство – единственное слабое место очень сильной книги Крома. Моя полемика по данному вопросу в статье очень хорошо развёрнута. В частности, я там провожу анализ известного дипломатического ответа Ивана III на мирное предложение польского короля, где чётко проводится национальный принцип: мы, наша династия, правим в Русской земле, а династия польских королей – в Ляцкой и Литовской землях. Здесь именно принцип национальности ставится выше принципа легитимизма, потому что понятно, что польские короли и литовские великие князья уже много столетий также правили русскими землями. Но, поскольку на русские земли, в представлении Ивана III, имеет право именно династия Рюриковичей, в частности, московская их ветвь, то, значит, притязания польских королей могут распространяться только на Ляцкую и Литовскую земли, вот они – их, а русские, включая Киев и Смоленск, это всё наше (и в течение XVI – XVII веков контроль над многими из них был действительно восстановлен Россией).

Вообще о русском самосознании Московского царства есть такой очень неожиданный способ хорошо почитать – это книга Сергея Фомина «Россия перед Вторым Пришествием». Исходно это был такой сборник пророчеств разных старцев о будущем России и приходе антихриста. Эти пророчества очень разного качества – от вызывающих доверие до совершенно стрёмных. По молодости я этим больше увлекался, сейчас отношусь с умеренным скептицизмом, но без отрицания. Для одного из сравнительно новых изданий фомин сделал совершенно роскошный первый том об истории русского национального имперского монархически-мессианского сознания. Там масса документов, в той или иной степени укладывающихся в традицию, которую называем понятием Третий Рим. Там собраны титулы русских государей, выдержки из всевозможных церковных постановлений, из всевозможных посланий с политической темой. О том, что представляло собой само мышление Русского Государства в этот период, как православной державы. Первый том «России перед вторым Пришествием» – это прекрасная антология именно для этой цели. Пример церковного консерватизма и в то же время один из выдающихся манифестов русского национализма – это творение преподобного Иосифа Волоцкого

«Просветитель», направленный против ереси жидовствующих (или, как у нас с недавнего времени, стали, по понятным причинам, из трусости называть их новгородскими еретиками). Чем интересен Иосиф Волоцкий? Первое – защита им основ Православия от еретических нападок, причём связанных с разворачивающимися Ренессансом и Предреформацией, когда в Европе обостряются всевозможные сектантские движения и они через внешние торговые ворота Руси начинают проникать к нам тоже, в первую очередь, конечно, в Новгород. Так что это была последовательная защита канонического ортодоксального Православия, то есть, консервативная тенденция. Не менее важны у Иосифа Волоцкого и национальные мотивы – именно он первым формулирует известный тезис, что «русская Земля благочестием всех одоле», что именно на ней лежит особая благочестивая миссия, защиты Православия, что русская национальная традиция является способом сохранения Православия в отступающем от Бога предапокалиптическом мире (а это была эпоха апокалиптических настроений, особенно после падения Константинополя в 1453 году). Фактически Иосиф Волоцкий формулирует одну из базовых доктрин русского национализма, которая мне и многих очень глубоко близка, что русская нация имеет безусловную ценность потому, что в современном мире только в её традиции может сохраниться истина Церкви и истина Православия. Когда задаётся вопрос: «Ради чего существуют русские?» (впрочем, для русского национализма это вопрос нелепый, поскольку каждая нация существует ради самой себя), можно отметить, что у русских есть высочайшее измерение – это то, что мы последние аутентичные хранители Православия. Это действительно так, потому что всё антирусское православие в современном мире стремительно отпадает от Бога и Церкви, что мы видим по Фанару, по украинскому расколу, который этот самый Фанар поддерживает, по грекам, которые под эту фанариотскую линию стелются – они, в общем-то, сейчас актуально отступают от Православия в полной мере. Через какое-то время единственным способом быть православным, быть с Богом в современном мире – это будет означать принадлежать к Русской Православной Церкви, к русской церковной исторической традиции.

Напрямую из идей Иосифа Волоцкого выходит концепция старца Филофея о Москве как о Третьем Риме. На эту тему существует очень много разных глупых теорий – что эта концепция якобы состоит в том, что, как писал ныне покойный Пыжиков, её якобы подбросили иностранцы, папские легаты и заодно ещё почему-то хохлы для того, чтобы отвлечь Русь от собственных дел и бросить её завоёвывать Константинополь в интересах папского престола. Это просто невежество и незнание основ и исторических обстоятельств появления этой концепции, которая гласит абсолютно противоположное – это концепция не экспансионистская, не завоевательская, такой отзвук она начинает приобретать только у Алексея Михайловича в середине XVII века, она исходно является изоляционистской. Причиной её возникновения была очень активная деятельность, которую тогда развернули при дворе Василия III агенты влияния во главе с присланным с Афона Максимом Греком (впоследствии ставшего преподобным – как богослов и учитель, а не как политический агент). Был там ещё и такой немец-астролог Николай Булев. Они очень активно склоняли Василия III к мнению о том, что Константинополь – его наследие (как сына Софьи Палеолог) и, соответственно, нужно уделить ему время и пойти войной на турок, которых Русь должна сокрушить, да и вообще ориентироваться больше на Грецию. У Максима грека это доходило до отрицания законности автокефалии Русской Церкви, что закономерно закончилось его осуждением. И вот старец Филофей фактически выстроил концепцию Третьего Рима в противоположность к этим идеям – что это Русь и есть теперь Новый Рим, это Русское Царство теперь последнее убежище Православия: «жена, облечённая в солнце, бежит в пустыню» – это значит Церковь бежит под защиту Руси, что это не за Римом и не за Константинополем надо Руси гоняться, а надо укреплять себя саму, себя держать в Православии. Послания Филофея хорошо изданы в книге Н.В. Синицыной «Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.)». Там неплохо проведённый анализ материала. Синицына, правда, как-то уходит от политического контекста этой концепции и сводит её к чисто эсхатологической, но она правильно подчёркивает, что утверждения про неё как про концепцию русского мессианизма – неверны. Когда сегодня у нас некоторые иерархи тоже говорят, что якобы концепция Третий Рим давно сдана в утиль, потому что мы мессианизмом не занимаемся, это опять же неверно. Ядро этой концепции – древняя, идущая ещё от апостола Павла концепция Катехона, т.е. Удерживающего, той политической, той государственной миссии, той Империи в

широком смысле, которая противостоит апостасии и сползанию мира к власти антихриста. До тех пор, пока эта удерживающая мир сила не упразднена, до тех пор, пока она в той или иной форме действует, Катехон стоит на пути антихриста и всех связанных с ним ужасов массового отступления людей. Эсхатологизм этой концепции именно в этом и заключается. Ещё одна книга, посвящённая Филофею – В. Малинин «Старец Елизарова монастыря Филофей. Его послания. Историко-литературное исследование» (1902).

Ещё один характерный в этом смысле пример, манифест национального сознания – «Новая повесть о преславном Росийском царстве» и аналогичные с ней памятники эпохи Смутного времени. Когда опять же говорится, что якобы в Смутное время русские ещё недостаточно осознавали себя русскими – это абсолютная глупость. Можно смотреть «Новую повесть», где мы обнаруживаем все классические националистические топосы: противопоставление московских людей и лятских людей, которых необходимо выгнать за пределы России, идея, что все русские со всех уголков Русской Земли должны быть заодно, что они все братья – это самые основы, самый фундамент стандартного националистического дискурса. И вот насколько он был возможен в начале XVII века – настолько он в этот момент в России, безусловно, существовал и был именно тем пусковым механизмом, который позволил нации преодолеть Смутное время без личного суверена. В ситуации, когда суверен был сначала слабым, как Василий IV Шуйский, а потом исчез вообще, русские функционировали как достаточно зрелая и очень вдумчивая нация, которая чётко понимает, в чём её интересы и способна сама восстановить свой суверенитет и как это могло получиться в эпоху Смутного времени «Новая повесть» и аналогичные ей документы очень хорошо показывают. Дальше, показав свою зрелость и жизнеспособность как нация, русские получили возможность примагничивать к себе такие оторванные куски как, например, Малую Русь. Очень характерно то, что это понятие не такой уж естественный концепт – он возник в конце XVI века после Брестской унии благодаря трудам такого известного защитника Православия Иоанна Вишенского, который противопоставлял Великую Русь, где Православие крепко, и Малую Русь, где оно гонимо со стороны ляхов и латинян. Следовательно, отсюда следовал логичный вывод, что Малой Руси следует воссоединиться с Великой Русью. Именно поэтому эта концепция Малой Руси стала ведущей в ходе «сепаратистской» деятельности Богдана Хмельницкого и его окружения. Причём очень интересно, что эту концепцию активно продвигал Иван Выговской, который потом сам от России отступил, но, тем не менее, до этого момента он эту концепцию очень хорошо продвинул. Когда произошло воссоединение, когда была сформулирована доктрина Переяславской рады, это была именно доктрина Малой Руси, которая воссоединяется с Великой Русью. Правда, вскоре после этого последовал серьёзный религиозно-психологический этнический кризис на самой Великой Руси. Памятником данного времени является «Житие протопопа Аввакума», основателя и идеологического лидера старообрядчества. В общем, достаточно понятно, что старообрядчество – это консервативное, причём радикально-консервативное движение, противопоставляющее старую веру, старый церковный устав и старый порядок воле начальства, воле монарха, воле церковной иерархии. В этом смысле основной пафос старообрядчества в том, что традиция выше суверенитета. Именно это вело старообрядцев к таким, в общем-то, радикальным действиям, как Соловецкое восстание, всевозможные бегства, самосожжения, восприятие Петра I как «антихриста». Фактически, если суверенитет угрожает традиции, то это не суверенитет. Нельзя даже сказать, что это в полной мере ошибка, скорее здесь имело место несоизмерение ситуации и радикальности выводов. Будь старообрядцы чуть-чуть сдержаннее в своих определениях ошибок царской власти и никонианства, может быть эту ситуацию удалось бы гораздо быстрее каким-то образом исцелить. Но что вышло, то вышло. Характерно то, что Аввакум мыслит именно в логике национального консерватизма, то есть он противопоставляет русскую национальную церковную традицию всяким нововведениям, всяким безумным новшествам, которые входят через Никона и его последователей, и «испроказили» веру. Он постоянно обращается к Алексею Михайловичу в логике: «брось ты все эти греческие штуки дурацкие и скажи по-нашему, по-простому, по-русски!» Это такая попытка национал-традиционалистской реакции против тех вещей, которые принесла с собой никоновская реформа, но даже, на самом деле, не столько никоновская, сколько царская, потому что у Патриарха Никона не было никакой принципиальной чёткой любви к новым обрядам, к ним он был практически безразличен, он был одержим идеей превращения Третьего Рима в актуально-

политический центр Православия и для него реформа была только инструментом на пути к этой цели. Но эта цель не стоила тех чудовищных последствий, которые она для России и для русского национального самосознания.

***

Теперь переходим ко времени, когда зарождается русский национальный консерватизм в собственном смысле – к периоду XVIII – начала XIX веков. На пути этого лежит петровская революция, которая действительно имеет серьёзный привкус глобального национального самоотчуждения. Об этом, даже с некоторыми передержками, пишет такой прекрасный автор как Ричард Уортман в двухтомной книге «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Это попытка осмыслить проявляющиеся через церемонии, через стиль, через жесты, через дизайн предметов, зрелищ, самосознания русской монархии от Петра Великого до Николая II. Здесь, фактически, каждому из императоров посвящено по главе, где описана особая для него схема саморепрезентации и представления публике. Уортман придерживается концепции, что исходная петровская идея была в том, что это была концепция «второго завоевания Руси» после варягов, что он завоёвывает Русь и делает с нею всё, что угодно. Это не совсем верно, точнее даже, совсем не верно. Я написал об этом в своё время рецензию для журнала «Отечественные записки» – о том, что как раз уже для Петра характерно то, что не он с иностранным приходит на Русь, а наоборот – это он заграницу захватывает для русских как трофей. Здесь важно то, что именно с петровского времени понятие нация, к тому времени уже достаточно распространённое в Европе, начинает применяться относительно России и русских. Начиная с петровского времени русские мыслятся как политическая нация – и сами, на своём политическом языке, и на языке европейской дипломатии и публицистики. Это, конечно, прежде всего, внешнеполитическое определение нации – нация это сообщество, то государство, которое ведёт независимую внешнюю политику в рамках европейского равновесия и «европейского концерта». Но, при этом, определённые представления о том, что нация – это суверенное сообщество, тоже существует и у европейцев, и у самих русских. Особенно это хорошо заметно на той антинемецкой риторике, которая постоянно возникает в связи с дворцовыми переворотами, в связи с «бироновщиной», в связи с переходом власти от Анны Леопольдовны к Елизавете Петровне, в связи с екатерининской революцией, когда она совершает переворот против Петра III, будучи сама чистокровной немкой (в отличие от него у неё не было ни капли русской крови), но, тем не менее, выступающие вокруг неё гвардейцы говорили о защите русских начал. На самом деле в этом смысле очень полезно прочесть книгу И.В. Курукина «Эпоха «дворских бурь»». Там очень интересный и богатый материал н эту тему, при том, что автор эксплицитно отрицает тему «немецкого засилья», говорит, что она вымышлена, но если мы читаем внимательно те свидетельства, которые он приводит, то, во-первых, это говорит о том, что оно действительно существовало, что немецкое влияние в этот период было достаточно большим, а во-вторых оно так осознавалось и недовольными представителями русской элиты, русского офицерства и даже части русских средних слоёв, и также осознавалось иностранцами. Когда Швеция в 1740 году развязала войну, то первая прокламация шведского военачальника была именно на ту тему, что такой серьёзной нации, как русская, неприлично иметь в правителях сплошных иностранцев – они рассчитывали на то, что под эту войну Елизавета произведёт переворот и пойдёт со Швецией на какие-то уступки. Елизавета действительно переворот совершила, под лозунгом того, что она есть природная православная персона, после чего, вместо уступок, Швецию в очередной раз разгромили и заставили навсегда об этом забыть.

В рамках этой новой, сначала предпросвещенческой, а потом просвещенческой парадигмы, которая разворачивается при Петре Великом, русские мыслятся именно как европейская нация, Россия – как европейская держава. Как европейская нация русские трактуются в соответствующих литературных категориях и контекстах. Об этом есть очень неплохая книга Лии Гринфельд «Национализм. Пять путей к современности», где она рассматривает русскую националистическую парадигму XVIII века – первые представления о патриотизме, о русскости, об исключительности, проводимые через оды Ломоносова, Державина и прочих авторов. И вот эта русская исключительность становится основой этой национальной самоинтерпретации. Эту тему очень удачно продолжает наш компетентный

либеральный историк Андрей Зорин в своей книге «Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века», посвящённой соотношению литературы и государственной идеологии в России в указанный период, доходя даже до Уварова. Начинается это с ранних державно-патриотических тезисов в русской литературе, из которых видно, что, действительно, вся основа для русского национализма, уже в этот момент была сформирована. Когда мы читаем Ломоносова «Оду на юбилей восшествия Елизаветы», когда мы читаем Державина, то перед нами предстают такие вполне внятные для XVIII века националистические манифесты. Ту тему, что в России якобы нации нет, в то время бы в России просто не поняли да за это ещё и дали бы 50 палок, если не больше – потому что утверждение, что в России нет нации в политическом языке XVIII века означало бы, что Россия не является суверенной державой, суверенным государством. Это было бы попросту настоящее оскорбление Величества и оскорбление Империи. В этом смысле ни о каком ненационализме в XVIII веке в России речи попросту не шло и идти не могло. Другое дело, что эта нация никак не ассоциировалась с полнотой и культурной целостностью древнерусской традиции. Это была просвещенческая, послепетровская нация. Хотя это опять же, ни в коем случае, не исключало внимания к тем или иным историческим аспектам до того момента, скажем, Екатерина II, притом, что она была просвещенкой и вольтерьянкой, имела очень большой интерес к русской истории и, помимо всего прочего, была родоначальницей gender studies в России, так как отдельный, особый интерес питала к правившим на Руси женщинам и игравшим выдающуюся роль, но не только. Она переписала для себя житие преподобного Сергия Радонежского, делала систематические заметки по русской истории, то есть, в общем и целом, русская история именно в екатерининское время начинает очень чётко рассматриваться как фундамент для всего дальнейшего.

В этом смысле очень характерна фигура одного из первых русских предконсерваторов и преднационалистов, соратника Екатерины Великой Ивана Никитича Болтина, генерала и историка, автора одного из самых первых антирусофобских произведений в истории – «Примечания на «Историю России» Леклерка». Эта книга по загадочным причинам у нас до сих пор не переиздана – я её читал в сброшюрованной фотокопии, сделанной по заказу. Книга эта непростая для чтения, поскольку он там постоянно спорит с Леклерком по мелким поводам, но, так или иначе, главный пафос в книге Болтина – это защита национального достоинства России от иностранных клевет. Это то, о чём пишет Зорин и пишут многие другие авторы – уже в XVIII веке Россия столкнулась с таким явлением европейской политики, как русофобия, неприятие существования России в этом «европейском концерте», неприятие её существования в качестве великой державы, утверждение, что Россия не является европейской державой и пусть тогда отвалит куда подальше, в Татарию, как говорил министр иностранных дел Франции при Людовике XV Этьен Франсуа де Шуазёль. Эта русофобия, вплоть до определённого ощущения, что существует некий антирусский русофобский заговор, была уже достаточно выражена. У Зорина есть даже целая глава, посвящённая оде Петрова «На заключение Оттоманской Портой мира», где говорится о ней как о рождении антирусского всеевропейского заговора. Только вот заговор и в самом деле существовал, поскольку османов к войне фактически принудили именно европейские дипломатии, это очень хорошо известный и очевидный всем факт. Это внешнее давление чётко формировало русскую национальную мысль именно в том аспекте, что национализм себя воспринимает как то, что мы – это нечто особое. Если говорить о консерватизме этого периода, то есть пограничная фигура – князь Михаил Михайлович Щербатов, категорический критик всех либеральных проектов Екатерины, например, её «Наказа», всевозможных прикидок по освобождению крестьян, представитель своего рода аристократической фронды, которая всегда в рождении любого европейского консерватизма играет весьма существенную роль, потому что в монархиях всегда есть такие достаточно централизующие и уравнивающие тенденции. Сильные монархи, особенно абсолютистской эпохи, всегда в значительной степени делают ставку на третье сословие и, в соответствии с этим, аристократия выступает отчасти защитниками прошлого. Назвать в полной мере Щербатова русским консерватором или же предтечей русского консерватизма, в общем-то, нельзя. Он, скажем, совершенно не разделяет базовой парадигмы русского консерватизма, очень широко популярной впоследствии у славянофилов, о вредоносности преобразований Петра Великого – у него есть такое достаточно наивное футурологическое эссе, что в какое бы время Россия достигла

бы своего нынешнего развития, если бы не реформы Петра Великого. У него получалось, что только к концу XIX века в России было бы столько образованных людей, сколько их имело ко второй половине XVIII века. Это, конечно, очень наивная технология футурологических исследований, но оно само по себе показательно – базовый принцип петровского переворота Щербатов, в общем и целом, принимает, но не принимает определённого рода его моральных последствий. Этому посвящено самое знаменитое его произведение «О повреждении нравов в России», довольно жёсткий антиекатерининский памфлет, который представляет собой настоящий гимн русскому старому боярству эпохи Петра Великого. Именно туда многочисленные истории про князя Якова Долгорукова, разрывающего царский указ, про графа Бориса Шереметева, который хранил верность и казну – русские бояре старого образца, старая русская аристократия противопоставляются всем этим петровским новизнам как правильный политический идеал, как защитники того духовного и психического строя, который действительно соответствует настоящему государству. При этом, по большому счёту, если почитать Щербатова внимательно, мы обнаружим, например, что он вообще, строго говоря, не совсем монархист, а фактически является таким плохо шифрующимся сторонником аристократической республики. Это особенно проявляется в его примечаниях на екатерининский «Наказ» – он острее всего реагирует на знаменитую формулировку Екатерины о том, что под размеры России лучше всего подходит монархическое устройство, чтоб дальность расстояний компенсировалась быстротой решения дел (явно ориентируясь на Монтескьё). Щербатов говорит, что в республиках это компенсируется другим, прежде всего, ответственным отношением должностных лиц к своей должности, так что мы, фактически, обнаруживаем, что он такой консервативно-аристократический республиканец, а никак не монархист. В этом смысле, насколько мы можем считать Щербатова не просто стародумом, а именно консерватором, это, конечно, очень большой вопрос. В его лице это фигура, впрочем, весьма и весьма значимая.

Стоит несколько слов сказать и об императоре Павле I. Он также был одним из предтеч русского консерватизма, по крайней мере, в том смысле, что он попытался в императорское правление внести нотку такого романтизма, в то время, когда в Европе романтизм ещё, собственно, только зарождался, культ рыцарства и всё в том же духе только начинались. И он же считал необходимым уже противостоять идеям и идеологии Французской революции, но всё-таки осознанный консерватизм начинается чуть дальше.

***

Далее мы переходим к началу XIX века и рождению русского консерватизма. Об этом есть блестящая монография Аркадия Юрьевича Минакова «Русский консерватизм в первой четверти XIX века». Это период царствования Александра I (1801 – 1825). В плане истории русского консерватизма она описана практически исчерпывающе. Можно что-то углубить, но вся концептуальная сторона Аркадием Юрьевичем совершенно великолепно представлена. Конечно, лучше всего прочитать её саму, а я поведаю только самые основные, общие вещи, опираясь, прежде всего, именно на данную работу. Понятно, что русский консерватизм, как и все европейские консерватизмы, родился как ответ на Великую французскую революцию. Как хорошо об этом писал Карамзин, «революция разъяснила идеи». Дальше он перечисляет, какие ложные просвещенческие идеи пример Французской революции опроверг – что прогресс всегда является благом, что можно по рациональному плану перестроить государство. Выяснилось, что лучше сохранять устойчивые государства, лучше не скакать слишком быстро, лучше не полагаться на доброту человеческой природы. Весь европейский консерватизм по-настоящему возник из отрицания основных догматов Просвещения, после того, как его плоды были наглядно явлены в лице Французской революции и якобинского террора. Соответственно, большинство консерваторов «первого призыва» – это именно образумившиеся просвещенцы, иногда даже какое-то время восторгавшиеся революцией. Во главе этого процесса стоят два человека. Первый – это Эдмунд Бёрк, английский политический мыслитель, который от либерального вигизма с криптокатолическим душком перешёл к консерватизму и критике французской революции тогда, когда там ещё только цветочки видны были. В 1790 году вышли его «Размышления о Французской революции», где он спрогнозировал всё, что будет дальше и объяснил, почему это плохо. Бёрк был

представителем прогрессивного консерватизма, поскольку он трактует историю как накопление блага, как улучшение, и требует для того, чтобы оно происходило, сохранения предшествующих ходов и моментов. Единственным условием действительного прогресса является Традиция. Это сейчас мы сказали бы, что это совершенно английская мысль, но по-настоящему таковой она стала только с Бёрка – это он «развёл» англичан на идею, что они нация традиционалистов. Если вы прочитаете жившего всего лишь на несколько десятилетий дальше Честерфильда, то никакого особого традиционализма или консерватизма вы там не обнаружите – такой вполне себе классический рациональный просвещенец. Таковым же является и Болингброк. Гиббон тоже является просвещенцем, притом активном клеветавшим на Византию. Это именно Бёрк убедил англичан в том, что они – страна традиций. Бёрк оказал огромное влияние на европейскую консервативную мысль, но, при этом, непосредственно в России его никогда особо не читали и не переводили. Возможно с его трудами был знаком Карамзин, потому что он точно знал о Бёрке и упоминает его имя в «Письмах русского путешественника», он был очень образованный человек, так что мимо него не могла пройти такая нашумевшая книга о революции. Но при этом эксплицитно влияние Бёрка у нас, на самом деле, прослеживается очень мало, только опосредованно, через бёркианскую традицию в целом.

А вот второй отец европейского консерватизма, граф Жозеф де Местр, повлиял на рождение русского консерватизма самым непосредственным, физическим образом, потому что он был в России. Будучи посланником сардинского короля, он в течение нескольких десятилетий прожил в Санкт-Петербурге. Его самый крупный труд – «Санкт-Петербургские вечера». Рамка того разговора, который там ведётся, это летнее катание на лодочке на Неве и последующие посиделки на питерских рекреационных островах. Де Местр имел огромное влияние на тот круг русских консерваторов, который сложился к началу XIX века. Он имел огромное личное влияние на Александра I, его регулярно спрашивали о каких-нибудь делах – из всех проектов памятника Минину и Пожарскому именно он по своему вкусу выбрал именно тот, который мы сейчас с вами видим. Главное его влияние было в том, что он воздействовал на русский политический и интеллектуальный класс в смысле его антифранцузского настраивания. Сам он, надо отметить, французом не был, он был савойцем, хотя близко был завязан на французский монархизм и на французских роялистов и эмигрантов. Он постоянно говорил русским о том, что хватит уже подражать всей этой французской дряни – модам, литературе, всей этой пропаганде, всем эти революционным стишкам, нельзя пускать в Россию революционных эмигрантов, не надо приглашать к себе французских учителей, если это не эмигранты-роялисты. Он вёл очень основательную обработку русских в том ключе, что русские должны быть самостоятельны и оригинальны. Соответственно, определённые плоды, в какой-то момент, начали сказываться. Однажды он пришёл в салон и обнаружил, что вопреки обыкновению, никто не обращает на него внимания – какой-то Крылов читает свои басни, причём на русском и довольно простонародном языке. Де Местр этого языка не знал, поэтому сказал, что ему тут делать нечего и несколько обиженно ушёл. В конечном счёте, что называется, де Местр самолично пострадал от того русского своеобразия, на рождение которого повлиял, потому что, в конечном счёте, его за иезуитскую пропаганду просто выслали из России. С Россией вообще связано довольно много его сочинений. Изданы его «Петербургские письма. 1803 – 1817» и переведены на русский язык. Там можно узнать, как конкретно ему жилось в России и на что он обращал внимание. При всём при этом, до некоторой степени, он русского языка так никогда не выучил. Православия так никогда толком и не понял – он был не только ультрароялистом, но и ультрамонтаном, то есть тем европейским католиком, которые считали, что главное начальство всё равно находится в Риме. В этом смысле они не были националистами своих народов. Поэтому он написал такую гадкую книгу «Религия и нравы русских». Тут, как не странно, он дал просто какую-то волю полному своему непониманию – это вполне себе труд в духе русофобии. Ещё одна вещь, которая активно влияла на формирование консервативного самосознания – это труды Огюстена Баррюэля. На русский язык переведена и издана его «История якобинства». Это один из первых и самых ярких конспирологических трудов в истории, где Баррюэль возводит события Французской революции через посредство масонов и иллюминатов к пресловутой мести тамплиеров. Он, что называется, копнул тут по-настоящему глубоко. Для своего времени эта теория заговора играла огромную роль в формировании такого консервативного и антиреволюционного мышления.

Как рождался и развивался собственно сам русский консерватизм? Все помнят, что «дней Александровых прекрасное начало» характеризовалось тем, что Александр I пытался проводить либеральные реформы вместе с кругом своих друзей, где отдельную фракцию составляли поляки во главе с князем Чарторыйским. Потом лично его монархическое сознание, как и монархическое сознание всей Европы, было оскорблено после того, как Бонапарт, провозгласив себя императором французов, убил одного из видных представителей рода Бурбонов – герцога Энгиенского, после чего началась война, продолжившаяся Аустерлицем, разгромом Пруссии при Йене и Ауэрштедте, в конечном счёте – неудачей русской армии при Фридланде, после чего был заключён отчасти носивший капитулянтский характер Тильзитский мир, после чего в окружении императора большую роль стал играть гений русской либеральной бюрократии Михаил Михайлович Сперанский, который подготовил круг ещё более либеральных и ещё более западнических реформ, вплоть до введения Гражданского Уложения, фактически списанного с Кодекса Наполеона. Всё это очень не нравилось русской патриотической партии, которая к тому времени уже сформировалась и в культурном смысле, и в смысле геополитически-антиреволюционном. Во главе этой партии становится Великая княжна Екатерина Павловна, сестра императора Александра I, при этом его достаточно близкий друг. Сам император как-то всегда был идеологически многовекторным. Он проводил какую-то одну политику, но при этом с большей или меньшей эмоциональной напряжённостью выслушивал всегда её критиков. Именно это позволяло ему в критических случаях внезапно менять курс своей политики чуть ли не на 180 градусов. Екатерина Павловна стояла во главе такого оппозиционного и одновременно и национал-патриотического, и консервативно-антиреволюционного, антипросвещенческого кружка. Вокруг неё собирались де Местр, Державин, адмирал Шишков, Карамзин и многие другие. В какой-то момент даже с разной степенью серьёзности ходили слухи после Тильзитского мира, что сейчас будет против Александра I очередной переворот, и Екатерина Павловна станет императрицей Екатериной III. Но это, конечно, была очень безумная затея, которая, впрочем, никак ей не повредила, скорее наоборот, эти слухи требовали серьёзно относиться к тому, что говорится в её кружке. Этот кружок имел последовательный антифранцузский, антинаполеоновский курс на новую войну с Францией. Если бы не его деятельность, то, по крайней мере, возможно, Наполеон в 1812 году на Россию не пошёл бы и, возможно, сделал бы это гораздо позже. Можно сказать, что именно кружок Екатерины Павловны несёт непосредственную политическую ответственность за развязывание данной войны, в чём, впрочем, нет решительно ничего плохого. Если Россия провоцировала эту войну, то из этого не следует, что она была «агрессором» и неправа. Политический режим Наполеона над Европой был абсолютно нетерпим, он распространял всё большее количество криптореволюционных миазмов, притом, что сам Наполеон старался быть «консерватором», но таковым он был только в постреволюционной парадигме. Для всей остальной Европы «консерватизм» Наполеона был, фактически, революционной идеологией. И этой идеологии нужно было противостоять и противостоять вооружённым путём. В отношении Сперанского, против которого кружок Екатерины Павловны совершенно отчаянно интриговал, в итоге, за несколько дней до начала войны удалось добиться ссылки в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Сохранение его курса означало бы для России дальнейшее отступление перед революционными началами. Фактически Екатерина Павловна оказалась матерью-прародительницей русского консерватизма. И кстати, всякие представители разных gender studies ищут разных выдающихся женщин, то делают это исключительно на либеральном и левом фланге, а вот в русской истории есть несколько замечательных женщин-правительниц и даже женщина-политический идеолог. Она, может быть, не оставила после себя ярких сочинений, но зато все люди её круга и авторы типа Карамзина очень активно напитывались теми идеями, которые она пропагандировала и которые она, в том числе, и через них, продвигала. Роль Екатерины Павловны в этом смысле – огромная.

Самым выдающимся и сыгравшим принципиальную роль для русского национального собрания человеком этого круга был, конечно же, Николай Михайлович Карамзин, начинавший как модный писатель, реформатор русского языка в духе в стороны отступления от славянизмов к простой русской речи. В 1790 году он въезжал в революционный Париж с трёхцветной кокардой. В тот момент он даже смеялся над русской стариной, причём даже один из членов Французской Академии убеждал его в том, что Пётр всё-таки сделал для России плохое дело, что отказ русских от своей оригинальности –

это плохо. Карамзин тогда над ним категорически смеялся. Он мечтал тогда написать русскую историю как ряд художественных картин – у него было чисто художественное, писательское восприятие истории, а не исследовательское и не научное. Но именно на его примере мы видим, как Карамзин, отчасти под влиянием общеевропейской консервативной волны, связанной с неприятием Французской революции, отчасти под влиянием этого русского национального духа, уже к 1802 – 1803 годам превращается в патриота, националиста, автора афоризмов, вроде того, что цитировал в одном из своих посланий Путин – «Русский человек должен знать цену свою». После того, как его заветное желание сбылось, и он был назначен Александром I императорским историографом с определённым жалованием, хотя, на самом деле, не очень большим, Карамзин берётся писать русскую историю и обнаруживает, что её нельзя писать картинками, её надо изучать, что, вообще-то, история – это факты. По счастью он оказался не легкомысленным писакой, а человеком очень глубокого и очень острого ума. Карамзин начинает понимать, что нужно разбираться, что к чему, выяснять факты, находить источники – новых источников он нашёл довольно много, включая то же «Хождение за три моря», и привлекать их к работе. Дальше происходит то, что я назвал «исторической аскезой» – он внезапно выясняет, что национальная история это ряд ограничений, это ряд фактов, которые уже невозможно отменить: они уже были, они уже состоялись, это прошлое, которое уже определило настоящее, которое, в любом случае, определяет будущее, поэтому очень важно грамотно с этим прошлым разобраться, чтобы нести из него лучшее, а не худшее. Но, при этом, это прошлое ограничивает достаточно чётко границы возможного и невозможного, что любой самый рационалистический просвещенческий план, любая мечта о государственном переустройстве разбивается о то, что мы имеем дело с реальной древней исторической нацией. Есть его гениальная формула, что старому народу не нужно новых законов, что народу, который уже устоялся в определённой политической практике, устраивать внезапные обновленческие реформы – это значит, просто-напросто, ломать уже известную ему колею. Это, в принципе, один из самых важных гносеологических принципов консерватизма, который защищает знания, как известное, познанное и картографированное. Когда либерал приходит с проектом рационального переустройства чего бы то ни было, то на практике оно приводит к тому, что после него никто ничего не знает, очень долго, иногда десятилетиями, иногда столетиями, потому что это не так, как сложилось, это не так, как мы привыкли, это не так, как мы лучше всего умеем, а по некоему псевдорациональному плану. Об этом у меня есть в моей «юношеской» книжке «Русский националист» - главы по русской истории там не всегда удачны, а вот глава про консерватизм довольно удачная, это мысль, близко совпадающая с ключевой мыслью Карамзина.

Именно в этом качестве Екатерина Павловна призывает Карамзина к удару по Сперанскому. Удар наносится через составление «Записки о древней и новой России», где Карамзин создаёт философию русской истории как скалывания определённого политического типа, как складывания определённого цивилизационного типа, как складывания определённой модели законов, то есть конституции. Эта «Записка» первоначально не очень нравится Александру I, он недоволен, он считает, что его пропагандируют, на него давят, но, в итоге, как известно, он уступает. Сперанский получает отставку, Карамзин остаётся одним из главных идеологов Империи, для которой на тот момент главным становится война с Наполеоном. «История государства Российского» построена вся на этом принципе, обозначенном в «Записке». Там может быть много претензий по частностям. Фанаты Ивана Грозного не очень любят то, как Карамзин описал его как тирана, причём иногда, действительно, не вполне точно, потому что это именно он создал миф об убиении царевича Ивана Ивановича, хотя на деле речь идёт не об убийстве, а он нанесении тяжких телесных повреждений, которые привели к его смерти в результате сепсиса. Но, тем не менее, Карамзин создаёт общую картину, общую рамку русской истории, которая для каждого образованного человека является теперь частью его личного опыта. Огромное количество людей, которые, к тому моменту, что называется, умели читать и имели вкус к чтению, проживают через себя всю эту «Историю» Карамзина – и русская история становится частью их личной истории, что для современной нации, для нации, которая уже строится уже не на устном предании, не на каких-то случайных литературных проговорках в летописях, в поэмах, в проповедях, а именно на идеологии, на индивидуальном переживании национальной истории, является ключевым. По Карамзину, в этом индивидуальном переживании русской истории включён тезис о том, что

именно сама эта история является лучшей российской конституцией. Никакой лучшей конституции, нежели то историческое наследие и та историческая память, которые нам достались, в принципе, нет. В этом смысле, его образ Ивана Грозного был попыткой встроить механизмы противодействия тирании в историческое сознание, что после Ивана Грозного быть тираном в его стиле больше невозможно – он пытается добиться именно этого, смягчить, либерализовать нравы через это, а не через все эти формалистические конституции, то есть провести гуманизацию и смягчение нравов через историю. С другой стороны, также провести укрепление государства и правительства через историю. Всё вместе это было большим проектом Карамзина. Более подробно на эту тему я написал в своей статье «Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина» в «Тетрадях по консерватизму», которая под названием «Аскеза истории» опубликована также в моей книге «Рцы Слово Твердо».

Какая уже говорил, фактически именно кружок Екатерины Павловны подтолкнул Россию к войне с Наполеоном. Александр I сделал и не сделал ряд вещей, которые привели Бонапарта к мысли, что никакого другого способа решить вопрос с Россией, кроме как нанести ей поражение на её территории, попросту нет. Сама эта война была, в значительной степени, для русского общества даже не военным, а культурным проектом. Каждый счёл за честь принято в ней участие, каждый русский офицер и генерал счёл бы за честь быть убитым или раненым на Бородинском поле и уж точно хотел там показаться во всей своей красе. Собственно, само это сражение было дано не столько по военно-стратегическим соображениям, потому что Кутузов предпочёл бы его вообще не давать. Кутузов вообще во всём этом раскладе был достаточно неожиданной фигурой, поскольку Екатерина Павловна ставила на Багратиона, своего бывшего любовника, который, соответственно, и должен был возглавить русскую армию, вместо «этого противного» Барклая и уж он-то точно должен был Наполеона победить. У Багратиона действительно были недюжинные военные способности, так что прок в этом был, успешные для русских военные сражения точно были бы. Но другая, более массовая категория – московское дворянство, купечество, мещанство, посчитала, что нужен здесь ученик Суворова, только что покрывший себя славой в войне с Турцией, опытный генерал, поэтому призван был Кутузов, который казался образцом основательности. И вот Кутузов, прекрасный представитель школы маневра, он совершенно не хотел давать сражение при Бородине, хотя, в итоге, оно обернулось для Наполеона не очень удачно, несмотря на формально одержанный им успех (поле осталось за ним) – там была выбита вся боеспособная французская пехота, поэтому под конец французы были вынуждены атаковать батарею Раевского кавалерией. Французская армия понесла страшный урон в офицерах и генералах, причём, больше, чем русская. Всё сложилось для них не очень удачно. Но давалось это сражение, прежде всего, из идеолого-культурологических соображений, чтобы Лермонтов мог написать своё великолепное «Бородино», Жуковский – «Певца в стане русских воинов», а Лев Толстой – всемирно известный великий роман «Война и мир». Эта была такая, в соответствии с духом эпохи, попытка создать национальный эпос – и все это именно так и понимали. Уровень идеологической националистической сознательности в период 1812 года просто зашкаливал. Фактически каждый из активных деятелей эпохи в своих письмах предстаёт как такой начинающий националистический публицист.

Но, конечно, всех в этом смысле затмил московский генерал-губернатор граф Фёдор Васильевич Ростопчин. О нём есть прекрасная монография ученицы Аркадия Юрьевича Минакова А.О. Мещеряковой «Ф.В. Ростопчин. У основания консерватизма и национализма в России». Это человек, который создал определённый пропагандистский стиль – эти его знаменитые «афишки». После Толстого, который был, в этом смысле, совершенно неприемлющим такого типа идеологию, принято было его высмеивать, но, вообще-то, в мобилизации сознания Ростопчин сыграл огромную роль. Когда там описывается знаменитая расправа над купецким сыном Верещагиным, которую Толстой опять же пытается представить, как такую бессмысленную жестокость, провокацию Ростопчина, это всё имело вполне узнаваемый прецедент. Дело в том, что незадолго до этого Наполеон захватил Испанию, где был целый слой афрансесадос (офранцуженных), страстных франкофилов, достаточно активно поддерживавших французскую оккупацию. Именно на них французы, прежде всего, и опирались. И вот, испанские патриоты, которые были роялистами и ультракатоликами, отчаянно ненавидели этих

афрансесадос (их ещё называли хосефинос – по имени поставленного оккупантами в качестве испанского короля Жозефа Бонапарта) и, при возможности, уничтожали. На примере Верещагина Ростопчин попытался показать, что будет с подобными людьми в России, потому что тот и в самом деле делал какие-то подозрительные высказывания. В России, разумеется, тоже были подобные франкофилы – хотя, конечно, были, в основном, чисто культурными, как тот же Кутузов, который хотя и любил французскую культуру, но считал войну с Наполеоном чисто военной проблемой: надо выпроводить его за границу и не лезть дальше в Европу и не освобождать её, а вообще в Петербурге не хватает хорошего французского театра. На это его корреспонденты злобно писали: а почему не в сожжённой Москве? Но Москву-то сжёг как раз Ростопчин – и это был следующий после Бородина эта п сознания русского национального эпоса. Вот эта сожжённая столица, которая пылает, но не сдаётся, покинута жителями, царь, заявляющий, что готов отрастить бороду и отступать аж до Камчатки, но не покориться захватчику – это определённый национальный паттерн, который потом будет выражаться в то, что русские не сдаются. Ни в Средневековье, ни в XVIII веке такой, кажущейся нам привычной мифологемы как «русские не сдаются!» в эксплицитном виде не было. Русские героически обороняли Смоленск в XVII веке, Опочку – в XVI веке, монголам не сдавался «злой город» Козельск, преображенцы до конца сражались под Нарвой. При этом у Петра I в Прутском походе вполне маячила перспектива, что ему придётся сдаться. Но вот прямо такой чёткой формулировки не было. Это родившаяся именно в 1812 году установка, что мы разнесём абсолютно всё, мы всё сожжём, включая Москву, но вы нас не одолеете и вы нашей земли не получите. Это то, что вполне сознательно формировалось именно Ростопчиным и всем этим патриотическим кружком Екатерины Павловны. Сам граф, кстати, сжёг и своё собственное имение, показав, что готов принести большую жертву во имя Отечества и что страдают от этого не только жители Москвы, но и он сам. Человеком очень близким к Ростопчину был Сергей Николаевич Глинка. О нём также есть прекрасная монография ещё одной ученицы Аркадия Юрьевича Н.Н. Лупарёвой ««Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки». Это был первый русский настоящий националистический публицист, жёстко антифранцузский, ультрапатриотический, человек сверхчестный и сверхфанатичный в плане национальной идеи патриотизма. Ростопчин в какой-то момент ему выделил довольно крупную денежную сумму на проведение пропаганды, а после войны тот её вернул, не потратив вообще ни копейки. Вот уже в этот момент родится прямо совсем полноценный русский национализм. Если читать Глинку по всем его основным формулировкам – русоцентризм, определённая ксенофобия, установка на цивилизационную особенность России по отношению к Европе, к Франции. как определённому цивилизационному гегемону, то у него это всё будет в полной степени очень ярко выражено.

Следующая фигура, гигант данной волны – адмирал Александр Семёнович Шишков. Опять же, как во всех предыдущих случаях, легко отыскать его труды в этой самой платоновской серии, включая знаменитый «Словник» с мокроступами и тихогромом. Собственно, языковая деятельность Шишкова – это только часть его более общей деятельности по установлению независимого национального цивилизационного фундамента России. Его главная роль, которая была широко всеми признана, это манифесты Императора во время войны 1812 года, которые все писались именно Шишковым. Во всех них подробнейшим образом велась пропаганда и в то же время объяснялись основные моменты, связанные с тем, что в данный момент происходит, внушались патриотические чувства. Причём, если ростопчинские афишки или публицистика Глинки были рассчитаны на широко необразованного читателя, то Шишков обращался с такими, практически, светскими проповедями, тоже уже зрелого националистического характера. И, в то же время, он крупная фигура в становлении русского консерватизма, не только через свой языковой консерватизм, но и через последовательную идеологию недопущения всех этих французских либеральных влияний в образование, потому что после войны 1812 года у Императора Александра Павловича начинается период такого вовлечения в протестантский мистицизм. На него оказывает влияние баронесса Крюденер. Через посредство министра просвещения князя Голицына всё это приобретает форму библейских обществ вроде как с благородной целью распространения среди русских людей Священного Писания, но при этом, фактически, эта мистика, которая была в такой консервативной оболочке, была совершенно подрывной по отношению к русской монархии – небесная монархия там противопоставлялась земной,

мистическая Церковь противопоставлялась земной Церкви. Причём Голицын очень жёстко преследовал всех тех, кто пытался в среде духовенства и просто образованных людей этому противодействовать. Это была такая, не совсем либеральная, но западнически-мистическая интеллектуальная диктатура, которая вполне себе проявлялась через административный ресурс. Кто-то шёл на компромиссы, кто-то, как тот же Шишков, категорически этому противостоял, но пока была поддержка Императора, всё это расцветало, пока, собственно, не нашёлся человек, который решился, при содействии и Петербургского митрополита и ряда других лиц, организовавших встречу с Императором, провести с государем ряд воспитательных бесед. Это был архимандрит Новгородского Свято-Юрьева монастыря Фотий (Спасский), очень последовательный аскетический мистический (в хорошем православном смысле) писатель, который просто Государю с текстами на руках показал, что то, что проповедует Библейское общество – это разлагающая Православие ересь. И здесь мы наглядно могли убедиться в том, что это был такой общечеловеческий вненациональный внеправославный религиозный мистицизм, который всю ту часть русского общества, которая обличалась, он попросту разлагал. Здесь мы можем наглядно убедиться в том, чем монархии лучше всяких демократий и республик – что можно поговорить с одним человеком, самодержавным монархом, и курс будет изменён, практически, в 24 часа. Голицын получил отставку, на его место был назначен Шишков, началась соответствующая чистка образовательной системы. После этого происходит событие, которое можно интерпретировать как смерть Александра I или как уход в старцы, но совершается после этого православного антимистицистского антиглобалистского поворота. Именно благодаря архимандриту Фотию и Шишкову этот поворот стал возможен и всё это начало осуществляться.

Но, как мы знаем, это поворот обошёлся не без определённых приключений, связанных с мятежом декабристов. Существуют разные интерпретации этого мятежа. Кто-то принимает версию о том, что это было самодеятельное революционное выступление молодого офицерства, за чистую монету. Мне, всё-таки, кажется, что наиболее вероятно, что это потерявший управление верхушечный заговор, направленный на недопущение к власти Великого князя Николая Павловича и на утверждение Великого князя Цесаревича Константина Павловича, той либеральной группировки, которая ему сочувствовала – например, Сперанского, который давно был возвращён в столицу и сделан членом Государственного Совета, и адмирала Мордвинова, человека, кстати, по идейным позициям во многом неплохого. Базовый план декабристов состоял в том, что они попадут в правительство. Существуют разные версии относительно роли генерала Милорадовича во всём этом, поскольку он очень тормозил воцарение Николая Павловича и пытался добиться воцарения Константина. Кто-то считает, что он действовал исходя из общественных интересов, кто-то считает, что он действовал исходя из своего личного желания увидеть царём Константина, но, так или иначе, именно поэтому он долго смотрел сквозь пальцы на подготовку мятежа, рассчитывая на то, что может быть этот мятеж склонит чашу весов в пользу Константина. На эту тему существуют разные версии, но, так или иначе, выступление декабристов стало последней фазой существования разветвлённого заговора тайных обществ, который развернулся в последние годы царствования Александра I и который им практически не подавлялся, хотя ему о нём было отлично известно. В этой связи существует популярная тема относительно того, что декабристы были «первыми русскими националистами». Как мы уже, наверное, с вами поняли, они были далеко не первыми русскими националистами, что весь кружок Екатерины Павловны: Карамзин, Ростопчин, Глинка, Шишков, весь круг его «Беседы любителей русского слова» (на эту тему есть монография Марка Альтшуллера «Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства») – это всё были и националистические, и консервативные, и предславянофильские взгляды, теории и концепции. Русский национализм к моменту появления декабристов уже вполне сформировался, и они как раз были его продуктом, его потребителями. То есть, особенностью декабристов было то что они патриотическую и националистическую идеологию, сформировавшуюся вокруг 1812 года, насадили на докритический, доконсервативный революционный радикализм постякобинского толка, который опять же в постреставрационной Европе, Европе Священного Союза, опять начинал развиваться – деятельность карбонариев в Италии, мятеж в Испании революционных радикалов во главе с Риего, революционные акты во Франции (например, убийство Лувелем герцога Беррийского). В Германии вообще под влиянием русской пропаганды во время наполеоновских войн национализм очень развился, потому что русское правительство поддерживало пропаганду барона

Штейна, направленную на немцев и гласившую то, что интересы Германии требуют не подчиняться какому-нибудь саксонскому королю, который посылает немецких солдат воевать против русских, поэтому надо ориентироваться на Пруссию, которая выступила против наполеона и ведёт с ним борьбу. Это является забавным надругательством над теорией Эрнеста Геллнера о часовых поясах национализма, которые, соответственно, идут с запада на восток и, согласно этой теории, национализм в Германии должен предшествовать национализму в России – однако, на самом деле, было наоборот. Национализм в Германии ещё только едва проявлялся, и именно Россия, где он уже вполне сформировался, где битва при Бородине воспринималась как битва наций против этого универсального просвещенческого государства Наполеона, поддерживала национализм в Германии. При этом, когда этот национализм начал там развиваться, он приобрёл, в том числе, отчасти и русофобский характер. Например, знаменитое убийство студентом Зандом известного драматурга Коцебу, который был виноват только лишь в том, что он придерживался русофильской ориентации и не сочувствовал этим революционным радикалам-буршам. Тем не менее, наши радикалы, включая и тогдашнего Пушкина (хотя, скорее, якобы Пушкина – часто бывает так, что приводятся эпиграммы, то всегда очень трудно понять, что действительно его, а что ему приписали задним числом в XIX веке или уже советские исследователи в XX-м), очень шумно радовались этому убийству Коцебу как такому удару по российской монархии.

И вот, этот радикализм и патриотизм у декабристов причудливым образом переплетались между собой, что очень характерно было в истории 1818 года, когда Александр I даровал конституцию Царству Польскому. Декабристы хотели его убить в этот момент за национальное предательство, выражающееся в том, что он одновременно унизил русское национальное достоинство, дав привилегию врагу, а русскому народу он такой конституции не дал. Давать конституцию Польше, конечно, было не надо, но замыслы цареубийства показывали психологию декабристов и крайнюю поверхностность их политического мышления. Вскоре после этого пестелевская часть декабристов сблизилась с Обществом соединённых славян, которые были польскими сепаратистами. Спрашивается – чего ради было обижаться на Александра I? В этом смысле гораздо большую роль сыграл Карамзин, который в своём письме к царю очень жёстко и тоже прямо с намёками, что тот потеряет легитимность, предупредил его от попыток отдать земли западных Малороссии и Белоруссии, полученные в результате разделов Речи Посполитой, Царству Польскому. Надо отметить, что Александр I практически размахнулся восстановить для друга Чарторыйского Польшу «от можа до можа», отдав ей большой кусок России. Если бы не жёсткое письмо Карамзина, то он бы не остановился. Так или иначе, декабристам приписывается некий «русский национализм», главным основанием для чего являются сочинения Павла Ивановича Пестеля, одного из идеологов и вождей декабристского заговора, единственного казнённого из декабристов, несмотря на то, что ни в каком вооружённом мятеже он непосредственного участия не принимал. Это единственный человек, который был казнён за слова и за планы, а не за какие-то свои конкретные действия. Рылеев активно участвовал в поднятии мятежа в Петербурге, Каховский стрелял в Милорадовича, Муравьёв-Апостол и Бестужев-Рюмин устроили мятеж Черниговского полка, причём уже после принесения присяги Николаю Павловичу. Пестель был единственным арестованным ещё до всех этих событий (хотя, конечно, ещё намного раньше был арестован Владимир Федосеевич Раевский – в 1822 году, задолго до всех событий, по каковой причине вошёл в историю как «первый декабрист», тем более, что он был членом «Союза благоденствия») и казнён за планы и за разговоры. Действительно его планы устроить цареубийство во время учений, ещё касавшиеся Александра I, были вполне чудовищными. Его проект массового цареубийства и установления тоталитарной республики, где секретная полиция должна была раз в пятьдесят превышать численность Корпуса жандармов, как сложился при Николае I, тоже был чудовищным. Тем не менее, у Сергеева и у других авторов, даже, скажем, у молодого Холмогорова, была точка зрения, что Пестель – это аутентичный представитель русской националистической мысли. На каком основании эта идея возникла? На основании его «Русской Правды», в которой, действительно, довольно последовательно проводится идея, что основой государства является великий русский народ, что государство должно быть унитарным, что все прочие народы должны, так или иначе, влиться в его состав, а тем, кто не вливается, надо или дать независимость, как полякам, либо депортировать за пределы страны, как евреев (им предполагалось

дать немного войска и отправить покорять Палестину, принадлежавшую Турции). Я иногда подозреваю, что значительная часть престижа Пестеля в нашей националистической тусовке основана именно на этом предсионистском предложении радикального решения еврейского вопроса: раз воспринимает евреев негативно – значит точно наш.

Но, всё-таки, при всём при этом, национальная мысль Пестеля очень своеобразная и нельзя сказать, чтобы она по-настоящему зрелая и разумна, потому что он вводит принцип национальностей, что каждая имеет право на суверенитет и, соответственно, русские тоже имеют право на суверенитет. Но что это значит для Российской Империи на 1825 год? Она практически всех, кроме Галиции, русских включает в свой состав, но помимо русских она включает много чего ещё, много других окраин, много других этносов, причём, это не всегда только дикари, но и высокоразвитые остзейские немцы, которые смотрят на русских сверху вниз. То есть, соответственно, если мы принимаем принцип национальностей в качестве некоторого руководящего принципа в целом для политики – то что это означает? Это означает, что Россия немедленно разлетится на множество кусков, то есть, для России не стояло тогда, в отличие от Германии, проблемы национальной ирредены – это она сейчас для нас стоит, а тогда она не стояла совершенно. Единственной небольшой и плохо осознававшийся проблемой была Галиция, хотя Александр I честно пытался её решить, честно предлагал Австрии обмен, но тут уже австрийцы и все прочие очень агрессивно это восприняли, начали даже грозиться России войной, и царь отложил эту идею до будущего. Если в России ввести принцип национального суверенитета по Пестелю, то никакой России не было бы, а было бы «пятнадцать республик, пятнадцать сестёр» по проекту его коллеги федералиста Муравьёва. Но Пестель, в отличие от него, который хотел развалить Россию сразу и немедленно, был унитаристом. Соответственно, он говорил, что наряду с принципом национальностей есть принцип благоудобства – не всякие национальные притязания следует удовлетворять, а только те, от которых будет лучше. То есть по этому принципу татары независимости не получат, немцы тоже не получат, потому что нам очень нужны прибалтийские порты, кавказцы тоже не получат, потому что там нам нужен выход в Персию, а вместо этого их постепенно при помощи роскоши, как полагал Пестель, будут приобщать к русской цивилизации. Но как множество народов, часть из которых стоит на очень низком культурном уровне, часть ещё очень цивилизационно удалённая, часть наоборот, считает себя бесконечно превосходящей русских, их всех, без наличия самодержавной монархии, которая является чётким символом единства Империи, с помощью одного только принципа благоудобства уговорить остаться в составе единого государства, до тех пор, пока их всех не переварят в единый великий русский народ? Это остаётся абсолютной загадкой. Из этого следует, что проект Пестеля, в логике сомнительной крайней популярной дихотомии «национализм – имперство», не националистический, а имперский, но только без Государя, без Империи и, по всей видимости, с кручей кровавых войн, новым завоеванием тех, кто не захочет этому пестелевскому принципу благоудобства подчиняться. На самом деле, «Русская Правда», несмотря на красивые слова, типа «вече», «бояре», «великий русский народ», это очень безответственная, радикальная и очень опасная фантазия, продукт интеллектуального политического абсентеизма. Проблема декабристов была в том, что они усвоили целый ряд пунктов национально-патриотической, архаической в шишковистском духе терминологии, но по уровню актуальной политики они были не просто революционные радикалы, но ещё и достаточно утопически безответственные. Собственно, большинство декабристов были по своей литературной программе скорее шишковистами-архаистами, а вовсе не карамзинистами, которые тяготели более к либерально-бюрократическому флангу (из них вышел, например, Уваров). К этому всему тяготел близкий декабристам Грибоедов с его центральным монологом в «Горе от ума» про «французика из Бордо» – абсолютным гимном национально-цивилизационного изоляционизма, здесь был и Рылеев с его думами, так что, по своему внешнему дизайну они были национал патриоты шишковистского разлива, но совершенно не в области актуальной политики.

Часть 2. Николай I, Уваров, славянофилы и западники. Открытие русской самобытности.

Действия декабристов однозначно поставили перед правительством задачу нормальной политической интеграции идеологии, истории, культуры. Реализацией этого занялся новый Император – Николай I, человек, роль которого в русской истории совершенно огромна. Фактически именно Государь Николай Павлович создал Россию и русскую культуру как мы её знаем и, в общем-то, наверное, пока существует Россия, мы будем существовать в реальности Николая I, по основным её базовым параметрам и характеристикам. Кому-то это будет чрезвычайно неприятно, особенно тем, кто вырос на всей этой толстовской мифологии про «Николая Палкина». Лично мне это вполне нравится, я Николая Павловича очень люблю, и чисто эстетически, и идеологически. Характеристику его личности и его взглядов можно прочесть в моей статье «На твёрдом основании Страха Божия», опубликованной в журнале «Вода живая», а также вошедшей и в мою книгу «Добрые русские люди».

В чём же была его идея? Она состояла в том, что Николай I отлично понимал, что, действительно, современная Европа – это прибежище революций. Революции можно отбивать и можно сопротивляться, но, по сути, она уже революционизирована. Европейские нации, действительно, в той или иной степени, уже революционные нации. И вот у него появилась поразительная амбиция – создать из русских первую в истории контрреволюционную нацию, нацию, культурой и идеологией которой будет сохранение традиций, сохранение монархий, традиционных исторических условий «старого порядка», но в активном и сознательном режиме. Николай I был, по сути, если так можно сказать, первым консервативным революционером. Это была ещё, конечно, своеобразная революция, это была контрреволюция, революция ещё существующего порядка против того, что пытается его обрушить, но это было именно последовательное, осознанное движение сопротивления вот этой общеевропейской тенденции, которое было глубоко им продумано. Вообще это важно осознавать, в принципе, о русских императорах, о Николае I и об Александре III, что сперва либерально-интеллигентская, а потом советская пропаганда выставляет их «дебилами» и «идиотами», либо людьми «ограниченного ума». И Николай I, и Александр III, и Николай II были людьми очень интеллектуального склада – они имели очень чёткую программу того, чего они хотят, они очень глубоко продумывали свои цели и задачи, они сознательно пользовались политической терминологией, они были в курсе и в духе политических и идейных движений своего времени. Их консерватизм был не слепой и тупой, а сознательное и активное противодействие основному потоку этой токвилевской реальности. Как раз именно в правление Николая I Токвиль как раз и сформулировал эти тезисы. Сам Николай Павлович отлично понимал их значение и нашёл подходящую фигуру для реализации своих целей в лице графа Сергея Семёновича Уварова, автора знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность».

Но главное, что сделал Уваров – это не придумал и изложил эту триаду, дело это, конечно, тоже важное, но всё-таки гораздо более важным было то, что он последовательно ориентировал работу министерства народного просвещения на реализацию поставленных Николаем I задач. Какие это были задачи? Сконсолидировать русскую образованность и русскую культуру так, чтобы она противостояла этому европейскому хаосу и революции. Уваров так это и сформулировал: «Дано ли нам посреди бури, волнующей Европу, посреди
быстрого падения всех подпор гражданского общества, посреди печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, укрепить слабыми руками любезное Отечество на верном
якоре, на твёрдых основаниях спасительного начала?» Вот эти твёрдые основания – это, что выжило после всех петровских и просвещенческих бурь, это Православие, Самодержавие и Народность. Уваров, будучи очень тонким, одним из крупнейших интеллектуалов Европы той эпохи, очень популярным во Франции и в России (хотя, под несколько специфическим углом), отлично осознаёт, что речь идёт не от том, что вот у нас сейчас есть Православие, Самодержавие и Народность и будем на этом стоять, а то, что вокруг хаос, вокруг буря и вот у нас есть ещё несколько сравнительно крепких камней, на которых нужно успеть насыпать почву, вырастить какой-то лес, из него что-то построить, чтобы у нас была действительно полноценная нормальная культура, потому что, на самом деле, если представить себе, что николаевской эпохи не было, что если бы декабристы победили, если бы не было уваровской эпохи и уваровских образовательных мероприятий, то абсолютно голая русская культура, где лишь десяток более-менее приличных имён, сразу попадает в волну революционного радикализма,

и это значило бы, что русской культуры после этого не было бы никогда и никакой. Представьте себе, что сразу за «Русланом и Людмилой» наступает НаПост и агитпроп – а так оно, примерно, и было бы. Мы жили бы тогда в состоянии культурной нищеты.

Что делают Николай I и Уваров? Всегда, когда мы говорим о политике Уварова, очень важно помнить, что это политика Николая I, которую Уваров реализует, ещё и стараясь, понятное дело, Императору понравиться и получить его одобрение. Первое – это жёсткая национализация русского образования. Иностранным учителям вход практически закрывается. Подавляющее большинство преподавателей к концу николаевского царствования, притом, что самого Уварова образовывал какой-то очередной *abbe*, это русские, либо в гражданском, либо в этническом смысле. Второе – создание если не совсем массовой школы, то некоторой линейки из общеобязательной стандартной школы, с чётко расписанными предметами, с чётко расписанной системой доступа. Понятно дело, что это школа сословная, но достаточно открытая для людей из низших сословий и достаточно широкой. При этом она уже была чётко стандартизированной, особенно под предметы идеологическо-гуманитарного цикла. Именно Уваров резко увеличил преподавание русской истории и русской литературы, именно исходя из того, что это формулирует полноценного патриота и гражданина. Уваровская школа была максимально гуманитарной и при этом русско-гуманитарной, в отличие от толстовско-катковской школы, где гимназии были ориентированы на древние языки и литературы. Дальше они чётко начинают проводить политику русификации окраин в образовательном смысле, хотя, временами, ещё достаточно наивную: немцы, в основном, отписываются о том, что они русифицируются, а на самом деле нет; поляки изображают, что учат русский язык и учатся по-русски вместе с русскими, а на самом деле выпускники всех этих школ были ужасно русофобски настроены и потом приняли участие в мятеже 1863 – 1864 годов. Почему так произошло? В значительной степени потому, что здесь впервые начали сталкиваться два принципа – европейской империи и самобытной русской национальной цивилизации. Уваров считал, что Россия должна нести всем другим народам цивилизацию и через русификацию приобщать к Европе, потому что русские – это крупный европейский народ и русская цивилизация – это выдающаяся часть европейской цивилизации. Но вот только поляки и немцы с этим были категорически не согласны. Они смотрели на русских глубоко сверху вниз и совершенно не считали, что русские могут их научить европейской цивилизации, наоборот, они считали, что это как раз они должны этих «немытых ванек» приобщать к настоящей европейской цивилизации. Особенно это касалось немцев, поляки просто нами гнушались, а вот немцы всегда были готовы нас поучить, что очень раздражало самого же Уварова.

С другой стороны, важной частью, уваровской и николаевской программы была, собственно, русификация самих русских, то есть установление более твёрдого исторического почвенного фундамента, развитие заложенных Карамзиным основ: изучение и издание русских исторических архивов, русских памятников, совершенно великолепная, начавшаяся именно с Николая I, программа реализации русского стиля в архитектуре, изучение русского прошлого, поддержание учёных и исследователей, которые этим занимались. По сути, это было началом золотого века русской научной историографии. Карамзин был ещё художественной историографией с научными элементами, а вот в николаевское царствование начинается именно научная русская историография. Первые шаги делает Соловьёв, развивается активно Погодин. Что в результате? Возникает поразительный эффект, который я описал в своей статье «Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм», опубликованной в «Тетрадях по консерватизму» и также вошедшей в книгу «Добрые русские люди». Он состоит в том, что по мере того, как уваровская программа становится всё более и более успешной на направлении <…>

Сам Николай Павлович совершенно определённо осознавал значение именно русской культуры и начала русской традиционной народности. В этом смысле он сам тоже был немного славянофилом. Именно поэтому в духе старой русской архитектуры в рифму с Теремным дворцом был построен Большой Кремлёвский дворец, при этом Теремной дворец был сохранён. В качестве регулярного действа он ввёл поклон народу с Красного крыльца. Он сам постоянно употребляет слова «нация» и «национальный» в качестве значимых политических маркеров. Его цели в Крымской войне –

отвоевать свободу христианским нациям от турок. Идеалом Николая I был не вненациональный абсолютизм XVIII века, а именно консервативный антиреволюционный национализм. В этом смысле русская культурная оригинальность абсолютно входит в его программу, в его идеологию, в его идею. Этим он отличается, скажем, от Уварова, для которого русские, всё-таки, это лишь лидирующая среди всех просвещённых европейских наций, это Рим, наследующий старой Европе, как некогда Рим наследовал Греции. При этом у Уварова важна тема обновления живительных сил через обращение к традиции. В реальности выясняется, что когда русские узнают о себе слишком много, узнают о своём прошлом, о своей истории, начинают задумываться над своей национальной особенностью, то они немедленно интеллектуально выскакивают из Европы. И, собственно говоря, именно это «выскакивание из Европы» и получилось в случае со славянофилами.

Славянофилы были, впрочем, не единственным идеологическим течением в тогдашней уваровской логике. Было ещё одно течение русских националистов, тоже самобытников, где главными были Михаил Петрович Погодин и Степан Шевырёв. Постепенно оно сформировалось вокруг издаваемого ими журнала «Москвитянин» (1841 – 1857), который, однако, предоставляла классическим славянофилам площадку. Так что это тоже, до некоторой степени, условное течение, когда говорят, что были более официальные славянофилы Погодин и Шевырёв, а были неофициальные, «либеральные», Хомяков, Киреевский, Самарин и прочие, это всё, в значительной степени, выдумка. Это были очень близкие друг к другу группы. Но, тем не менее, скажем, в движении «Москвитянина» было больше политического национализма, в движении круга Хомякова – больше национализма цивилизационного, у них было больше установки на принципиальную цивилизационную самобытность, что очень хорошо видно по расхождению в отношении к Петру I. Если Погодин произнёс знаменитую речь, прославляющую Петра, которая многим из славянофилов не понравилась, то славянофилы, наоборот, начали достаточно жёсткую атаку на Петра. На самом деле, для того, чтобы понять, что из себя представляет славянофильство как русская национальная идеология, насколько она была консервативной – это очень интересный вопрос, поскольку у славянофилов есть и консервативные, и либеральные элементы в их идеологии. очень важно отказаться от вот этой, в значительной степени, фиктивной оппозиции – славянофилы-западники, что якобы западники это те, кто выступает за отказ России от особого пути и за то, чтобы идти вслед Европе, а славянофилы это те, кто отращивает бороду и тянет в старину. Прежде всего перед Россией никакого такого выбора не стояло, потому что западнический выбор уже был сделан Петром Великим, он, к тому времени, уже реализовывался больше 130 лет, он был официальной государственной политикой. Россия при Николае I, как и прежде, сохраняла все элементы западной политической цивилизации и, разумеется, технической, не случайно в России очень быстро началось строительство железных дорог – сначала была построена небольшая дорога до Царского Села, потом начала строиться большая дорога от Петербурга до Москвы. Такого выбора – идти с Западом или не с ним – в этом смысле, не было. Была совершенно другая проблема – что делать с тем, что сам Запад, в общем и целом, идёт не туда. Была проблема оценки Запада и Европы после революционного переворота. Когда мы говорим о западниках и славянофилах в реальности 1830-х годов, то надо понимать, что они самоопределяются не по отношению к Европе и западной культуре, к вестернизации и выбору Петра Великого, как если бы он ещё не был сделан, они самоопределяются по отношению к выбору Николая I, состоящего в том, чтобы технически и политически оставаясь на Западе, при этом культурно от запада эмансипироваться и противостоять тем новейшим тенденциям – революции, либерализму, нигилизму, которые на Западе являются ведущими.

В этом смысле западничество является крайне неоднородным течением. Когда мы говорим западники Чаадаев и Белинский, то это, на самом деле, абсолютный бред, потому что позиция Чаадаева это, практически, позиция подражателя и продолжателя де Местра, который придерживается, в общем-то, консервативного, практически, реставрационного взгляда на Запад, где главным элементом является католицизм – не случайно Чаадаев, как говорили, принял католичество, он сам является консервативным по своей политической философии. Его позиция – это позиция национал-нигилизма по отношению к традиционной русской истории и по отношению к этой попытке всё-таки обратиться к русской традиции: «Православие – ерунда, Византия – ошибка, мы не пошли с Европой, в результате

зашли не туда». Для Чаадаева это, конечно, прежде всего, консервативный, реакционный и реставрационный выбор. В то время как для Белинского, Огарёва, Герцена и прочих это радикально-революционный выбор, их западничество – совершенно другого формата: «задрав штаны, бежать за европейским комсомолом». Европа сейчас делает революцию – и мы, если хотим быть культурными людьми и стоять на том же уровне, быть продвинутыми по повестке, тоже должны бежать вслед за ними. Это логика, которая, разумеется, этих западников выносит не только за пределы русской истории и русской культуры, но и русской политики и даже физически за пределы российской границы, потому что Герцен, Огарёв, Бакунин и прочие становятся эмигрантами, причём вплоть до агентурной службы англичанам в ходе какого-нибудь польского мятежа. В отличие от этого существуют совершенно другие западники, которые проявляют себя наиболее чётко в первые годы после смерти Николая I, до начала реформ и до польского мятежа – это Грановский и его последователи: Чичерин, Кавелин, Соловьёв, Катков (крупнейшая фигура русского национализма и консерватизма, хотя, конечно, можно спорить, насколько он был консерватором – но в какой-то момент он им точно стал). Они – западники совершенно другого стиля, они сторонники того, чтобы российское государство сохраняло именно успешный опыт петровского поворота, который привёл к созданию мощного государства, Империи, поэтому надо продолжать в том же и духе и в соответствии с умеренным государственническим либеральным течением тамошнего Запада, либерально-консервативным, совершенствовать учреждения и тут, не пытаясь найти такую основательную зацепку именно в самобытной русской славянской цивилизации. С самого начала, в общем, между этими и теми западниками лежит огромная пропасть, которую они, в основном, преодолевают также, как со славянофилами – за счёт личных взаимоотношений, за счёт желаний ряда либеральных усовершенствований. Но концептуально это два разных идеала – одно дело быть с революционной Европой, другое дело – быть с контрреволюционной и не принимающей, отталкивающейся от революции Европой.

И вот, собственно, в этих координатах и звучит ответ славянофилов, их тезис – а давайте мы вообще не будем с Европой, давайте мы осознаем, как выясняем из уваровской открытой парадигмы, что мы вообще, как бы не совсем Европа. Может мы даже совсем не игрок, а самостоятельная, равночестная ей цивилизация. Это очень характерно открывает для себя Хомяков, когда внезапно для него открывается, что Запад – это соединение Рима с варварством, а Россия – это соединение Греции через Византию с варварством. Выясняется, что Россия – не преемница и последовательница Европы, а двоюродная сестра. И в этом-то качестве мы и должны существовать. Это, фактически, главный тезис славянофилов – утвердить эту самобытную цивилизацию, открытую через уваровский интеллектуальный поворот. Здесь от концептуальных обратимся к вещам библиографическим. Кого, что и как в этой связи читать? Славянофильство у нас вроде бы изучается и много, но, на самом деле, основательных монографий о нём довольно мало. Есть ещё советская монография Н.И. Цимбаева «Славянофильство», в целом неплохая, насколько возможно в позднесоветской парадигме адекватно его оценить. Есть недавно вышедшая книга польского историка Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства». Это самое подробное, сама развёрнутое, насколько можно, высококачественное исследование славянофильства во всех его чертах, которое он определяет как консервативную утопию, при этом разбирает практически всех крупных славянофилов. Понятие утопии в данном контексте достаточно манипулятивно, потому что абсолютно любая политическая идеология, включая крайний политический прагматизм, является по своей сути утопии – славянофильство ничуть не более утопия, чем западничество, революционный радикализм или же самый безыдейный охранительский сервилизм. Оно не более утопично, чем что-либо ещё. Вопрос в том, какие элементы выбираются для этого конструирования идеального пространства политического идеала. И вот здесь важная вещь, которую действительно много критиков славянофильства не до конца понимают – это то, что именно они сыграли, в общем-то, решающую роль в выдумывании самобытной и оригинальной русской культуры. На тот момент, когда началась деятельность Уварова, когда начались дискуссии славянофилов, русская культура была крайне бедна. Это был Карамзин, Жуковский, Пушкин, который до сих пор, с точки зрения большинства западников, какой-то не очень понятный и очень вторичный поэт – в главную его фишка, связанную с особенностями языка и менталитета, они вообще не могут врубиться. Так что, русская культура того

времени была крайне бедна. В этом смысле кроме как быть западником никакого другого выбора в принципе не существовало, потому что Запад – это актуальная данная великая цивилизация, а русскость – это ещё некоторое непонятное нечто, где, в общем-то, ещё древнерусский этап неизвестен, а послепетровский этап состоит хорошо если из дюжины имён, которые по гамбургскому счёту с европейскими именами выдержать конкуренцию не могут. И при этих условиях провозгласить тезис, что русская цивилизация и культура самостоятельны, самобытны и должны развиваться в расходящемся с Западом направлении, это была очень большая дерзость, очень большая смелость и очень большая интеллектуальная культурная авантюра. И то, что она удалась, это говорит о той силе и той ярости, с которой славянофилы мечтали и всех убедили в том, что это оригинальная культура существует и может существовать. И огромное количество писателей, поэтому, художников, архитекторов, музыкантов начали работать вот в этой славянофильской парадигме с ориентацией на русскую древность, с отрицанием подражания Западу – как вы понимаете, отрицание подражанию Западу не славянофилы придумали. Это была основная тема русских интеллектуалов, разрабатываемая с начала XIX века. Но славянофилы начали утверждать, что эта оригинальность глубже, чем просто национальная оригинальность, чем просто национальное лицо, что это цивилизационная оригинальность, это цивилизационное лицо, это другой тип мышления, другой тип культуры, другой тип связей. В некоторых случаях их гипотезы были весьма неоднозначны, как, например, созданный ими культ русской общины, который в их представлении должен был обозначать ту почву, тот социально-экономический фундамент, на котором эта цивилизация должна возрастать и который был крайне спорен. Их политическим идеалом было высвобождение сил русской земли, которые, предоставив правительству и самодержавию вопрос управления, были бы признаны к самобытному культурному творчеству и самоустроению. И вот это, пожалуй, была самая главная утопия, потому что потом, как справедливо показали Катков и другие, славянофилы очень сильно преувеличивали наличие этих русских национальных глубинных сил и очень преуменьшали степень необходимости для них какого-то правительственного воздействия.

Что здесь важно? Начинать, понятное дело, надо с Алексея Степановича Хомякова. Он у нас, при этом, после революции издан удивительно плохо для такой величины. Поразительный факт в том, что до сих пор лучшим изданием Хомякова остаётся двухтомник постсоветского издания в «Библиотеке отечественной философской мысли». В первом томе его историософский трактат «Семирамида» и ряд славянофильских статей, во втором томе – его богословские работы. Это всё как-то очень мало, поэтому до сих пор, фактически, приходится пользоваться дореволюционным самаринским изданием его собрания сочинения. По счастью, его всего можно достаточно легко в Интернете найти и скачать. Огромный массив Хомякова у нас по новой орфографии так и не издан. При этом понятно, что главное внимание сейчас обычно уделяется, поскольку у нас существует большой православный книжный рынок, его богословским работам – «Церковь одна», полемика с латинянами и протестантами. Действительно, Хомяков начал разработку темы самобытной русской цивилизации с самых основ – с её православного фундамента, показав её принципиальное идейное отличие от западного фундамента. На латинизирующий выпад Чаадаева он дал наиболее жёсткий и чёткий ответ. Хороших, фундаментальных монографических работ о Хомякове и его жизни тоже, на самом деле, мало. Есть работа Кошелева, не славянофила, а современного исследователя, но она написана в не очень мне симпатичном жанре полухудожественного повествования, на мой взгляд она недостаточно наукобразна. Остаются дореволюционные работы – Лесковского и Завитневича. У последнего очень фундаментальная, очень глубокая работа, которую, по счастью, можно отыскать в Интернете. Очень жаль, что её не переиздавали.

Зато прекрасно издан второй по значению славянофил – Юрий Фёдорович Самарин. Киреевский же из-за ранней смерти дал в плане именно в плане русской национальной идеологии гораздо меньше, чем мог бы, он сосредоточился, в основном, на вопросах образования и просвещения, особенно просвещения в православном духе. Так что его сочинения не очень обширны и идеологически менее установочны. Зато очень установочным автором является Самарин, человек, принадлежавший к самому верхнему слою старой русской аристократии, крестник Императора Николая I. Даже по портрету Тропинина в английском охотничьем духе видно, насколько перед нами выдающийся

аристократ, достаточно избалованный, искренне ощущавший, что ему позволено больше, чем остальным. И именно это выразилось в том, что он сделал вещь, которая для второй половины 1840-х была совершенно немыслима. Будучи правительственным ревизором в Риге и в Балтийском крае, ему крайне не понравилось поведение тамошних немцев в отношении русских, и он составил сочинение, посвящённое этой теме – «Письма из Риги». Это, фактически, такой первый развёрнутый манифест русского конфликтного по отношению к имперскому многонациональному уравнению национализма. В этом сочинении Самарин задаёт просто вопрос – кто вообще хозяин в этой Империи? Мы, русские, или они, немцы? Прочему они игнорируют тот факт, что это наша Империя? Почему они у себя в крае дискриминируют и угнетают русских православных людей? Он не просто написал этот текст, он начал его читать по салонам, распространять его в списках, за что немедленно последовал донос. Император был очень недоволен – и вот надо понять, чем именно. Вокруг этого существует своеобразный миф, распространяемый нашими некоторыми авторами национал-демократического лагеря и так далее, что якобы Николай I жестоко гнобил русских националистов и в качестве примера приводится то, что Самарин за «Письма из Риги» на какое-то время оказался в Петропавловской крепости – на очень небольшое время, скажем сразу. После этого его доставили непосредственно к Императору и тот ему сделал внушение. Николай I был недоволен вовсе не содержанием и совсем не формулировкой, что Россия должна принадлежать русским, что Российская Империя должна принадлежать русским, что немцев надо русифицировать – для него это всё было очевидностями, которые он сам, безусловно, разделял, о чём сразу Самарину и сказал. Он был недоволен двумя вещами. Первое – что человек, находящийся на госслужбе, позволяет себе подобного рода тексты и это никогда, ни в какой бюрократической системе не принято. А Николай I отстраивал очень чётко бюрократию, потому что он понимал, что только на её основании можно действительно управлять такой огромной нацией, довести её до какого-то просвещённого состояния, освободить крестьян и так далее, потому что пока весь контур управления состоит только из дворян, зависимых от крепостного крестьянства, то освободить их никак невозможно, потому что тогда контур управления просто развалится. Нужно создать бюрократию, которая будет управлять государством, и тогда дворянство и крестьянство можно между собой как-то расцепить. Поэтому-то Николай I был таким «рыцарем бюрократизма», хотя ему самому это не нравилось. Второе – что там, где он пытался действовать пропагандой, внушением, тихими административными мерами, при этом продолжая пользоваться услугами немцев, там Самарин шёл в атаку, по выражению Императора, «как Магомет». Это, другими словами, был вопрос не о целях имперской политики, а о средствах. Император не говорил Самарину, что Россия должна быть многонациональной. Ему приписывают фразу, что якобы он говорил, будто «русские служат своему Отечеству, а немцы – нам». Но это абсолютная выдумка. Это говорил не он, а Наследник Цесаревич Александр Николаевич, человек, мягко скажем, очень сильно отличающийся по политическому мировоззрению от своего отца во всех отношениях. Николаю Павловичу фраза эта была приписана просто злокозненно. Николай I был точно такой же русификатор в этом смысле как Самарин. Различие их взглядов, взглядов Уварова на эту тему, было исключительно в темпе.

И здесь возникает вопрос о степени спонтанности сочинений Самарина, не являлось ли оно, своего рода, манифестом антинемецкой партии при дворе, в которую, в той или иной степени, входили Уваров и шеф жандармов Орлов, сменивший Бенкендорфа, поскольку они оба были явно сторонниками дальнейшего наступления на немцев. Я обнаружил в «Письмах из Риги» прямые параллели с текстами Уварова, которые, кстати говоря, в открытый доступ в тот момент не поступали. Возникают вопросы, как эти параллели тогда возникли, если Самарин их не читал. Ответ на это очевиден – они читали друг друга и знали, кто и о чём думает, они взаимодействовали. Уваров очень активно покровительствовал славянофилам, так же, как и Погодину с Шевырёвым. В частности, он предлагал Хомякову возглавить журнал Министерства народного просвещения. Он постоянно дружил с Самариным и давал ему советы, либо делал какие-то предостережения об опасности со стороны тех, кто славянофилов не любил, например, московского губернатора Закревского. Это. В общем, всё была одна группа, одна партия, настроенная на одной идеологической волне – укреплять русскую самобытность и русифицировать Империю. В этом смысле «Письма из Риги», несомненно, такой манифест русского национализма, но, на самом деле, это отнюдь не манифест русского оппозиционного национализма, Скорее, это, своего рода, политтехнологический ход, потому что,

отсчитывая от самаринских «Писем из Риги», напор на русификацию Прибалтики продолжался. И, собственно, сам Самарин тоже это продолжал делать. В 1870-е годы он издал книгу «Окраины России», активно продолжая атаковать этих остзейских немцев, несмотря даже на то, что Александр II за них вступался, и книга не была разрешена к печатанию в России. Но, в итоге, это всё привело к последовательной русификаторской политике Александра III в Прибалтике и, кстати сказать, оказавшейся весьма успешной, потому что никаких признаков нелояльности немцев к России во время Первой мировой войны попросту не было. А вот громившие немцев генералы немецкого происхождения очень даже были, как тот же Ренненкампф. Мало того, даже наш Святейший Патриарх Алексий II происходил из почтенной немецкой фамилии Ридигер (родился и вырос в Эстонии, воспитывался в русском православном духе). Интеграция немцев, в отличие от интеграции поляков, удалась. Хотя, возможно, и интеграция поляков удалась бы, не случись в России революции. Напомню, что Самарин у нас издан очень хорошо – издательство «Росток» выпускает его том за томом, так что его сочинения вполне доступны читателю.

Следующие важнейшие имена для славянофилов – это Аксаковы. Это, прежде всего, Сергей Тимофеевич Аксаков, а также его сыновья Константин и Иван. Константин Сергеевич, как старший, был одним из первых ведущих идеологов славянофильства. Именно он выработал такие фундаментальные дискурсы, как понятия «публика» и «народ», противопоставив столичные верхи народу, от имени которого славянофилы и выступали. Здесь они, конечно, сыграли свою роль в формировании мифологемы народа, от имени которой потом выступали и они, и революционные демократы, конкурируя друг с другом. Причём, и те, и другие сделали ставку на представление о простом народе. Только у революционеров-демократов он – забитый, страдающий, нуждающийся в освобождении, а у славянофилов народ – мудрый, православный и гораздо всё больше понимающий, чем поверхностная просвещённая публика. И он же потом сформулировал знаменитую славянофильскую утопию о том, что правительству – силу власти, а земле – силу мнения. Об Аксакове вышла не так давно очень хорошая, приятно написанная монография Е.И. Анненковой «Константин Аксаков. Веселье духа». О его брате Иване есть очень основательная монография А.А. Тесли «Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова». Иван Аксаков объемлет и николаевский период, и следующий, александровский – он, в общем-то, дожил до времён Александра III, активным публицистом, основой славянофильства, действительно, последним из славянофильских «отцов». Ещё нужно никогда не забывать о том, что рядом со славянофилами всё время стоял Гоголь. На этот счёт есть очень хорошая монография Е.И. Анненковой «Гоголь и русское общество», которая посвящена именно этой теме, причём там целый большой раздел посвящён именно Гоголю как консерватору, Гоголю в контексте русской консервативной мысли, консервативной идеологии, национальной идеологии. Это ярко проявилось в двух редакциях повести «Тарас Бульба». Вторая редакция является абсолютно таким гимном и манифестом славянофильской идеи цивилизационного противостояния Европе, причём, латинско-католической, и последовательно проведённой русской теме. Всего этого в первой редакции практически не было, а во второй это стало главным содержанием. Гоголь, в этом смысле, очень важная фигура для славянофильства.

Помимо этого, существовали люди, которые стояли, отчасти немножко вне всей этой истории, не то, чтобы совсем вне, но несколько в стороне. Это люди такого типа, как Александр Сергеевич Пушкин, который, несомненно, по своим взглядам, либеральный консерватор николаевской поры, несомненно, страстный русский националист, фактически, в значительной степени рассматриваемый как, если не лидер, то как певец русской партии этого времени. Особенно ярко это выразилось во время польского мятежа 1830 – 1831 годов, когда появились его знаменитые антипольские стихи, яростно националистические, которые изрядно напрягли его отношения с его же собственными друзьями, такими, как князь Вяземский. Но он, при сочувствии многим идеям славянофилов, всё-таки представитель консерватизма другого типа. Во-первых, этот консерватизм гораздо более аристократизированный, что выразилось в «Моей родословной», в целом ряде письменных документов. Это, по сути, идеология просвещённой аристократии, которая просвещает и подтягивает под себя народ. Между прочим, как раз на примере славянофилов эта идея очень хорошо себя оправдала. Именно «родов дряхлеющих потомки» оказались главными идеологами русской

самобытности. Это национализм и свобода через просвещение. Для Пушкина очень важен просветительский пафос, не всегда востребованный в постпросвещенческую консервативную эпоху, но в его случае это действительно важно. Фигура Пушкина, в этом смысле, конечно значима. К сожалению, его политические воззрения изучались явно недостаточно и, по большей части, всё-таки, со стороны прилаживания его к либерализму, как монография русского византиниста Ольденберга, где он основное внимание уделяет оде «Вольность» и сводит политическое мировоззрение Пушкина именно к этому. Либо же, как это делал Эйдельман, в своей работе, посвящённой последнему десятилетию Пушкина – что он якобы на самом деле только прилаживался к Николаю I, но на самом деле под всем этим было двойное дно, на самом деле у него были прежние декабристские идеалы. Но у Пушкина и при жизни совсем уж таких декабристских идеалов не было и дальше его взгляды всё более и более антидемократизируются. Он с восторгом встретил книгу Токвиля «О демократии в Америке» именно потому, что она является таким обличением демократии. Он последовательно с каждым годом всё более и более становился антидемократично настроен, всё более последовательный аристократический националист. В итоге всего, в камкой-то момент, они сомкнулись бы с Константином Леонтьевым. Неизвестно, сомкнулся он с газетой «Весть», в конечном итоге, в эпоху реформ, но с Леонтьевым они бы точно были на одной волне. Из того, что можно почитать про Пушкина, это работа В.Н. Шульгина «Свободный русский консерватизм первой половины XIX века», хотя он тоже, на мой взгляд, излишне в ней Пушкина либерализирует, но, тем не менее. Ну и, конечно. Можно обратиться к моей книге «Рцы Слово Твердо», где есть очерк о Пушкине, в котором несколько страниц посвящено и его политическим взглядам.

О конце эпохи Николая I есть прекрасная монография М.М. Шевченко «Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ». Это, фактически, такой анализ того, что получило позже кличку «мрачного семилетия». Однако, конечно, на самом деле он не было такое мрачное, а вполне себе достаточно продуктивное.

Часть 3. Эпоха реформ, контрреформ и индустриализации.

Продолжаем наш курс лекций, посвящённых истории русского национализма и консерватизма. Иногда эти понятия совпадают, иногда в чём-то пытаются друг другу противоречить, но ненадолго. В чём различаются мои определения национализма и консерватизма? Напомню, что консерватизм я определяю, как политическую идеологию, ориентированную на сохранение идентичности исторически сложившихся солидарных сообществ. В прошлой лекции я говорил достаточно подробно, что такое солидарные сообщества, какие они бывают, в чём историчность их сложения. Разные консерватизмы могут быть ориентированы на разные типы исторически сложившихся сообществ. С одной стороны, может быть консерватизм церковный и религиозный, с другой стороны – аристократический консерватизм, с третьей – консерватизм национальный. Сейчас всё большее значение приобретает семейный консерватизм, потому что под семью со всех сторон идёт жёсткий подкоп. И вот консерватизм старается как-то это всё сохранить. Как же тогда в соотношении с этим можно определить национализм? Я всегда даю предельно простое определение: национализм – это политический этноцентризм. Я категорически отвергаю любые модернистские и конструктивистские интерпретации нации как некоего конструкта Нового времени, искусственно сконструированного политтехнологами. Такой феномен, как модерновый нацбилдинг, как любят выражаться в последние годы ужасным варваризмом, конечно, существует. Но он существует только потому, что политика XIX – XXI веков имеет важную составляющую в виде политического конструирования. Если вы занимаетесь политическим этноцентризмом, то это значит, что в XIX – XXI веках вы занимаетесь определённого рода политическим конструированием при помощи газет, при помощи системы образования, при помощи системы пропаганды. Но когда вы занимаетесь политическим этноцентризмом, например, в XIII – XIV веках, то вы точно также интригуете при папском дворе, подкупаете кардиналов, боретесь за власть с претендентами на королевский трон, боретесь между собой, будучи русскими князьями, за расширение уделов, за контроль над той или иной территорией. То есть политическая инструментальность меняется от столетия к столетию.

Неизменным для национализма остаётся приложение этой политической инструментальности именно к такой единице как этнос. То есть национализм – это политика, направленная именно на этнос, на его усиление, на его экспансию, на установление в большей степени его политического контроля над теми или иными политиями. Скажем, тема националистического народного суверенитета, которая для одних важна, а для других нет, является, опять же, в этом смысле политической инструменталией. Там, где народный суверенитет является важной частью политики, там он начинает прилагаться к тому или иному этносу и порождает соответствующий тип национализма с упором на этот народный суверенитет, внутри страны, внутри государства, на перехват его у монархов или кого-то ещё. Национализм – это направленная на этнос политика. При этом, в общем и целом, скажем, такая единица как нация в европейском смысле существует только в Европе. Никаких наций в Африке, в Азии, возможно даже в Латинской Америке (в том смысле, в каком она является проекцией Европы) нет. Почему? Потому что если мы посмотрим исходно на карту наций Европы, то она удивительным образом сложилась в X – XI веках и остаётся, за очень небольшим исключением, неизменной по сей день. Это говорит о том, что данные нации скупо придаются конструированию, перерекомбинации. Они все, как пресловутые украинцы, не говоря о прочих, будут каким-то образом всегда находиться под знаком вопроса. Почему так? Потому что все эти нации сложились в рамках библейской христианской культуры, и все имели один и тот же образец, а именно – народ Израиля, как он представлен в Ветхом Завете. Как этнос, имеющий свою территорию, свои политические притязания на эту территорию, который имеет своё идеальное здание отношений с Богом и вечностью и обосновывает следствие этой вечности. Такого типа нации, как мне кажется, возможны только в Европе и только в рамках той христианской библейской логики, которая сформировалась. Всё остальное – либо различные формы подражания европейскому национализму, либо что-то уже немножко другое. Мы это можем, конечно, тоже назвать национализмом, поскольку у этого есть определённые элементы политического этноцентризма, но, скажем, объектом приложения будет просто другой тип сообщества, по сравнению с тем, каковыми являются европейские нации. Русские, в этом смысле, входят в клуб древнейших европейских наций, появившихся в числе первых и опять же строго по библейскому образцу. В этом смысле любые попытки поставить под сомнение факт древности русской нации абсолютно не обоснованы или же исходят из очень ложных и очень специфичных критериев.

В общих чертах это всё было проговорено на прошлой лекции. Николаем I была сформирована задача создать из русских определённую консервативную национальную конструкцию – контрреволюционную нацию, основой идентичности которой была бы не революция, как, скажем, у французов и у значительной части европейских наций к этому моменту, а наоборот – идея Православия, Самодержавия и Народности. Именно в этом ключе проводилась образовательная политика графа Уварова. Она дала определённые успехи и даже оказалась слишком успешной, в том смысле, что попутно выяснился не только национальный, но цивилизационный характер русской общности – в процессе открытия для себя русской нации, русской истории, русской культуры оказалось, что ещё и существует русская цивилизация, и она, в общем-то, не совпадает с цивилизацией европейской. Соответственно, встал вопрос о том, насколько корректно поступил Пётр Великий, вообще переведя русскую цивилизацию в западноевропейский формат. Именно этот вопрос задали славянофилы, он начал активно обсуждаться, но в последний период царствования Николая I значительная часть этих дискуссий была свёрнута и притушена, потому что после потока европейских революций 1848 – 1849 годов, пресловутой «весны народов», в принципе, правительство приняло позицию осаждённой крепости. В частности, славянофильство оказалось под подозрением не столько, скажем, за свою философию русской истории, сколько за определённое подозрение в том, что они участвуют в панславистской активности, которая носила в Европе чисто либеральный характер, к тому же достаточно разрушительный для Австрийской империи, которая на этот момент ещё по-прежнему рассматривалась как союзная России. У этого были очень глубокие причины. Конечно, когда Австрия в ходе Крымской войны предала Россию, то славянофилы могли потрать руки и говорить, что они же говорили, что это неоднократно звучало в публицистике, например, у Михаила Погодина. Но на 1848 год оснований разрушать Австрийскую империю у Николая I не было. Главными разрушителями на

тот момент были венгры, которые были в сто раз хуже и в сто раз большими русофобами, нежели австрийцы. Дальнейшая политика австрийцев была, в значительной степени, была продиктована тем, что они пытались пойти на компромисс со своими венграми именно за счёт этой самой русофобии. В общем, этот революционно-демократический панславизм оказался под подозрением. Выяснилось ещё, что в России есть собственная, очень проблемная в этом смысле зона – Малороссия, где в Киеве обнаружились украинофилы, которые, опять-таки, пользуясь славистской терминологией, мостить первые дорожки к украинскому сепаратизму. Тот факт, что весь этот славизм оказался достаточно опасным для Российской Империи, он ещё очень серьёзно подорвал политический кредит Уварова, которому пришлось оправдываться, следствием чего стал его знаменитый циркуляр «О панславизме» – один из выдающихся исторических и идеологических документов русской истории. Он, несомненно, окажет позднее серьёзное влияние на Леонтьева. Документ вырос из политической необходимости оправдаться и, действительно, стал достаточно глубоким. Для Уварова явно не прошло даром общение с гегельянцами, общение с Грановским. Он формулирует в противовес примитивному варианту славянофильской доктрине, в основе которого лежит общая племенная славянская народность. Уваров говорит, что, вообще-то, в то время, как все остальные славяне либо зафиксировались в какой-то точке, либо вообще деградировали, ушли куда-то глубоко в сторону, на Запад и политически и культурно ничтожны, Россия, благодаря Самодержавию и Православию достигла многих великих высот и достижений. В то время, как прочий славизм топтался на месте, Россия, благодаря Православию и Самодержавию, развивалась и достигла мощного исторического результата. Уваров здесь, даже в сравнении со своей ранней позицией, по которой Православие, самодержавие и народность – всего лишь данности, которые нужно консолидировать и укреплять, теперь их представляет, как более динамические исторические начала. За счёт их прибавления и развития Россия становится гораздо больше и важнее, чем славянство. На самом деле, это действительно очень значимый фактор для всей той линии русской консервативной мысли, которая не будет связана во второй половине XIX века с панславизмом, который, к сожалению, занимал в этой истории очень много места.

Тем не менее, данный циркуляр лишь ненадолго отсрочил отставку Уварова. 20 октября 1849 года он покидает свой пост. Наступает период с кличкой «мрачное семилетие». Ещё раз отошлю к работе Максима Михайловича Шевченко «Конец истории одного величия», где он пишет, что данная кличка совершенно неосновательна, что там было много интересных жизненных процессов. Но всё это, в конечном счёте, упёрлось в проблему Крымской войны – коалиционной войны Европы против России. Это была попытка совместными усилиями англичан, французов и «шестеривших» при них итальянцев, при поддержке Австрийской империи и полуподдержке со стороны Пруссии (впрочем, тот же Бисмарк выступал за то, чтобы как раз Россию поддержать, но в тот момент услышан не был; а маленький Фридрих Ницше так переживал падение Севастополя, что в знак траура отказался от обеда), скинуть «гнёт российской гегемонии». Эта война была невероятно популярна в Европе, именно благодаря тому, что это была «освободительная война против русской реакции», против проекта контрреволюционной нации, провозглашённого Императором, война европейского либерализма против европейского консерватизма. Поскольку Россия как раз была самой мощной силой европейского консерватизма, то европейский либерализм в лице «демократа на троне» Наполеона III и вождя британских вигов лорда Пальмерстона, а также вождя масонского Рисорджименто графа Кавура, решил эту гегемонию, при полном восторге радикалов типа Маркса и Энгельса, сокрушить и наглядно продемонстрировать своё технологическое и военное превосходство. В значительной степени это, конечно, было не совсем так. Союзники не имели такого подавляющего превосходства над Россией. Вообще, тот образ Крымской войны, который у нас формировался либеральной и советской пропагандой в XIX – XX веках, не совсем адекватен, что в своё время пытался показать академик Тарле. Не имея такого серьёзного превосходства, члены западной коалиции попросту брали числом. В ситуации, когда против тебя воюет вся Европа, когда ты не можешь распорядиться значительной частью своих стратегических сил, потому что тебя сковывают ещё Австрия и Пруссия, то, понятное дело, приходится идти на большое количество компромиссов. В итоге, после смерти Николая I (не произойди она – неизвестно, как бы дальше развивались события) российское правительство Александра II решило, что проще малой кровью с небольшими уступками признать такое фактические поражение.

Это имело драматическое воздействие на русскую идеологию, потому что, тем самым, николаевский проект контрреволюционной нации был, в значительной степени, скомпрометирован. Весь славянский, неовизантийский и мессианистский пафос славянофилов, которые, в общем и целом, при всём либеральничании и неоднозначном отношении к Николаю I, поддерживали его, также рухнул. Грубя говоря, идеология «креста на Святую Софию», в значительной степени, оказалась подорвана, и Россия, по выражению Хомякова, была недостойна призвания. Вспомним его знаменитые стихи на эту тему:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

<…>

О, недостойная избранья,
Ты избрана́! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

И всё-таки, при этом, она оказалась не призвана.

***

Ну и, соответственно, это открыло дорогу для эпохи реформ и перестановок. Напомню немного про тогдашние группировки. Когда мы говорим слово западники, то мы подразумеваем две совершенно разные вещи. С одной стороны, это революционные радикалы, в контексте которых тот же Чаадаев совершенно лишний, для которых истинное европейство состоит именно в том, чтобы идти вместе с революционно-радикальными силами Европы, по тому направлению, по которому Запад всё время шёл и дошёл в наше время до BLM, Байдена и гендерно-нейтрального туалета, что нужно, «задрав штаны», сломя голову нестись за вот этим европейским «комсомолом». С другой же стороны, были западники совершенно другого типа, начиная от Грановского и продолжая Чичериным, Кавериным, Катковым, Соловьёвым. Это люди, которые считали, что Россия должна продолжать петровский проект – усваивать западные учреждения, западные технологии, использовать это всё для усвоения либерального опыта свободы, После Крымской войны эта позиция выглядела достаточно сильной, потому что, в конечном счёте, победу одержала не революционно-радикальная Европа, а либеральная Европа, Европа развитых учреждений, технического прогресса, то есть пресловутая «англичанка». Соответственно, чтобы двигаться в данном направлении, нужно следовать за «англичанкой», как, например, считал Катков, бывший в этот период страстным англоманом. Чичерин возражал, считая, что нужно лучше двигаться по пути французского политического централизма. Но, в общем и целом, западники исходили из того, что историческая основа России бедна и неудачна, она неудобоварима, что петровский поворот был её выдающимся успехом. Главное, что признавали западники в старой русской истории, это не самобытную культуру, не цивилизацию, не Православие, а государственную мощь. Фактически, это очень хорошо видно в «Истории» Соловьёва, где он отвергает что угодно во имя укрепления государственной мощи. Кстати говоря, именно западники реабилитировали Ивана Грозного. Мы помним, что у Карамзина он играет сугубо отрицательную роль. У такого значимого для своего времени историка Устрялова, который был любимым историком Сергея Семёновича Уварова и по его учебникам учились в гимназиях, тоже была проведена довольно холодная линия по отношению к Ивану Грозному. И вдруг Соловьёв и меньше высказывавшийся по истории, но не менее восторженно, Катков практически полностью апологизируют Ивана Грозного и опричнину именно как

символ максимального укрепления государства. На самом деле, это очень важно понимать, что русский консерватизм второй половины XIX века был, в значительной степени, западническим и постзападническим, как и национализм. Ни в коем случае не надо ставить знак равенства между славянофильскими тенденциями и русским национализмом и консерватизмом, тем более, что многие славянофилы были настроены на свой лад достаточно либерально. Просто они считали свой либерализм обращением не к просвещённой публике, а к народу во всей его мощи таящихся в нём, по мнению славянофилов, сил. Западники в данном контексте вовсе не значит, что национальные нигилисты и космополиты, а значит люди, выступающие за то, чтобы российское государство продолжало успешный петровский проект, давший достаточные результаты.

Славянофилы же в этом смысле придерживаются другой точки зрения. Европу несёт глубоко не туда, в революционное и радикальное никуда. В базовой славянофильской историософии Хомякова всё это происходит из самых глубин этого западноевропейского духа, а именно из папского тезиса, что один человек может в противоположность соборности определять, что есть истинность веры – то есть, в данном случае, римский папа. В развитие этого протестанты говорят, что вообще каждый человек может сам определять истинность в Писании, которое изучает. А вот уже просвещенцы доходят до того, что каждый человек уже по своему разуму, а не по Писанию, может определять, что такое истина вообще. Европеизм для Хомякова абсолютно логично вытекает из этого первоначального папского догмата. То есть, Европа с самого начала идёт в никуда. Противоположностью этому является русская цивилизация, основанная на истинных началах Православия и Соборности, стоит в Истине и, соответственно, любые её петровские искажения, в угоду к внешнеполитическим выгодам, искажают ту духовную основу, на которой она базируется. Поэтому лучше всего преодолеть тот петровский соблазн, который был внесён, и вернуться к своей самобытности, поскольку она истинная. Западничество – ложно, русская самобытность – истинна. При этом для славянофилов характерна большая степень недоверия к государству, поскольку вот это петровское имперское государство всё из себя насильственное, принудительное, оно подавляет всё вокруг себя, соответственно, хорошо, чтобы его стало немножко поменьше. Отсюда вера в общину, как возможность самоуправления, отсюда огромные симпатии славянофилов к земству, как к тому, что проявляет естественные народные силы. Это и расчёты, в дальнейшем, славянофила Игнатьева на то, что можно собрать Земский Собор вокруг Царя – что есть неправильный парламент, а есть правильный Земский Собор. В общем и целом, на протяжении всего царствования Александра II, славянофилы первой волны оставались такими немножко либералами, немножко демократами, категорическими антиаристократистами, особенно это характерно было для их полемики с очень проаристократически настроенной газетой «Весть», полемики Самарина с генералом Ростиславом Фадеевым, который призывал возродить дворянство, а Самарин очень резко его за это критиковал. В этом смысле, цивилизационный консерватизм славянофилов сочетался с таким, что называется, политическим демократизмом. В результате этого, сложилась довольно поразительная конструкция, когда славянофилы оказались, в значительной степени, лидерами либеральных реформ наравне с либералами в строгом смысле слова, последовательными космополитами, которые были бы для западников, типа Каткова, Соловьёва и Чичерина, даже чрезмерными радикалами. Вспомним здесь ту роль, которую Самарин играл в подготовке освобождения крестьян и то, что оно всё-таки произошло с землёй. В том, что ставка была сделана правительством всё-таки на общину, а не на жёсткий переход к каким-то частнособственническим отношениям – также прямая заслуга или вина (в зависимости от того, как их оценивать) славянофилов.

На самом деле, конечно, ни славянофилы, ни западники в узком смысле слова, само атмосферы реформ не определяли. Главным человеком, который определял эту атмосферу, был брат Царя, генерал-адмирал Великий князь Константин Николаевич, второй сын Николая I, человек очень широко либеральных воззрений и даже широко космополитических, при этом поддерживающий любую общественную дискуссию. Тогда впервые появилось слово «гласность». Его «Военно-морской журнал» был вообще первым свободным органом печати в предреформенной России. Вокруг него кучковались люди тоже очень негосударственно-западнических либеральных взглядов. Процессы эти шли под его «крышей» до самого освобождения крестьян. До этого момента среди радикал-западников

входил в моду Герцен, которого читали всюду в России – его издание «Колокол», которое привозилось из-за границы, из Лондона, Император его читал, все придворные круги, провинциальное дворянство, столичная бюрократия, и, фактически, в какой-то момент казалось, что именно Герцен определяет государственную идеологию. Но только вот Александр Иванович сам при этом всё больше отмораживался и реально начинал звать Русь к топору. И тогда, собственно, его оппонентом выступил Михаил Никифорович Катков, который, опубликовав в своём «Русском вестнике» несколько очень жёстких антигерценовских статей, наконец-то эту моду на него подорвал. Влиятельнейший журнал «Русский вестник» начал издаваться Катковым в 1856 году. В нём была опубликована большая часть произведений русской литературы этой эпохи. Потом Катков стал редактором ежедневной газеты «Московские ведомости», взятой в аренду у Московского университета. Он становится для начала, оставаясь таким классическим консервативным западником-англоманом, первоначально рассчитывающим, что в действие могут быть введены учреждения английского типа, лидером консервативного крыла, притом, что назвать его, строго говоря, консерватором. А.Э. Котов, который является одним из крупнейших специалистов по Каткову, говорит, что того нельзя называть консерватором ни в какой период. Я с этим не согласен, мне кажется, что с 1870-х – 1880-х годов он уже консерватор в чистом виде, хотя и не очень симпатичного мне руссоистски-деместровского типа. Но исходно он – просвещённый консервативный-либерал с националистическим уклоном.

«Благодаря», в значительной степени, глубоко ошибочной политике Константина Николаевича, в Царстве Польском, где он с мая 1862 года был Наместником (так забавно складывалось, что оба раза польский мятеж вспыхивал при Наместниках, Великих князьях Константинах, братьях Царя), начался очень опасный для России польский мятеж. Опасный не потому, что поляки как-то существенно угрожали каким-то образом России, а потому что появлялась легальная возможность для нового европейского вмешательства. После поражения в Крымской войне, после тамошнего Парижского мира, у Наполеона III и англичан появлялась новая возможность вмешаться в русские дела, угрожать, пытаться вынудить Россию к капитуляции и отказу от Польши. При этом, сама Россия тоже была, в значительной степени, идеологически ослаблена, потому что там разгоралось, подогреваемое Герценом и Чернышевским, революционно-нигилистическое движение. Причём дело дошло даже до массовых поджогов в Петербурге, после чего правительство взялось за ум. Чернышевский был арестован и помещён в Петропавловскую крепость. Это был редкий случай своевременной и эффективной политической акции. Чаще всего русское правительство очень тянуло и очень медлило с изъятием вредных людей, так что они успевали нагадить, как только могли. А вот с Чернышевским был единственный раз, когда всё сделали достаточно быстро и убрали достаточно быстро, осталась от него только память. Но, к сожалению, и тут недосмотрели – разрешили публикацию романа «Что делать?», который действовал уже самостоятельно и независимо от этого человека, при этом весьма деструктивно. На фоне этой внутренней нестабильности, на фоне того, что в кругу Константина Николаевича были силы, настроенные на капитуляцию перед Европой. Появилась первая версия, первая теория «многонационалочки» – был такой публицист на тайном жаловании у российского правительства, писавший под псевдонимом Шедо-Ферроти (барон Фёдор Иванович Фиркс), который на французском языке в Европе опубликовал памфлет «Что будет с Польшей?». Этот памфлет потом Министерство просвещения, возглавляемое тогда либеральным Александром Головниным из круга Константина Николаевича, начало принудительно рассылать по учебным заведениям. Протесты против этой рассылки стали важным пунктом в русском национально-консервативном движении той эпохи. В памфлете развивалась идея, что Государь одинаково любит всех, поэтому Россия должна быть своего рода конфедерацией множества национальностей. Если бы Катков и поддержавший его Погодин не выступили бы против, то, наверное, это всё распространилось бы гораздо шире и действовало бы гораздо ядовитее. Во всяком случае, за счёт угрозы внешней интервенции и за счёт внутренней ослабленности русской идеологии, польский мятеж создавал серьёзную угрозу. Если бы всё это удалось, то это могло бы означать конец Российской Империи. Но, по счастью, оно не удалось, в значительной степени, благодаря решительности одного-единственного человека – Михаила Николаевича Муравьёва, назначенного генерал-губернатором Северо-Западного края, в Вильну. Именно туда, а не в Варшаву, исходя из того, что многие уже считали, что она потеряна безвозвратно, поэтому давайте постараемся удержать хотя бы Западный край.

Муравьёв был крупным государственным чиновником, участником Бородинской битвы, в которой был достаточно тяжело ранен. В молодости в чём-то симпатизировал декабристам, но ни в каком заговоре никогда замечен не был. Сделал весьма неплохую губернаторскую, а потом и министерскую карьеру при Николае I. Александр II его очень сильно недолюбливал, в итоге, отправив в отставку. Но вот, как сильный человек с последовательными убеждениями, знающий, что такое Западный край, он был призван для подавления мятежа. Какие именно у него были убеждения? Он очень хорошо это изложил сам, в своих воспоминаниях, которые были изданы в небольшой книжечке «Готов собою жертвовать…», основу которой составляют именно записки Муравьёва. «Строгое преследование крамолы и мятежа, возвышение достоинства русской национальности и самого духа в войске <…> Я выразил Его Величеству моё убеждение, что край тот искони русский, что мы сами его ополячили, и что опыт 1831 года нам не послужил в пользу и что теперь надо решительно подавить мятеж и уничтожить крамолу и восстановить русскую народность и православие в крае. <…> Известно, что большая часть русской аристократии, воспитанная в идеях европейских, без чувства уважения к своей религии и своему отечеству, всегда действовала без убеждений, согласно господствующему направлению на Западе. Для них России и православной религии нет, они космополиты, бесцветные и бесчувственные для пользы государства, и первое место у них занимают их собственные выгоды и своя личность…». То есть. Муравьёв был тем государственным деятелем, который в истории Российской Империи, пожалуй, наиболее твёрдо, точно и полно придерживался русского воззрения. Это был человек со стопроцентной идеологической националистической доминантой и с достаточной силой воли, чтобы проводить эту доминанту в своей политике. Поэтому он, в общем, является одной из ключевых и фундаментальных фигур для русского национализма и для русской истории, тем образцом, на который нужно ориентироваться. И хорошо, что постепенно это осознаётся. Был даже такой замечательный момент, когда 12 октября 2020 года посольство России в Белоруссии, которое до этого всячески подлаивало лукашенковскому сепаратизму и змагарству (при Лукашенко в Белоруссии местные националисты продавили культ мятежника Кастуся Калиновского, объявленного «белорусом», хотя это был классический польский сепаратист), с чего-то вдруг решило вспомнить о Муравьёве и разместило пост в твиттере с извещением о годовщине его дня рождения сего портретом. Вообще портрет Муравьёва должен быть в каждом учебнике русской истории. (И, конечно, весьма важно отметить то, что 18 октября 2023 года в Калининграде был торжественно открыт по инициативе местной власти памятник Михаилу Николаевичу в сквере на улице Генерал-Лейтенанта Озерова). Неплохо, конечно также поставить ему памятники где-то ещё – например, в Курске, где он был губернатором, хотелось бы, также и в Минске, в Могилёве и Витебске, а также в Гродно. Ну и, конечно, надеюсь, мы увидим восстановленный памятник ему в Вильне, где он был некогда торжественно открыт в 1898 году и после 1915 года со своего места исчез. О Муравьёве вообще сейчас много выходит литературы, это тоже хороший знак. Платонов издал воспоминания современников о нём. Это такой, довольно полный биографический сборник. Есть прекрасная монография белорусского исследователя Александра Бендина «Михаил Муравьёв-Виленский. Усмиритель и реформатор». Есть у Э.П. Федосовой прекрасная монография «Граф М.Н. Муравьёв-Виленский (1796 – 1866). Жизнь на службе империи». Ну и, конечно, порекомендую свой трёхчастный цикл о Муравьёве в рамках программы «Егор Станиславович», а также написанную на его основе статью в книге «Добрые русские люди».

Что сделал Муравьёв? Во-первых, он начал всех этих польских сепаратистов вешать, не разбирая их званий – перестал щадить дворян и гордых польских аристократов. Мятежник? Значит – на виселицу! За это мятежники прозвали его «вешателем», что является чистой воды попыткой отвода глаз, потому что первоначально жандармами-вешателями называли соответствующие карательные мятежные шайки, которые вешали православных священников, противодействующих им крестьян, всех тех, кто не был на стороне мятежа. И они убили в несколько раз больше людей, чем за всё время своего управления повесил мятежников Муравьёв. Причём иногда во главе этих жандармов-вешателей стояли польские ксендзы. Так что перед нами типичный случай перевешивания прозвища с больной головы на здоровую. Но эти кары мятежников были лишь половиной дела. Во-вторы, Муравьёв начал жёсткую русификацию края. Туда со всех концов страны стали приглашать этнически русских

чиновников. По сему случаю даже известный украинофил Пантелеймон Кулиш тоже почувствовал себя резко русским и отправился русифицировать Западный край. Стали строить новые православные храмы, а также перестраивать католические и униатские западной традиции – в православные храмы русской традиции. Он очень эффективно, буквально одним жестом возродил Православие в Белоруссии –и несколько сот тысяч православных латунных крестиков было сделано, их привезли в Западный край и стали просто бесплатно раздавать крестьянам. Принявший православный крест осознавал себя православным, а не католиком. Муравьёв очень жёстко настаивал на том, чтобы в спорных случаях все очень чётко обозначали – вот эти католики, а эти православные. И вот она, цивилизационная граница. Все, кто православные – наши, все, кто католики – не наши. И никаких смешанных двойных идентичностей быть не должно. Это тоже очень важный, в его случае, пункт, который, фактически, воссоздал белорусскую составную часть русского этноса из того, фактически, ничтожества и ополячивания, в котором оно пребывало до того момента. У мятежных поляков стали отбирали земли и делить их между православными русскими крестьянами. Нигде так жёстко, не в пользу дворянства, как именно в Западном крае, крестьянская реформа не происходила. Если везде она проводилась в какой-то степени в интересах дворянства, то на польское дворянство в Западном крае решено было попросту наплевать – потому что незачем бунтовать. За это в Петербурге многие представители аристократии стали называть Муравьёва «красным» и «бунтовщиком». Здесь очень жёстко столкнулись принципы национализма, которого он придерживался, и аристократического космополитизма, который тоже претендовал на то, чтобы считаться консервативным, которого придерживался министр внутренних дел Валуев, придерживался петербургский губернатор Суворов, ранее прославившийся тем, что настучал на Самарина за его «письма из Риги». Именно Суворову посвящены знаменитые обличительные стихи Тютчева «Гуманный внук воинственного деда» – в их основу легло то, что Суворов отказался подписать приветственный адрес Муравьёву, назвав его «людоедом», на что Тютчев ответил:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам – наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские – Европы не спросясь…

Действительно, для русского национализма этой эпохи Муравьёв был знаменем. И, между прочим, для западнорусских крестьян тоже – его портреты в белорусских селениях держали дома наравне с иконами. Для белорусов, если их понимать, как субэтническую группу в составе русского народа, а не как «лицвинов», именно Муравьёв является, что называется, «отцом нации», потому что именно к нему они должны были бы возводить свой источник, потому что он их фактически вернул из небытия, поставил их в конкретную этническую определённость – западнорусские люди православного исповедания, а не поляки, литвины или кто-то ещё.

Видимо, до тех пор, пока мы Минск не вернём политически, культа Муравьёва там не видать, как и другого не менее замечательного русского человека, которого вполне уместно упомянуть здесь, может быть, забегая чуть-чуть вперёд – это Михаил Осипович Коялович. Это был крупнейший западнорусский деятель, одновременно историк и идеолог, который под муравьёвские мероприятия провёл определённый историософский и исторический фундамент в виде идеи воссоединения Западной Руси с основной Россией. Этому посвящены многократно переиздаваемые «Чтения по истории Западной России», которые сейчас у нас очень легко найти. Ещё Коялович был выдающимся историком и историческим мыслителем-славянофилом. Ему принадлежит одна из самых важных книг этой эпохи – «История русского самосознания». Под этим именем имеются ввиду очерки русской исторической мысли и историографии, которые он довёл уже в 1880-е годы до молодого Ключевского, которого он очень хвалит и временами по делу. Коялович – последовательный защитник таких славянофильских идеалов, как самодеятельность, самобытность, неприятие иностранного воздействия и, в то же время, такого славянофильского свободолюбия, расчёта именно на народные силы. И, в этом смысле, самые интересные моменты его книги – это, пожалуй, его очень жёсткая полемическая критика Соловьёва как носителя государственнической петровской идеологии и автора базовой

концепции русской истории, в которой только европеизация, проведённая при помощи деспотизма государства, возводит русских из ничтожества к чему-то. Коялович всему этому противопоставляет славянофильский идеал движения народных исторических сил. Процитирую его: «Идея разрушения действительно и проходит через всю «Историю России» Соловьёва. Мало того, проходит через эту «Историю» идея разрушения не только того, что само собой сложилось, так сказать, за глазами двигателей русской исторической жизни, но разрушения и того, что создано было и, по-видимому, хорошо, самими двигателями этой жизни. Призванные князья разрушают племенной быт племён; суздальские князья, а за ними московские разрушают удельновечевой быт; Пётр разрушает строение московских князей, преемники Петра разрушают или переделывают строение петровское. Деятельность Петра автор даже прямо называет революционной. <…> Самое большое значение, самую широкую область деятельности он даёт в этом случае государственной власти. Её он считает более способной и бороться со стихийными силами, и направлять их к целям цивилизации; а в русском народе, в котором для этого тоже могли быть и не зависимые от правительства силы, Соловьёв усматривает, главнейшим образом, не какие-либо определённые, культурные начала, а просто хорошую подкладку для правительственных действий, т. е. даровитость русского народа, особенно ясно выразившуюся в богатырстве, но выразившуюся больше всего, как тоже стихийная сила, и чаще всего как отрицательная в смысле культурном. Таким образом, на историческом русском поприще мы видим собственно власть, которая исторически вырабатывает культуру и направляет к ней русский народ, а этот народ чаще всего является неподатливой, стихийной, как бы отрицательной силой. Вся русская история есть движение то стихийное, то обнаруживающее в себе проблески культуры, т.е. заимствований её у чужих. С этой точки зрения масса русского народа представляется неподвижной, косной, а вся прогрессивная деятельность сосредоточивается в государственности и постепенно передаётся народу». Вот это как бы сущность той западнической петровской концепции, о которой мы говорили раньше. Коялович её вскрывает очень точно и подчёркивает всё-таки необходимость вот этой самодеятельности русских народных сил. Вопрос только в том, где и откуда их взять и как их всё-таки организовать и дать им самоорганизоваться – ни славянофилы, ни Коялович, ни Иван Аксаков так до конца ответа на него не дали. В общем, Коялович – значимая фигура и в истории русской национальной мысли, и в истории, собственно, западнорусизма. Расцвет его деятельности – это прямой результат деятельности Муравьёва.

Конечно, главным выгодополучателем муравьёвской политики был Михаил Никифорович Катков, который именно на последовательной поддержке Муравьёва, на пропаганде всех его мероприятий, на жёстком антисепаратизме превратился из просто влиятельного публициста фактически в культовую фигуру, так что когда потом в 1880-е Константин Леонтьев предлагал на Страстном бульваре поставить памятник Каткову (при жизни), то это звучало не совсем абсурдно, потому что, действительно, вот та пропаганда, которую Катков вёл через газету «Московские ведомости», антисепаратистская, национальная, антипольская, отрицающая вообще какие-либо попытки федерализации России, превращение её в какой-то конгломерат народов, стала воплощением идеологии национального политического единства. При этом своеобразии его воззрений, в этом качестве он был в середине 1860-х годов культовой фигурой – проводились патриотические демонстрации, которые просто шли к его дому и всё время его приветствовали, составляли ему приветственные адреса, дарили разные символические подарки. Если образ Муравьёва был образом государственно-политической консолидации, то образ и идеи Каткова были точкой консолидации идеологической. При этом, воззрения Каткова были весьма своеобразные. Не буду говорить о нём слишком длинно, потому что есть моя статья в «Тетрадях по консерватизму» – «Национализм центростремительного движения. Политическая метафизика Михаила Каткова», где я подробно разбираю этот вопрос. Она посвящена попытке реконструкции его политической философии, которая, в значительной степени, опирается на Шеллинга и на шеллингианское противопоставление центростремительного и центробежного движений как таких основных метафизических сил а мире. Соответственно, Катков является таким последователем и пропагандистом центростремительных сил, в свете чего его антисепаратизм носит такой вполне философски обоснованный характер. У него там есть много интереснейших нюансов. Кстати, эта же статья включена мной в книгу «Добрые русские люди».

Если в двух словах, то национализм Каткова не носит, строго говоря, этнически окрашенного характера. Для него русские – это не культура, не этнос, в том смысле, как их воспринимали славянофилы. Как западник, русскую культуру он вообще ставил достаточно низко, для него она начинается с Карамзина и Пушкина, хотя у него есть большой и интересный текст о русских исторических песнях, но его общее невосторженное воззрение на традиционную русскую культуру достаточно ярко проведено. Он не поклонник религиозной концентрации – он формально православный, но при этом никакой такой православной метафизики у него нет вообще. В этом смысле его с Хомяковым никак не сравнить. Для него нация, в большей степени, чем для кого бы то ни было ещё из русских национальных мыслителей XIX века – это новоевропейский политический конструкт. Русские – это основная национальность Российской Империи, это те, кто не пытается от неё отделиться. Задача состоит в том, чтобы всех, под эту единую русскую гребёнку всё-таки подвести. Отсюда этот проект, который он очень активно продвигал и который для многих сделал его одиозным – классическое образование с основным упором в гимназии на латынь и греческий, с помощью которых он, как не странно, намеревался унифицировать и русифицировать Империю, сделав русскую культуру высокой и высокоразвитой. Сам лично Катков сделал всё для того, чтобы эту великую, высокую русскую культуру создать. Напомню, что журнал «Русский Вестник» – это журнал, через который прошла практически вся великая русская литература того времени, кроме, может быть, каких-то маргинальных радикальных вещей, которые публиковались в «Отечественных записках» Некрасова. Практически всё основное, что было написано на русском языке в 1860-е – 1880-е годы, – это всё прошло через «Русский Вестник»: Достоевский, Лев Толстой, Алексей Толстой, Тургенев, Лесков, Фет, Тютчев, Гончаров, Островский и многие другие. Катков, в общем, в значительной степени, создаёт эту оригинальную русскую культуру, как журналист и как издатель, но при этом, мне кажется, он до конца так и не осознал своего успеха, что, действительно, вот эта актуальная русская культура в полной степени существует и это одна из величайших мировых культур к моменту его смерти. Может быть, к концу он уже начинал подозревать, что может быть что-то такое, но так, в целом, для него русские – это европейская нация, говорящая на русском языке, но которая обязана быть основной и единственной.

Главный пафос катковского национализма – это именно антисепаратизм. И вот здесь он был очень последователен. Здесь он не боится никого, он вообще был человек не робкого десятка, конфликтовал с министрами, его «Московские ведомости» регулярно получали предупреждения, несколько раз закрывались, притом, что он был очень влиятельной фигурой и постепенно плёл такую сеть, чтобы контролировать правительство. Начиная с какого-то момента, действительно, катковский контроль над правительством уступал, наверное, контролю самого Императора. Тем не менее, когда нужно было идти на конфликт с бюрократией, то он на этот конфликт шёл, критикуя, прежде всего, именно вот эти сепаратистские, антинациональные, антирусификаторские тенденции, которые проявлялись и в Западном крае, и на Кавказе. Катков активно поддерживал борьбу Самарина и славянофилов с остзейским «особизмом» (сепаратизмом они никогда не занимались). С другой стороны, он выступал за политическую и юридическую эмансипацию старообрядцев и евреев. То есть, идеалом Каткова была такая единая русифицированная русская нация, составленная из всего того, что поддаётся русификации в Империи, и не допускающая никаких сепаратистских поползновений.

Каткова у нас, в общем, неплохо переиздают. Сначала были изданы его основные, топовые произведения Смолиным, в частности, «Имперское слово», которое потом переиздавалось под разными именами. Потом выпустили шеститомное собрание сочинений. Оно, конечно, не совсем по хронологическому принципу, но практически все основные его вещи там есть. Представление о Каткове составить можно, хотя нет ни одного издания логически воспроизводящего из тех обрывков, которые представляют его статьи. Там ещё есть проблема в том, что далеко не все статьи «Московских ведомостей», на самом деле, писались Катковым. Они посмертно выпущены были все как статьи Каткова, но из писало там, примерно, полдюжины человек. Можно иногда даже догадаться, где кто автор, чаще всего нельзя, но понятно, что это создано под его контролем. Есть разница между индивидуальным Катковым и коллективным Катковым. Причём иногда это действительно бывает

забавно, например, когда «Катков» пишет прочувствованный некролог на смерть Достоевского, причём хвалит его именно за то, за что индивидуальный Катков в «Русском Вестнике» 1850-х – начала 1860-х годов Достоевского очень жёстко ругал и вряд ли он при этом как-то передумал, потому что видно, что он в этом смысле не изменился. В чём секрет? Секрет в том, что на самом деле эту статью, по всей видимости, написал не Катков, а Николай Алексеевич Любимов, его ближайший соратник, человек, который редактировал все романы Достоевского и который вообще отвечал за «Русский Вестник» и его содержание с 1863 по 1882 годы и чувствовал Достоевского очень тонко. В этом смысле задача разбора индивидуального и коллективного Каткова вряд ли, конечно, разрешимая, но, по крайней мере, что-то там можно найти. Каткововедение у нас очень активно развивается. Самый выдающийся в этом плане –Александр Эдуардович Котов, автор уже нескольких монографий и о самом Каткове, и о его круге. Широко известная его монография – ««Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860 – 1890-х годов». Котов определяет идеологию Каткова именно как бюрократический национализм в противоположность народническому национализму, если так можно выразиться, характерному для славянофилов, которые верят в то, что проснутся живительные силы народа и что-то создадут. Исходно Катков тоже верил в общество, правда, оно для него, скорее, такое дворянски-просвещённое, на английский манер. В простонародье в этом смысле он, пожалуй, не верил никогда, но постепенно, действительно, с годами он всё больше и больше приходит к убеждению, что нацию создать каким-то образом и отрегулировать её цели может только государство. А что такое государство? Это бюрократия. Именно поэтому Катков вступает в такую отчаянную борьбу за контроль над бюрократией, за влияние на неё, хотя, при этом, очень характерный его хитрый манипулятивный ход – он пытается управлять бюрократией от имени общественного мнения, которое представлено через газету. Но при этом сама его газета «Московские ведомости» фактически существует на деньги от печатания правительственных объявлений, то есть, фактически, на государственные субсидии. То есть, Катков влиял на бюрократию от имени общественного мнения, которое формирует финансируемая бюрократией газета. Вот такой, что называется. головокружительный кунштюк он выделывал, но в течении всей жизни он ему удавался. У Каткова было несколько периодов тяжёлых конфликтов с Императором, причём, как с Александром II, так и с Александром III, когда тот счёл, что он на себя слишком много взял. Но, тем не менее, фактически, всё это время Катков оставался до своей смерти в 1887 году, по сути, государственным учреждением.

Отмечу также ещё ряд работ Александра Эдуардовича – например, «Русский политический предмодерн. Забытые «консерваторы» второй половины XIX века», в которой не только про забытых, типа Юзефовича, но и очень хорошая работа о Самарине, об особенности его политического мировоззрения. Есть совершенно прекрасное издание «Под каким соусом нас съедят. Русский антинигилистический памфлет второй половины XIX века», где собрано много прекрасных полемических работ против революционизма и нигилизма, включая совершенно прекрасную работу Цитовича «Что делали в романе «Что делать?»» – это такая совершенно издевательская работа о Чернышевском. Мне, если честно, никогда не хватало терпения дочитать «Что делать?» до конца. В этом плане меня очень хорошо сберёг Набоков, который в «Даре» очень наглядно всё о Чернышевском написал. Почитав Цитовича, я обнаружил, что там вообще тот ещё был бордель, что это не только идеологический манифест, но и изрядная такая порнография. Там также есть очерк «против течения» Любимова. Ещё если говорить о круге Каткова, то можно упомянуть ещё несколько людей. Например, замечательный и очень интересный писатель Болеслав Михайлович Маркевич. Это был самый популярный среди широкой публики романист этой эпохи. Помилуйте, кто такие Толстой, Достоевский и все прочие! Публика тогда читала Маркевича и Крестовского – такой была тогдашняя литературная попса. Крестовский это такой, что называется, литературный сериал с криминалом и всем прочим (неудивительно, что в 19090-е по его «Петербургским трущобам» сняли самый настоящий сериал – «Петербургские тайны»), то Маркевич – это такие любовно-политические романы. Его первый роман «Четверть века назад» – это любовная история, которая, большей частью, развивается в пределах одного поместья, где, однако, сталкиваются, что называется, такой петербургский охранитель и молодой славянофил Гундуров – и оба претендуют на руку милой девушки. В итоге злой столичный хлыщ стучит на несчастного славянофила и того пытаются выслать

в азиатскую часть России чиновником особых поручений. Заканчивается вся эта история довольно трагично, в частности, девушка умирает. Конечно, это такая натуральная «Просто Мария», «Богатые тоже плачут» и всё в том же духе. Потом Маркевич продолжил эту серию, описав нравы шестидесятых годов, затем – эпоху цареубийства. Роман должен был эффектно заканчиваться заседанием Государственного Совета, на котором провозглашается манифест Александра III «О незыблемости самодержавия», но он не успел до этого рубежа роман дописать, скончавшись в 1884 году. Человек он был, что называется, жуликоватый в определённых вещах, местами скользкий, но, тем не менее, будучи основным представителем Каткова в Петербурге, таким его, что называется, агентом и резидентом, он играл довольно крупную роль во всех этих политических раскладах и читать его, в этом смысле, очень интересно. Ещё один автор катковского круга, которого опять же очень интересно читать – Евгений Михайлович Феоктистов, автор мемуаров «За кулисами политики и литературы». Это о Тургеневе и о многих других писателях, о Каткове – это один из главных героев. Написано это всё очень увлекательно, действительно, немножко по-сплетнически, но можно представить себе атмосферу вот этой эпохи. Феоктистов в какой-то момент был назначен главным цензором, как раз по катковской протекции, то есть, был вхож в самые высокие круги и знал, что и как.

Дальше имеет смысл поговорить о других направлениях, уже не о катковском национализме. Хотя, скажем, всегда был верным политическим союзником Каткова поэт Фёдор Иванович Тютчев. Его собственная политическая публицистика была очень своеобразной – он был романтический геополитический славянофил, который надеялся на то, что Россия однажды покорит Запад:

И будет старая Москва
Новейшею из трёх её столиц.

Его проекты, по большей части, формировались в соответствующем ключе. Есть забавное противоречие в том, что, с одной стороны, Тютчев очень не любил Николая I, написав на него очень злую посмертную эпиграмму:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, –
Всё было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Но, при этом, чисто геополитически, он, пожалуй, в наибольшей степени, является наследником этого николаевского проекта консервативной контрреволюционной нации. Он сохраняет эту надежду, что консервативная Россия соберёт вокруг себя консервативный же Запад. Но, примерно одновременно с этим, он являлся восторженным славянофилом, панславистом, что выражалось в его поэзии – например, его знаменитое стихотворение «Славянам»:

Но всё же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают вас!

Он служил в министерстве иностранных дел и был таким, фактически, что называется, публицистическим и идеологическим отделом при канцлере князе Горчакове, был постоянным связующим звеном между Горчаковым и Катковым. Собственно, Горчаков был одним из тех людей, на кого Катков всегда мог положиться и опереться в ситуации, когда у него были конфликты с министром внутренних дел Валуевым и другими. Но, честно скажу, именно политическая публицистика Тютчева мне, чем-то, по настоящему выдающимся, не кажется. Она познавательна, она важна для представления о его взглядах, об интеллектуальном контексте, в котором он был, но его поэзия и его, в частности, политические стихи имеют, на мой взгляд, гораздо большее значение в этом

смысле. Тютчев доказывает, что, прежде всего, он поэт. И как политический поэт он просто бесподобен.

Большинство славянофилов – Киреевский, Хомяков, Константин Аксаков – к этому времени уже умерли (Киреевский – в 1856 году, Хомяков – в 1860 году, Аксаков – в 1859 году). Но такие славянофилы, как Юрий Самарин и Иван Аксаков, продолжают очень активно действовать в эпоху Александра II. Самарин после участия в крестьянской реформе сосредотачивается на том, что продолжает отчаянно громить остзейцев. Есть очень любопытный в этом смысле памятник – его переписка с баронессой Раден, фактически являющаяся романом в письмах, продолжавшимся пятнадцать лет. Раден был типичная остзейка и, при всём при этом, пыталась повлиять на Самарина и дружески, и политически. Он всегда очень любовно и очень тепло ей отвечал, но при этом каждый раз последовательно проводит всё ту же чёткую линию, которой он придерживался в «Письмах из Риги», которые превращаются в огромный его двухтомный трактат «Окраины России» - систематический сборник материалов против остзейского особизма. Эта самаринская линия продолжается, её, в частности, подхватывает Лесков, пишущий настоящий памфлет с обличением пронемецкой политики нашей бюрократии в Балтийском крае под название «Иродова работа». Пронемецкая, в некоторой степени даже репрессивная политика бюрократии в Балтийском крае имела место, в частности, была направлена против старообрядцев – а Лесков, как известно, был выдающимся защитников старообрядчества. Правда, в итоге, этот старообрядческий взгляд увёл его куда-то не совсем туда. Он начал ненавидеть официальную Церковь, её святых, отца Иоанна Кронштадтского, какой-то чрезмерной лютой ненавистью. Тем не менее работы Лескова именно по защите русских в Балтийском крае имеют достаточно большую важность. Активно всё царствование Александра II действовал Иван Сергеевич Аксаков. Он издавал газету «День», потом всякие другие органы. Это всё сейчас тоже неплохо издано, издана его переписка – «Люди русской правды». Его позиции все, в основном, были те же – свобода русских сил, славянофильство, переходящее в панславизм. Меня спрашивали, стоит ли различать славянофильство и панславизм – конечно же стоит. Панславизм – это геополитическая утопическая концепция, основанная на идее, что Россия сможет вокруг себя объединить весь славянский мир, причём, вне зависимости от того, является ли он православным, католическим или даже склонным к протестантизму, что этническая славянская народность может послужить основанием для некоего политического объединения, предпочтительно, вокруг России. Что же до славянофильства, то, прежде всего, надо отметить, что это термин достаточно ярлыковый, сами они себя так изначально не называли. К тому же славянофильство основано, прежде всего, на тезисе о самобытности русской цивилизации, а не на каком-то другом. В общем, Аксаков отстаивал сё те же идеалы, он был такой очень хороший, очень чистый, очень идейный человек, но, на мой взгляд, немножко интеллектуально дубоватый. Когда читаешь Ивана Сергеевича Аксакова, то поражаешься, с одной стороны, как красиво и гладко он пишет, а с другой – насколько наивна большая часть всех его мыслей. Он до конца никогда, в общем, не избавился от такого немножко детского взгляда на мир. Он поверил в основные догматы славянофильства, которые развивал его брат и другие представители кружка старших славянофилов – и из года в год, из десятилетия в десятилетие, практически по каждому поводу, по каждому вопросу отстаивал эти тезисы, практически без интеллектуальных вариаций. Убили Александра II – это повод для Аксакова написать текст «В Москву, в Москву!»: что вот в вашем гадком Петербурге убивают царя, а вот в Москве, конечно, такого никогда бы не случилось, Москва его защитила и охранила бы, потому что она – естественный русской цивилизации и государственности. (Ещё никто тогда не мог себе представить, что 24 года спустя в самом сердце Москвы, в Кремле, террористы взорвут бомбой сына Царя-Освободителя, Великого князя Сергея Александровича, популярного и любимого в народе московского генерал-губернатора). Аксаков он весь такой. Он очень милый и хороший, но как-то над этой его тёплой наивностью, особо глядя из мира после 1917 года, иногда хочется плакать. То есть вот он не верит в достаточной степени в зло человеческой природы.

Но при этом именно как русский националист Аксаков абсолютно конкретен, абсолютно всегда твёрдо убеждённым. В этом смысле, конечно, 1860-е – 1870-е годы были очень хороши тем, что никто из этих наших базовых национальных консервативных мыслителей никакой многонационалочкой не страдал.

У них разные содержания понятия русские и русский народ. У Каткова русские – это такая политическая русскоговорящая имперская не сепаратистская общность, которая не имеет других идентичностей и при этом простонародности в ней почти нету. Для Аксакова это такие славянофильские русские, но, при этом, они все говорят примерно одно и то же. Процитирую Аксакова: «Тысячу лет строил русский народ свое государство, костьми и кровью слагал его, принёс в жертву государственной идее и местную свободу, и достояние. Достроил, наконец, и с недоумением начинает усматривать, что допущенные им жильцы вытесняют его чуть не за порог, да ещё и здание хотят по-своему перестроить… За хозяйский стол, конечно, могут быть допущены гости, но только как гости, и в качестве гостей пользоваться почётом: во главе же стола все-таки должен сидеть и распоряжаться хозяин. А хозяин в России – русский народ, и никак не инородцы». И то же самое, абсолютно ту же самую формулировку, только ещё более ёмкую, мы обнаруживаем у представителя третьего направления – Фёдора Михайловича Достоевского, его знаменитое выражение: «Хозяин земли Русской – есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это всё одно) – и так будет навсегда». Очень важно, кстати, вспомнить, в связи с какой темой в истории Достоевский об этом заговорил – в связи с шепотками в либеральной печати: а стоит ли России лезть в войну с Турцией за православных болгар, если у нас самих в стране есть мусульманские народы, стоит ли ссориться с Турцией, если у нас так много мусульманского населения. В этой связи Достоевский говорит о том, что не будет никто больше определять внешнюю политику и самоконцепцию России, а внешняя политика прямо проистекает из национальной самоконцепции, по крайней мере, в боле-менее нормальном государстве. Нет, хозяин России есть русский во всех его ветвях – и, соответственно, именно из самосознания русского народа и самосознания русской цивилизации будет вытекать его внешняя политика: кто нам брат, а кто нет, кого будем защищать, а кого не будем. Достоевский, безусловно, всегда стопроцентно остаётся русским националистом, он всегда, безусловно, остаётся консерватором-антинигилистом – причём, консерватором с добрым сердцем, но очень жёстко заточенным против всей нашей либеральной тусовки, и ещё более против революционеров, о чём он пишет совершенно замечательный убийственный роман «Бесы». В принципе, его и славянофилов разделяет очень тонкая грань, которая связана, прежде всего, с тем, что он любит не столько цивилизацию, сколько народ как человеческий тип. То есть, Достоевский более простонароден и этничен, чем даже славянофилы. Если будет позволительно такое сравнение, то, видя русского человека в рубашке с узором на косоворотке, славянофилу прежде всего нравится косоворотка и этот узор, а Достоевскому нравится, прежде сего, человек. Его философия в большей степени антропоцентрична, нежели культуроцентрична.

И именно в этой связи, именно по этой причине, абсолютным бредом является распространяемая клевета, что якобы Достоевскому принадлежат слова, что «без православия русский человек – дрянь». Дело в том, что это – прямо противоречит мировоззрению Достоевского, у которого человек не то, чтобы не может быть дрянью, конечно может, но даже будучи дрянью он не лишается нашего сочувствия и нашего человеческого статуса. Из его уст никогда такой презрительной характеристики быть, оп определению, не могло. Он любит народ и в хорошем, и в плохом. Если славянофилы, в большей степени, любят русскую цивилизацию, то достоевский, в большей степени, любит русского человека – голого, пьяного, преступного, падшего, нищего, какого угодно. Откуда взялась эта фраза? Давайте разберёмся. Она взялась из переписки одного из старших славянофилов Александра Кошелева с Иваном Аксаковым. Издавая свой очередной журнал «Парус», Иван Сергеевич написал статью «Наше знамя – русская народность» и пригласил к сотрудничеству Кошелева, на что тот ответил письмом о том, что, на его взгляд, Аксаков совершенно неверно трактует славянофилов. Будучи представителем старшего поколения, человеком, ориентированным на Хомякова и Киреевского, он считает, что самое главное, всё-таки, в России и в русских – это не народность, это не славянство, это не панславизм, а именно Православие. И вот в этой связи, противостоя аксаковскую апелляцию к народности, в уваровском смысле, в смысле начала цивилизации, и православную веру, Кошелев пишет: «Вера, одна вера может оживить мертвеющую природу; она одна может собрать обломки и из них создать нечто органическое. Какая вера? Не католицизм и не протестантизм, а одно наше православие. Его-то вы, по ложной стыдливости, боитесь поставить во главу угла. Без православия наша народность дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение». То есть, прежде

всего, мы заметим, что никакого русского человека здесь нет, «дрянь без православия» – это Кошелев пишет применительно к народности, то есть, о том принципе, который составляет третью часть уваровской триады. Причём, какой народности? Народности не русской в узкоэтническом смысле, а славянской, в том смысле, в котором о ней говорят славянофилы, как Аксаков и прочие. К этому моменту, скажем, имеется, прежде всего, некая панславистская апелляция, о чём однозначно говорит вопрос о том, какая вера – не католицизм и не протестантизм. Среди русских протестантов и католиков практически не было. Имелся ввиду католицизм поляков и протестантизм многих чехов. Что вот, с их католицизмом и их протестантизмом славянская народность не имеет никакого значения, а имеет только с Православием. Когда мы берём Православие и соединяем его со славянской народностью, получается действительно нечто великое, о чём всегда говорили славянофилы. А без Православия получается какая-то дрянь – и, в общем-то, это правда, потому что если посмотреть на эти славянские этносы без Православия и вне Православия, то это получается, действительно, в лучшем случае, общечеловеческая либеральная дрянь, а в худшем – вообще какая-то слякоть. Именно об этом, а не о русских говорит Кошелев. Так что «без православия русский дрянь» – это фраза не существующая. Её нет ни у Кошелева, ни, тем более, у Достоевского, чьим взглядам она противоположна. Откуда же тогда это взялось? Из книги Николая Бердяева о Достоевском, где тот, противопоставляя взгляды Достоевского и взгляды славянофилов, делает характерную для него ошибку с его время от времени крипторусофобскими тенденциями. Он пишет: «Народничество Достоевского – особенное народничество. Это народничество религиозное. Но и славянофилы исповедовали религиозное народничество. Кошелев говорил, что русский народ хорош только с православием, а без православия – дрянь». Достоевский же, отмечает Бердяев, считал совершенно иначе, любя народ во всех проявлениях. То есть, Бердяев тоже говорит, что подобный взгляд Достоевскому совершенно не присущ, но он якобы присущ Кошелеву. И вот дальше уже наша образованщина превращает этот искажённый Бердяевым взгляд Кошелева во взгляд Достоевского. Соответственно к тем, кто после таких разъяснений, продолжает пропагандировать эту бредятину про то, что Достоевский якобы считал, что «без православия русский дрянь», на мой взгляд, нужно не очень хорошо относиться – как к сознательным клеветникам. Добавлю, что у меня о Достоевском есть тексты в книгах «Рцы слово твердо» и «Добрые русские люди», а также целый документальный фильм «Фёдор Михайлович», который можно посмотреть в Интернете. Там этот вопрос с лжецитатой также рассмотрен.

Фёдор Михайлович Достоевский, в принципе, был одной из крупнейших фигур русского консервативного движения, особенно в 1870-е годы. Об этом есть даже такая смешная книга советского постреволюционного литературоведа Леонида Гроссмана «Достоевский – реакционер». Гроссман – автор первой советской большой биографии писателя, довольно гаденькой. Он, тем не менее, связи Достоевского с правительственными кругами и с правыми достаточно хорошо осветил. Будь умным, будь как Достоевский, будь реакционером – по-моему это совершенно прекрасно. Реализовываться же в качестве реакционера и в качестве политического идеолога и мыслителя Достоевский получил. Прежде всего, благодаря газете «Гражданин», в которой он, в течение долгого времени был редактором, на деньги с которой он жил. В ней он издавал свой «Дневник писателя». Эту газету издавал очень такой интересный и своеобразный персонаж как князь Владимир Петрович Мещерский. Персонаж отчасти скандальный, благодаря своей сексуальной ориентации, но при этом такой последовательный и упёртый консерватор, надменно мизантропического типа, который считал, что всех нужно пороть. Но, тем не менее, Мещерский поддерживал достаточно хорошие регулярные контакты с Великим князем Александром Александровичем – и здесь интересно то, что изданные сейчас «Новым литературным обозрением» его письма, сначала к Великому князю, а потом к Императору Александру III, позволяют представить себе тот интеллектуальный мир, в котором формировался этот русский Государь как консерватор. Через их переписку с Мещерским мы можем представить то, какие идеи для него важны, какие образцы для него были важны. Они регулярно обсуждали Каткова, Муравьёва, периодически – Достоевского. На Александра III было два мощных влияния – Победоносцева и Мещерского. Из их писем можно представить ту палитру, которая вырастет позднее в самое националистическое царствование в истории России. Поэтому, это важно. О Мещерском есть монография Натальи Черниковой «Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский» – наиболее полная его биография. Автор, конечно, в него прямо влюблена, она пытается,

в том числе, очистить его репутацию от тех скандальных историй, которые с ним были связаны, но не очень удачно. Впрочем, нас меньше интересует его личная жизнь, а в большей степени – его общественное влияние. Оно состояло в том, что князь умел привлекать средства, умел издавать газету, умел заниматься пропагандой. Он был несколько желтоватым, но очень талантливым журналистом. В результате этого консервативный фланг, наряду с «Московскими ведомостями» имел ещё одно, достаточно влиятельное издание, в котором тот же Достоевский мог развернуться достаточно хорошо.

На фоне того культур-шока, который Россия испытала на фоне Крымской войны, сформировалась определённая геополитическая и историософская доктрина, философия истории, которая напрямую выходила из славянофильства, но уже была, скажем так, более политически практичной и прагматичной. И эту доктрину сформировал Николай Яковлевич Данилевский. Когда-то, как и Фёдор Михайлович Достоевский, он привлекался по делу петрашевцев, но, в отличие от него очень быстро оправдавшийся и доказавший, что ничего преступного никогда не делал, так что отделался недолгой ссылкой в Вологду. Крупный учёный-естествоиспытатель, ихтиолог, наверное, самый фундаментальный русский консервативный мыслитель, в том смысле, что он занимался как бы не только вопросами политики и цивилизации, но и вопросами эволюции. Ему принадлежит совершенно исключительный труд «Дарвинизм. Критическое исследование». Это огромный серьёзный разбор Дарвина, основательнейший такой компендиум, который, действительно, классическую дарвиновскую теорию эволюции, в общем-то, подрывает безвозвратно. Понятное дело, что биологи той эпохи, Тимирязев и Мечников, всячески это отвергали, хотя, при этом, возразить, по сути, было практически нечего. Им приходилось признавать, что вот, человек как бы образованный, да, аргументы у него серьёзные, но вот вы же понимаете. Зато Данилевский оказал огромное влияние на создателей альтернативной теории биологической эволюции – академика Берга с теорией номогенеза, то есть закономерной и подчиняющейся Провидению эволюции. Она для русской интеллектуальной традиции, несмотря на то, что недостаточно широко известна, очень важна. Её поддерживал Николай Иванович Вавилов, собственные работы которого тоже ложились в концепцию номогенеза. Это такой метагеобиоисторический консерватизм, родоначальником которого, опять-таки, является Данилевский.

Но больше он известен, конечно, как политолог и философ истории. Когда во второй половине 1860-х годов начал выходить его труд «Россия и Европа», первоначально в журнале «Заря», потом отдельным изданием, то это стало настоящей сенсацией. Живший тогда во Флоренции Достоевский жаловался в письмах, что так редко присылают журнал с Данилевским: «Ждёшь, ждёшь – мука нестерпимая. Вы не поверите, какая мука ждать! Нельзя ли, Николай Николаевич, получать и мне в своё время?» Жалуется, что так мало публикуют: «Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения «Зари» (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтёшь две главы и думаешь: целый месяц ещё, а, пожалуй, и 40 дней!». Это книга исторически огромной важности. Почему? Потому что, действительно, в общем и целом, Данилевский сумел некое настроение славянофильства со своим основательным, фундаментальным, политологическим и историософским умом выстроить целостную научную геополитическую историософскую картину. Строилась она на нескольких тезисах.

1-й тезис. Это то, что европейская цивилизация не является единственной универсальной человеческой цивилизацией. Этот тезис опровергал гегельянство и всё, что с этим было связано. Цивилизаций – множество, причём Данилевский предпочитает термин «культурно-исторические типы». Однако термином «цивилизации» пользуется тоже активно. Он приводит список этих цивилизаций, причём, с тех пор, этот список он появляется у других авторов с незначительными вариациями, как у Тойнби. Так что список мировых цивилизаций со времён Данилевского, в общем и целом, остаётся базовым за очень небольшими исключениями.

2-й тезис. Каждая из этих цивилизаций вносит определённый вклад в общечеловеческую и общеисторическую копилку. В этом смысле он сравнивает цивилизации с однолетними растениями, которые дают по-настоящему плод только один раз. Тезис этот, конечно, очень спорный, на мой

взгляд, но, тем не менее, в своё время он оказал важное влияние и, собственно, вся вытекающая из Данилевского историософия – западная как у Шпенглера и <…> у Гумилёва – состоит именно в этом. В совокупности, Данилевский видит определённый прогресс. Что-то приносят вавилоняне, что-то приносят греки, что-то приносят римляне, что-то приносят романо-германцы – но романо-германцы все основные свои плоды уже дали и наступило время славянства, славянской цивилизации, центром которой, соответственно, является Россия, которая, впрочем, в его представлении, шире собственно России.

Дальше у него всякие сложные проекты панславянского устройства, огромное внимание уделено теме борьбы России за Константинополь – собственно, напомню, что эта книга прямо вытекает из опыта Крымской войны и посвящена, собственно, решению вопрос: почему Бисмарк воюет с Данией, отбирает у неё Шлезвиг и Европа против этого не протестует, а если Россия воюет с Турцией и пытается отобрать у неё Константинополь, то Европа против этого протестует, вооружается и идёт против нас крестовым походом? Ответ Данилевского – потому что мы две разные конкурирующие цивилизации и, соответственно, что называется, «никогда мы не будем братьями». Мне этот ответ кажется немного софистичным, потому что Константинополь – это не однопорядковое явление со Шлезвигом, хотя бы потому, что там не действовал принцип народности, никаких постоянно и исконно живущих русских в Константинополе не было. Но именно это Данилевский пытается обойти своим панславизмом, подчеркнув, что мы имеем право на вторжение к османам, потому что там живут славяне. А раз там живут славяне, то и в самом Константинополе наряду с греками много славян, то, соответственно, мы имеем право все свои войска туда ввести и всё это присоединить к себе. В этом смысле, для Данилевского панславизм является таким, что называется, инструментом геополитического взлома этой реальности. Какие это имело последствия, будет сказано чуть дальше, но, важно то, что даже если конкретная геополитика и вот этот панславистский проект не вполне оправдался, то базовая историософская схема противоположности России и Европы в геополитическом и геокультурном, цивилизационном смысле, с тех пор стала, практически, общим местом. Был единственный человек, который против него активно боролся – это Владимир Соловьёв, потому что он был одержим идеей соединить силы российского императора и римского папы, подчинить Россию римо-католицизму. Во имя этого униатского проекта Соловьёв нападал на Данилевского, который его подрывал, потому что в теории Данилевского объединение западного католицизма и Российской Империи абсолютно невозможно. Мы чужие друг другу и живём, практически, на разных планетах, ничего общего быть не может. Соответственно, Соловьёв стал воспринимать Данилевского как врага и не брезговал абсолютно никакой клеветой – что это, якобы, всё убого, всё это вторично и якобы списано у немецкого философа Рюккерта. Соловьёв обвинил Данилевского в плагиате. Тут было очень смешно то, что для этого обвинения он сфальсифицировал текст Рюккерта, фактически приписывая ему цитаты из Данилевского. К середине XX века американский славист Макмастер внимательно исследовал этот вопрос и с текстами в руках доказал, что у Рюккерта общая схема другая, нежели у Данилевского, и используемые Соловьёвым цитаты сознательно сфальсифицированы для компрометации Данилевского. Но на каком-то этапе эта компрометация Соловьёву удалась, хотя, скажем, у Данилевского был страстный защитник в лице одного из крупнейших почвенников, соратников Достоевского, Николая Николаевича Страхова, философа и критика. Он был, пожалуй, самым страстным пропагандистом идей Данилевского, да и сам был очень интересным и оригинальным философом. Его работа «Борьба с Западом в русской литературе» всячески заслуживает внимания.

Данилевский, на самом деле, очень глубокий политолог, с очень хорошим прогностическим чутьём, вплоть до того, что задолго до возникновения реальной Антанты, он предсказал, что антигерманский союз России и Франции будет называться именно Антантой. Он был глубоким экономистом. Издавались отдельные его политические статьи, в РИСИ их издал Михаил Смолин, издательство «Пашков Дом» издало экономические статьи отдельной книгой. Данилевскому посвящён ряд монографий. Очень хорошая работа Б.П. Балуева «Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»», очень основательная и развёрнутая. Есть работа С.М. Бажова «Философия истории Н.Я. Данилевского». У меня также есть о нём статья в «Тетрадях по консерватизму» под

названием «В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский», где я сопоставляю его со взглядами крупного геополитика конца XX – начала XXI веков Вадима Леонидовича Цымбурского. Конечно, по этой моей статье о взглядах Данилевского, в целом, нельзя судить – потому что это, всё-таки, сравнительная статья, к тому же я сосредотачиваюсь на критическом анализе доктрин Цымбурского и Данилевского. Исходя из этой статьи, может создаться более критическое представление о моих взглядах на Данилевского, нежели оно есть на самом деле. А оно у меня глубоко положительное и восторженное. Приезжая в Крым, я всегда, когда могу попасть на его могилу в Форосе, которая оказалась на территории закрытого пионерлагеря, стараюсь прийти, тем более, что туда всё-таки пускают. Я там бывал и регулярно пишу в прессу статьи о том, чтобы с этой могилой ничего не случилось. Также активно борются за это и его потомки. Не могу, помимо этого, не отметить, что есть отдельный выпуск «Тетрадей по консерватизму», посвящённый Данилевскому. Более подробно я о нём пишу в своей книге «Игра в цивилизацию», хотя, конечно, всё равно краткую и нужно бы написать более подробную и развёрнутую статью. В предисловии цивилизационный аспект взглядов Данилевского рассмотрен. Конечно, Данилевский – это очень важная фигура для нашей мысли.

Важнейшим из продолжателей Данилевского оказался Константин Николаевич Леонтьев, тоже человек очень непростой, оригинальный, со своеобразной сумасшедшинкой, категорический критик национализма, именно как слишком европейской концепции. Но, в то же время, один из столпов русской консервативной идеологии, создатель концепции византизма. Она напрямую вытекает из тех тезисов, которые прозвучали в той знаменитой записке Уварова – о том, что русская народность развилась через Православие и Самодержавие, что она стала больше, значительнее и важнее славянства. И вот, Леонтьев, усвоив основной интеллектуальный ход этой уваровской записки и столкнувшись с реальностью русского панславизма 1860-х годов, когда восторгались всеми этими либеральными болгарами, болгарскими революционерами, пытающимися освободиться от турецкого султана, чтобы учредить демократическую республику (в романе Тургенева «Накануне» как раз одним из главных героев показан подобный персонаж – болгарин Дмитрий Никанорович Инсаров, студент Московского университета и сторонник освобождения Болгарии от турецкого гнёта), сам будучи крупным дипломатом – консулом в Османской империи – и человеком, прекрасно знающим Восток, обратившийся там к Православию в момент смертельной болезни, ездивший на Афон и постигший там византийское православие, попытался призвать панславистов проявить какое-то количество политического и цивилизационного реализма. Он говорил о том, что панслависты не знают, что все эти славяне, на самом деле, не мечтают стать русскими, не мечтают соединиться с Россией, они мечтают с нашей помощью учредить у себя маленькие, но гордые бельгии, голландии и дании, даже не германиим и франции, а посредственные европейские государства с унифицированным фраком и унифицированной конституцией. (По этому поводу позже в своём сатирическом произведении болгарский писатель Алеко Константинов написал так: «Помогли бай Ганю сбросить с плеч турецкую бурку, накинули на него бельгийский плащ, – и все признали, что бай Ганю теперь настоящий европеец».) Тогда как Россия – это больше, чем это вот славянство и этот вот примитивный либеральный демократический славизм. И вот здесь, на самом деле, вот в этой формуле, что Россия – это не столько славизм, сколько византизм, взятый через Православие и Самодержавие, причём Самодержавие, укреплённое родовым династическим бытом, поскольку в Византии династическое начало было гораздо менее развито, чем в России, провозглашается, что именно вот это и есть подлинная сила России, это и есть подлинная формула своеобразия русской цивилизации.

И, в общем, здесь, на самом деле, содержится, несмотря на то, что Леонтьев критикует понятие национализма и субъективно отрицает себя как националиста, то, что он объективно является русским националистом, потому что, как вы опять же помните, что национализм – это политический этноцентризм. То есть у Леонтьева политический этноцентризм, безусловно, существует, для него русское – важнее славянского. И раз русское определяется через Православие и Самодержавие, значит, вот эта православная самодержавная русскость – цивилизационная особенность, проявившаяся в русских славян через это, она важнее, чем некое размытое общеплеменное с претензией на региональный космополитизм поле панславизма. Тезис Леонтьева, который никогда нельзя забывать,

который для меня важен – «мы, русские, главные представители Православия во вселенной». Он даёт понятию, которое ввёл Данилевский, о культурно-историческом типе конкретное содержательное культурно-историческое метафизическое наполнение, что мы – культурно-исторический тип, мы особые, как русские, не просто потому, что мы славяне и не романо-германцы, а потому что только нам принадлежит полнота хранения Православия. Причём характерно, что вопреки своему византизму и грекофильству, он отлично понимает, что, конечно, у греков православие тоже, в значительной мере, упадочническое. Просто тогда была такая важная тема, что болгары стремились сепаратистски отсоединиться от Константинополя, в России многие, особенно либералы и тот же Катков, их поддерживали. Леонтьев считал, что греки, конечно, тоже не молодцы, но эти болгары, конечно, совсем уже отстой. Для него это была, конечно, ещё одна степень примитивизации. Но, на самом деле, как бы, конкретно по вопросу отношения к Фанару, в конечном счёте, Катков был гораздо правее, чем Леонтьев, потому что, наблюдая сейчас на то, что делает этот самый Фанар, мы отлично понимаем, что, конечно, если бы он был прихлопнут тогда, то для Православия, в частности, для русского Православия, было бы гораздо лучше. Но общий тезис Леонтьева о том, что русская цивилизация определяется Православием и Самодержавием, как некая конституирующая черта и важна вот эта сформировавшаяся русская особенность, которую нужно углублять во всех чертах.

Для Леонтьева очень характерно эстетическое восприятие действительности и, соответственно, он любит всякое своеобразие, в том числе, русское. И, в этом смысле, он, конечно, подводит идеологическую основу под появление русского стиля, который достаточно ярко начинает проявляться и в архитектуре, и в живописи, и в музыке, и в дизайне, и во многом другом уже в 1860-е – 1870-е годы. А уже при правлении Александра III русский стиль получает официальную поддержку. Вот эта русская эстетическая стилистическая определённость – это то, что Леонтьев категорически приветствовал. Это то, что не очень чувствует Данилевский с его умом естествоиспытателя и политолога. Зато это очень хорошо чувствует Леонтьев как полноценный эстет, и он, соответственно, формулирует программу русской политики – это укрепление этого своего своеобразия и своеобычия политическими средствами. Это гораздо более здоровая программа, чем программа панславизма, которая, наоборот, требовала от русских снижения степени своего своеобразия, чтобы приладиться к чехам и болгарам. В конечном счёте, это дошло до прилаживания к полякам, а не прилаживания поляков к себе. Леонтьев, как критик панславизма, в этом смысле очень важен именно для самоопределения, как русского варианта американской доктрины *America First – Russia First*. Леонтьев очень важен как идеолог исключительности, цивилизационной, культурной и политической. Понятное дело, что для России имеет смысл именно исключительность, а не просто такое своеобразие в ряду маленьких чехий и словакий, где мы отличаемся от тех же словаков только тем, что по-другому называемся. Это особенно нам ни зачем не нужно.

С изучением наследия Леонтьева всё очень просто, поскольку издательство «Владимир Даль» выпускает полное собрание его сочинений. За счёт моды, которая началась на него ещё в 1990-е годы и не проходит по сей день, это один из самых востребованных русских консервативных мыслителей. Соответственно, он издан очень хорошо и предельно полно – письма, художественные произведения и прочее. Единственная проблема в этом то, что новичок с нуля во всём этом разобраться не может. В таком случае, проще всего, ориентироваться на сборник «Восток, Россия и Славянство», изданный в конце 1990-х в издательстве «Республика», где собрано всё, что на английском называется *eccentional*. Можно просто читать его подряд. Начать можно вообще с «Византизма и славянства» и дальше уже двигаться по этому сборнику. Всё леонтьевоведение я порекомендовать не смогу, поэтому порекомендую монографию «Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850 – 1874 гг.» воронежца С.В. Хатунцева. Это история того, как Леонтьев стал Леонтьевым, как из общечеловеческого либерала он превратился в того консервативного идеолога, которого мы знаем. Есть такая очень утончённая и интеллектуально насыщенная, сложная для чтения, но очень важная монография О. Л. Фетисенко ««Гептастилисты». Константин Леонтьев, его собеседники и ученики». Можно представить себе ту внутреннюю, очень тоже хитрозакрученную доктрину, которая доминировала во внутреннем леонтьевском круге. При изучении национализма и консерватизма очень важно никогда не путать двух вещей. Первое – общий идеологический банк, который развивают

разные мыслители. Второе – индивидуальные пунктики и бзики. Очень часто многие исследователи сосредотачиваются на втором, на неких слабостях построений тех или иных авторов, на высказанных ими не совсем всегда корректных суждениях, на каких-то индивидуальных сумасшествиях – но таковые вообще есть у каждого. Но если сосредотачиваться на них, то целостность изучаемого нами предмета просто-напросто распадётся. Важно, всё-таки, первостепенное внимание уделять именно пополнению ценностного интеллектуального банка. Также, конечно отмечу, что у меня о Леонтьеве есть текст в книге «Добрые русские люди».

Ещё имеет смысл обратить внимание на одного из видных оппонентов Леонтьева – Петра Евгеньевича Астафьева, философа и публициста. Философ он весьма крупный, яркий и талантливый. Дело в том, что он, как раз выступил в качестве апологета классического национализма против этой вот леонтьевской критики и его нападок на то, что национализм – это признак «среднего европейца» и «как орудие всемирного разрушения». И вот Астафьев защищал классическую философию нации как своеобразной группировки человечества и её политическое значение. У Михаила Смолина издан сборник его работ «Философия нации и единство мировоззрения». Можно вспомнить также ещё ряд русских консерваторов этого периода – эпохи Александра II. Например, достаточно близкого к Леонтьеву человека – Тертия Ивановича Филиппова, ревностного защитника старообрядцев, собирателя русских народных песен, вплоть до того, что, когда он стал государственным контролёром при Александре III, то составил хор из своих сотрудников, которые эти самые песни исполняли. Он был также последовательный защитник византийского православного идеала. Его сочинения были изданы в серии Олега Платонова. Филиппов, конечно, не очень крупная величина на небе русского консерватизма, но, тем не менее, достаточно крупная, чтобы его знать. Ещё одна заметная величина – генерал от кавалерии Александр Алексеевич Киреев, такой систематизатор славянофильства, тоже крупный панславист, носитель такой достаточно оригинальной идеи, что нудно привлечь к Православию старокатоликов, с которыми он очень долго возился, вёл с ними диалог, который, в итоге, так ни к чему и не привёл. Он удивительным образом, будучи консервативным славянофилом, был долгие десятилетия адъютантом Великого князя Константина Николаевича. Крупный вклад Киреева состоял в том, что они систематизировал славянофильскую доктрину. Опять же в этой платоновской серии есть томик Киреева, который начинается с изложения славянофильской доктрины как некоего целого. О нём вышла книга Максима Медоварова в серии «Мыслители прошлого», где можно подробнее со взглядами Киреева ознакомиться. Ещё один оригинальный консервативный мыслитель этой эпохи – генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев. Это такой настоящий имперец, настоящий имперский, колониального такого типа деятель, воевавший на Кавказе, пытавшийся в своё время отстроить армию египетского хедива, выдернув её из-под англичан, с тем, чтобы в случае войны использовать египетскую армию против турок на подмогу России. Он активно ездил на Балканы, как и генерал Черняев, который командовал сербской армией, он также принимал участие в войне с турками, будучи советником в черногорской армии. Такой, можно сказать. В хорошем смысле слова, международный славянофильский авантюрист, очень яркая и колоритная личность. Он тоже составил такую значимую политическую программу, которая основана была на идее укрепления русского дворянства, как того политического правительственного слоя, на который должна опираться русская цивилизация и русская государственность. Эта программа вызвала просто яростные протесты со стороны Юрия Самарина, да и вообще большинство деятелей этого поколения были антиэлитистами – Самарин и Аксаков со своей стороны, Катков – со своей, они все выступали за такое национально-гражданское равноправие, хотя Катков, конечно, некоторые там гражданские проекты поддерживал, но уже из такой чисто охранительной логики, а не потому что в это прямо искренне верил. Элитистов было абсолютное меньшинство, среди них – Леонтьев и Фадеев. Но, тем не менее, в царствование Александра III эти идеи укрепления дворянства как опорного политического базиса для Империи оказались до некоторой степени востребованы – все эти темы с земскими начальниками, в значительной степени, вытекали, в значительной степени, из оригинальной концепции фадеевских воззрений. Хотя того эффекта, на который рассчитывали, они не дали. Отмечу, что его книга «Шестьдесят лет Кавказской войны» была переиздана в оригинальной русской старой орфографии издательством «Чёрная сотня».

Той нотой, на которой закончилась история русского консерватизма периода царствования Александра II, было, прежде всего, то, что славянофильский, панславистский проект получил безоговорочный успех. При помощи цепочки славянских восстаний на Балканах Османскую империю удалось взломать. Славянские комитеты сначала отправляли туда добровольцев, скажем, того же Черняева, возглавившего сербскую армию. Затем уже, не имея никакой возможности сопротивляться дальше общественному мнению, Александр II объявил весной 1877 года войну Турции. В ходе неё прославился «белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев, ставший таким, что называется, «поп-идолом» для всей русской нации. Сначала он прославился в ходе завоевания Туркестана, а уже потом во время русско-турецкой войны. Скобелев тоже важен, несмотря на то, что никаким идеологом он не был. Тем не менее, он последовательно придерживался таких славянофильских, очень националистических и при этом очень антигерманских настроений. Именно он пустил в оборот фразу «Россия для русских!» Собственно, свою огромную роль в истории русского национализма и как создатель определённой формулы, и как такой вот сгусток энергии, «поп-звезда» Скобелев, вне сомнения, сыграл. В ходе войны, однако, весь этот взлом через славян принёс удивительно неутешительные результаты. Данилевский был ещё жив и сам в своих политических статьях периода этой войны вынужден был признать, что результат получился не очень утешительным. Россия опять столкнулась с враждебностью всей Европы – Британии и Австро-Венгрии, в меньшей степени Франции, потому что она была очень сильно растрёпана франко-прусской войной, и бисмарковской Пруссии, которую долго поддерживали затем, чтобы отомстить Австрии и сковырнуть ненавистного после Крымской войны Наполеона III. Но, в итоге, Бисмарк, как только представилась возможность, Россию не то чтобы предал, но, в значительной степени, помог восторжествовать её противникам. В результате вместо первоначального Сан-Стефанского мирного договора, достаточно выгодного для России, и для поддерживаемых ею славянских союзников, был заключён Берлинский трактат, про который канцлер Горчаков написал, что это «самая чёрная страница в моей служебной карьере», на что Александр II приписал на полях резолюцию: «и в моей тоже». Больше всего, конечно, была обрезана Болгария, на которую в панславистском проекте была сделана основная ставка, что это будет такой, фактически, таран России на пути к Константинополю. От неё оставили где-то около трети. Потом, конечно, Болгария получила ещё треть – Восточную Румелию (объявленную ранее турецкой автономией), но только эта треть Болгария получила в награду за отход от России при воцарении династии Баттенбергов. В общем, действительно, выяснилось, что панславистский проект, конечно, даёт определённый эффект в качестве инструмента взлома Османской империи, но только этот взлом оказывается опять же путём в никуда, потому что взять Константинополь России так и не удаётся.

Почему Бисмарк себя так предательски повёл? Своя версия была у крупнейшего русского стратегического военного мыслителя Александра Андреевича Свечина. Они считал, что на Бисмарка самым непосредственным образом повлиял результат процесса Веры Засулич, которая типа из мести за высеченного студента, стреляла в санкт-петербургского губернатора Трепова. Её дело было отдано на рассмотрение суда присяжных, потому что её вина была очевидна – выстрел был произведён в упор. Тем не менее, искусно манипулируемые либеральным юристом Кони присяжные Засулич безусловно оправдали. Свечин в своей книге «Стратегия» пишет: «Бисмарк на Берлинском конгрессе первый учёл этот признак слабости России, который выделялся тем ярче, что лорд Биконсфильд, представлявший противную сторону <…> Вытекавшая из оправдания Веры Засулич внутренняя слабость России явилась последним толчком, принудившим Бисмарка отказаться от безусловной поддержки России, и заставила русских уступить Англии по важнейшим вопросам». То есть Россия, только что выигравшая войну с Турцией, абсолютно слаба, внутренне нестабильна, всё ненадёжно и непрочно, неизвестно, что будет происходить, если уж там террористов оправдывают по суду. А значит с Россией можно делать всё, что угодно. Фактически, весь мир увидел, что российское самодержавие предано со стороны своего же собственного российского общества. В этом смысле, сразу же после войны процесс Засулич был чудовищным симптомом и сигналом того, что страна крайне неблагополучна – и это действительно оказалось так.

Сразу же после окончания войны, в стране вспыхивает волна массового антигосударственного террора. Здесь, конечно, очень интересный вопрос, какие за этим стояли международные силы,

которые, что называется, «оплачивали банкет». Ведь, как мы понимаем, ни с того, ни с сего волна массового терроризма, которого до этого, всё-таки, не было, а тут, что называется летят бомбы в царя одна за другой. Он, в принципе, не может не быть кем-то оплачен. То есть, без планов таких «концертов» всё-таки не бывает. А здесь начинается самая настоящая охота на Александра II, которая длилась три года и использовалась, в свою очередь, либералами для вышибания из Императора конституции. В какой-то момент, он назначил каким-то полудиктатором генерала графа Лорис-Меликова, который повёл дело именно к конституционализации России. Здесь важную достаточно роль для того, чтобы предупредить страну о том, что наступает, сыграл помощник Каткова Николай Алексеевич Любимов, написавший просто изумительные антиреволюционные очерки «Против течения» для «Русского Вестника». Чему они были посвящены? Не текущему положению в России, а Французской революции, точнее, годам, которые ей предшествовали. Это, в общем, один из самых замечательных памятников русского консерватизма. Я думаю, что, всё-таки, мы однажды их увидим переизданными, потому что они заслуживают самого пристального внимания. Мы опять попадём в струю, когда эти тексты будут актуальны, довольно скоро. О чём писал Любимов? О том, что нет ничего более опасного и революционизирующего государство, чем такое стремление власти к диалогу под этим совместным революционно-либеральным давлением. До тех пор, пока французская монархия оставалась таким жёстким деспотизмом, ничто её сковырнуть с места не могло. Как только Людовик XVI, что называется, усиленно повёл диалог и начал заигрывать с тогдашней просвещенчески-революционной общественностью, тут же события стремительно покатились под откос. Это вызвало большое недовольство Ивана Аксакова, который написал целую специальную протестующую статью – нет, вы опять запугиваете правительство, вы его толкаете к жёсткости, а между тем, нужно, прежде всего, указать правительству на те здоровые народные силы, к которым можно обратиться. Но, как подтвердили события 1881 года, а потом и события 1905 года, и события 1915 – 1917 годов, и события 1989 – 1991 годов – действительно, эта диалоговая слабость правительства оказывается катастрофической для страны, что каждая попытка опереться на «здоровую общественную силу» оказывается опорой на весьма нездоровую. Особенно характерны в этом плане 1915 – 1916 годы, когда правительство попыталось навести мосты со всем этим Земгором, военно-промышленными комитетами и Прогрессивным блоком, то есть, опереться на те самые «народные силы» и «здоровую общественность». Закончилось это всё тем, что данная «народная сила» всё подорвала. В этом смысле, в плане практической политики, конечно, эта охранительная паранойя катковского круга, бывшая, в том числе, и у него самого, она, на самом деле, оказывается гораздо больше политически практичной, чем весь этот славянофильский энтузиазм по поводу «народных сил», потому что народные силы как-то оказываются не у дел и не в то время и ни в том месте, где надо. Потом Любимов по следам «Против течения» выпустил книгу «Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1787 – 1790)», которая тоже заслуживает внимания.

Печальный финал этого этапа всем хорошо известен. Это цареубийство 1 марта 1881 года, в результате которого погиб Александр II, как раз накануне дарования конституции. В этом смысле это, может быть, было даже промыслительно, потому что, вполне возможно, что эта конституция привела бы ещё к чему-то худшему, чем то, что случилось в действительности. Хотя, конечно, трудно себе представить что-то худшее, чем то, что случилось в 1917 году. Но, скажем, нет никакой гарантии, что некий условный 1917-й год в реальности бы не случился.

***

Соответственно, с исчезновением с политической сцены Александра II и приходом Александра III начинается новый этап такого беспримесного консерватизма и русского национализма у власти. Александр Александрович, фактически, все последние годы царствования своего отца был, по сути, лидером национально-консервативной оппозиции, причём, не столько даже Императору, сколько сформировавшемуся вокруг него окружению, в котором большую роль играла княжна Екатерина Долгорукая, она же княгиня Юрьевская, морганатическая супруга Александра II. Сначала у них была длившаяся много лет связь, ещё при жизни Императрицы Марии Александровны, которой это доставляло очень много страданий, а также их детям, особенно Александру Александровичу и Сергею

Александровичу, одному из видных практических деятелей русского консерватизма. Великий князь Сергей был вообще довольно важной фигурой для этого движения, очень значимой для консервативного лагеря и погиб мученической смертью от бомбы террориста Каляева. Александр Александрович как Наследник был таким сосредоточением надежд и идеологии русской партии против космополитически-коррупционной партии, представленной княгиней Юрьевской, вокруг которой крутились братья Абаза, Лорис-Меликов и другие. Помимо того, что это были либеральные бюрократы, они ещё были страшные коррупционеры, которым со всего этого очень немало перепадало. Отношения были весьма и весьма напряжённые. Непонятно, во что бы они разрешились, если бы не гибель Александра II от рук террористов.

Но Александр III пришёл к власти с определённой идеологической установкой и программой, совершенно антилиберальной по своему духу, контрреформаторской, выраженно славянофильской, националистической, выраженно народнической. В этом смысле у него, как положено Самодержцу, который умеет сочетать <*нрзб*>, с одной стороны, он последовательно проводил ставку на дворянство, но с другой, при этом идеологически был консервативным народником, даже, пожалуй, в ещё большей степени, чем славянофилы. Известная картина Ильи Репина «Приём волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» прямо выражает конкретно эту идеологию Государя. Народ, причём именно простой народ – крестьяне, окружают на ней Царя такой защитной стеной. Получается этакая ротонда из крестьянских спин. При этом сам Царь в форме, которая была введена именно им, причём уже в самом начале царствования, тоже похож, скажем, не на евро-офицера предыдущих эпох, а на такого, что называется, домовитого казака – барашковая шапка, шаровары, сапоги. Даже форма его эпохи она такая подчёркнуто народно-казачья. На заднем фоне можно увидеть наследника Николая Александровича в такой же шапке. То, что Иван Аксаков говорил: «Наша знамя – русская народность!», в эпоху Александра III было самой основой государственной политики, подробнее об этом я пишу в историческом портрете Императора, опубликованном в журнале «Историк» в марте 2020 года – в статье «Венценосный славянофил», которая также была мной включена в книгу «Добрые русские люди». В ней я все основные аспекты постарался кратко проговорить. Это эпоха, когда доминирует абсолютно идеология «Россия для русских!» Интересно, что сам Александра III, по крайней мере, по зафиксированным источникам, никогда этой формулировки не употреблял, но, как доказал А.А. Иванов в замечательной совершенно книге «Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли», несомненно его политика ассоциировалась в от с этим принципом и, несомненно, он думал именно это. Нет никаких сомнений в том, что Александр III должен ассоциироваться с этой политикой и никак иначе.

Эта политика выражала себя и в доминировании русского стиля, который очень последовательно сразу начал проводиться во всех областях, и в интенсификации русификационных мероприятий на всех направлениях, в частности, такое очень конкретное наступление на тех же самых остзейцев в Прибалтике, тем более, что к этому моменту в целом началась государственная антинемецкая политика. Здесь программа Самарина была реализована в полной мере, вплоть до того, что был переведён на русский язык Дерптский, он же Юрьевский, университет, который теперь называется смешным и безобразным Тартусским. Из цитадели немецкого образования в Прибалтике он стал цитаделью русского образования. Между прочим, эта интеграция немцев оказалась достаточно успешной. Нельзя сказать, что немцы в годы Первой мировой войны были как-то Российской Империи не лояльны. Наоборот, генералы немецкого происхождения очень хорошо били немцев, не хуже славян, а иногда и лучше. Философы немецкого происхождения выступали идеологами немецкого славянофильства. Русификация на немецком направлении себя оправдала. Продлись всё это ещё больше – она и на польском бы себя оправдала. Политика Александра III была фактическим осуществлением той идеологии, которую провозглашали славянофилы, и была какой-то попыткой между собой примирить.

При этом внутренняя политика была, конечно, очень непростой, в том смысле, что правительство никак не могло понять, на что опереться. С одной стороны, началась политика опоры на дворянство – политика «контрреформ», укрепление дворянства, введение института земских начальников. Был

такой деятель Алексей Пазухин, который был автором идеи этого института и очень активно за это агитировал, Катков это по мере сил поддерживал, при том, что нельзя сказать, что он был фанатичным сторонником дворянства. Победоносцев не очень поддерживал, поскольку у него была другая идея. Константин Петрович Победоносцев был одной из крупнейших идеологических фигур русского консерватизма. Мода на него началась одной из первых, его очень рано начали переиздавать, его начали восхвалять хотя бы назло советской пропаганде и назло блоку с его «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла». Крупный юрист, один из советников Александра III, обер-прокурор, назначенный ещё Александром II, он влиял на идеологию царствования очень серьёзно. Но у Победоносцева эта его идеологическое влияние было достаточно, на мой взгляд, проблематичным. Как раз именно оно составляло не что-то однозначно положительное в александровском царствовании. Постараюсь объяснить, почему. Дело в том, что сама исходная философия Победоносцева была очень специфической. Дело не в том, что он был крайним консерватором, не в том, что он ни в какие народные сил не верил, ни в какой славянофильский Земский собор. Александр III начал своё правление с того, что назначил министром внутренних дел славянофила графа Игнатьева, человека, заключившего Сан-Стефанский мирный договор. И тот, в качестве меры успокоения, начал, в числе прочего, предлагать созыв Земского собора – то есть, реализацию парламентского проекта, но только в славянофильском дизайне. Победоносцев очень серьёзно способствовал тому, чтобы Игнатьеву дали отставку, поскольку он был против любых конституций вообще, так как считал, не без оснований, что вся эта наша общественность, окрести её парламентом или Земским собором, курултаем или как-то ещё, ничего, кроме гадостей из этого она не усвоит. Но если бы Победоносцев был бы просто охранителем, охранителем-скептиком, это было бы, на самом деле, полбеды и даже было бы хорошо. К сожалению, он тоже был на свой лад консервативным романтиком. Особенностью его взглядов было то, что он отчаянно исповедовал простую, искреннюю веру в простого мужика. Он считал, что народ интуитивно знает истину, интуитивно придерживается верных воззрений, что он ничего не смыслит в Литургии и церковных молитвах, но, тем не менее, как-то подсознательно усваивает дух верности Православию и Самодержавию, и вот это – та опора, которую ни в коем случае нельзя тревожить. Соответственно, худшее, что можно сделать – это перегрузить народ излишним количеством образования и критического мышления, потому что тогда, соответственно, народ начнёт бунтовать, в нём рухнет этот естественный монархизм, рухнет в нём это интуитивное православие.

Соответственно, Победоносцев, влияя на гуманитарную образовательную политику Российской Империи при Александре III, сделал так, что это образование давалось самым элементарным способом. Фактически, это был уровень немного превышавший церковно-приходскую школу с такой простой незамысловатостью, хотя, конечно, образование очень расширилось. Его идеологом и практическим деятелем был совершенно замечательный человек, учитель Сергей Александрович Рачинский. Многие, конечно, помнят картину Николая Богданова-Бельского «Устный счёт. В народной школе С. А. Рачинского», которая выражает основу победоносцевской идеологии – простые крестьянские мальчики изучают то, что им практически нужно, на стене висит икона Божьей Матери Васнецова. Советские училки любили рассказывать, что мальчик, который шепчет на ухо, это как бы стукач, который чего-то там доносит, что, конечно, абсолютная лажа и бред – на самом деле он, конечно же, говорит правильный ответ учителю с тем, чтобы остальные не слышали и ещё думали. На доске пример. Я даже как-то поинтересовался, как он решается – оказывается, всё просто: $10^2 + 11^2 + 12^2 = 365$ и $13^2 + 14^2 = 365$. То есть, 365 + 365 разделить на 365 – будет 2. То есть, на доске дробью записана всего лишь цифра 2. Вот эта идеология народной школы Рачинского распространялась Победоносцевым очень и очень активно, потому что считалось, что именно вот этот тип школы в наилучшей степени содействует сохранению вот этой нужной для защиты Православия и Самодержавия интеллектуальной незамысловатости народа. В этом была своя сермяжная правда, после того, как к среднему и даже к высшему образованию допустили разночинцев в эпоху Александра II, они там начали создавать подрывные кружки и кидать бомбы. Но, в целом, ставка на удержание крестьян в естественном состоянии, что выражалось также в поддержке общины, которую, по мнению Победоносцева, ни в коем случае нельзя было трогать, была самообманом. Прежде всего, самообманом интеллектуальным – это была такая очень упрощённая версия консервативного руссоизма, который идёт от де Местра с его идеей, что естественное догреховное состояние правильно,

а дальше начинается упадок. Оно имеет происхождение от французского социолога Фредерика Ле Пле, ориентированного на де Местра и создал целую социологию естественности и природности исторических начал. И вот этой концепции придерживался, развивал и внедрял Победоносцев. Об этом я пишу в моей статье «Добрый дикарь на ледяном ветру. Парадоксы консервативного руссоизма в французской и русской мысли», опубликованной в «Тетрадях по консерватизму». Победоносцев, распространяя всю эту идеологию, не осознал, что на самом деле те «природные» начала, которые есть в русском народе, они как раз природными не являются. Являясь историческими, они естественным ходом времени подтачиваются. Соответственно, колоссальным крахом всей этой ставки на простого мужика стали события 1905 года, когда всюду начали гореть помещичьи усадьбы, и радостные адвокаты в Петербурге начали этой называть «иллюминацией». Выяснилось, что на самом деле никакого «природного монархизма», природного православия, природной приверженности к начальству, у русского мужика нет. Поэтому дальше Столыпин попытался сделать следующее – быстро перевести этого мужика на новые рельсы с тем, чтобы он противостоял новым революционным тенденциям уже из соображений сознательного уверенного в себе частного собственника, потому что если в общину уже проникала революционная пропаганда, то именно через неё она его облучала гораздо быстрее. Просто народовольцы со своим «хождением в народ» чуть поторопились. Всё то же самое на рубеже XIX – XX веков, в том числе, в силу неизбежной закономерности токвилевского космоса, уже работало и разрушало эту русскую общину, которая никак уже не могла быть опорой монархии. То есть, в этом смысле, вот эта победоносцевская ставка на простого русского мужика оказалась совершенно ложным путём и, в результате, те два десятилетия, которые можно было потратить на то, чтобы вырастить уже монархически настроенного кулака, который взял бы ружьё, сел бы в пролётку и весь это комбед, в случае необходимости, разогнал, эти два десятилетия были очень серьёзно упущены. И в этом, конечно, огромная ответственность Победоносцева.

Победоносцев, несмотря на то, что его у нас издают достаточно много, при этом издан не очень хорошо, в том смысле, что обычно переиздают одни и те же его произведения, прежде всего «Московский сборник». Только серия «Русские государственные мыслители» в этом плане сильно выделяется – у них там собраны все его основные сочинения разных периодов. Но ещё отдельно большое значение имеют его письма, которые тоже периодически издаются. Из работ о Победоносцеве я рекомендую, прежде всего, книги Александра Полунова – в частности, биографию в ЖЗЛ, также есть более ранние его монографии. У ЖЗЛ-овской биографии совершенно превосходное качество, это, действительно, очень хороший, очень вдумчивый, многоаспектный анализ разных аспектов победоносцевской политики – а в ней также были и серьёзные репрессии против старообрядчества, длившиеся до 1905 года. Возможно, не будь этих репрессий, то старообрядцев удалось бы с их, в общем и целом, традиционным и традиционалистским, естественно предполагающим славянофильские установки, сознанием, интегрировать в Империю так, чтобы из их среды никакие подрывные элементы и их спонсоры не выходили. В этом смысле, опять же, тоже деятельность Победоносцева на этом направлении была не слишком хороша. Если нужна краткая характеристика, то у меня есть статья в журнале «Свой» под названием «Господин обер-консерватор», которая также вошла в книгу «Добрые русские люди». В ней, в отличии от большой статьи, я сосредотачиваюсь не на его идеологической критике, а на вообще историческом портретировании, потому что при объективно недостаточно удачных последствиях политики Победоносцева, несомненно, вдохновлялся он при этом последовательным русским консерватизмом в его лучшем виде.

Своеобразным внутренним оппонентом Победоносцева, но не фактическим, а именно системно-позиционным, ментальным, был Дмитрий Иванович Менделеев, который вместе с Сергеем Юльевичем Витте стоял у основ идеологии русского индустриализма. Они исходили из того, что единственный способ выиграть в международной конкуренции и укрепить величие России и русских – последовательное развитие индустрии, последовательная индустриализация страны, последовательное развитие промышленных и производительных сил. Это было следование доктрине великого немецкого экономиста Фридриха Листа вместо ориентации на Адама Смита с его свободной торговлей, выгодной только англичанам, и вместо безумного марксизма. Русское листианство, конечно, сыграло решающую роль в той индустриализации, которую провели Александр III и Николай

II. Совершенно неправильно говорить об «индустриализации Витте», он, конечно, был крупным, хотя, впоследствии, ещё и довольно неоднозначным, персонажем, но изначально он был только советником, так что это была именно, прежде всего, индустриализация Александра III. Действительно, и Витте, и Менделеев сыграли очень крупную роль в формировании этой индустриалистской идеологии. Менделеев, при этом, был последовательным русским националистом, о чём говорит наглядная цитата: «Национализм, по мне, столь естественен, что никогда, ни при каких порядках, «интернационалистами» желаемых, не угаснет, но, во-первых, на всё, думается мне, придёт своё подходящее время, а теперь оно уже никак не за крайности национализма; во-вторых, малым народцам уже практически необходимо согласится навсегда с большими, так как в будущем прочно лишь большое и сильное; в-третьих, разбредшиеся народы, вроде цыган и евреев, без всякой земли и государственности, не могут даже и входить в счёт; и в-четвёртых, национализму необходимо более всего принять начало терпимости, то есть отречься от всякой кичливости, в которой явная бездна зла, а потому в этих рода делах практичнее всего терпеливо ждать течения свершающегося. Тем не мене, государственное единство прежде и больше всего определяется господствующей народностью, которая выражается яснее всего в принадлежащем ей языке» («К познанию России», 1906). Это был национализм последовательного русификаторски-ассимиляционистского типа. И как раз индустриализация, в этом смысле, должна была бы стать дополнительным рычагом русификации. Если бы русификация велась бы одновременно с появлением школы индустриального типа, которая была бы ориентирована на русские идеалы, то, конечно, это имело бы очень серьёзные и положительные последствия. Менделеева издавали даже в советские времена в качестве экономиста, хотя старались его монархизм и национализм сгладить. Вышел его сборник «Проблемы экономического развития России». Сейчас, постоянно, в самых разных, вплоть до весьма гламурных, изданиях переиздаётся его работа «К познанию России. Заветные мысли», особенно все очень любят его расчёты, что в России жило бы 500 миллионов человек. Этот расчёт. Конечно, был не совсем точный, в том смысле, что он уже, отчасти, учитывал начинающийся первый демографический переход, но не учитывал предстоящего второго демографического перехода, связанного с тем, что гедонистические мотивации будут выходить на первый план, а также и тот момент, что будет снижаться детская смертность, что вместе будет вести к падению рождаемости. Но, тем не менее, совершенно очевидно, что того чудовищного демографического краха России, который произойдёт в XX веке, Менделеев, конечно, предсказать не мог, поскольку он работал в прямо противоположную сторону и с прямо противоположными интересами. Он ратовал активно за индустриализацию Урала и Донбасса, развитие нефтяной промышленности, которая была очень мощной и влиятельной в России, так что, собственно, один из главных мотивов английской русофобии в Индии, которую представляли лорд Керзон и Киплинг, был в том, что русские сейчас приведут сюда свои нефтепроводы и с их помощью нас завоюют.

Своеобразным оппонентом Менделеева и индустриалистской теории, хотя его деятельность относится уже к периоду царствования Николая II, являлся Сергей Фёдорович Шарапов. С одной стороны, тоже такой крайний утопист, написавший книгу о прекрасной Российской Империи в 1950 году, такой последовательный славянофил-общинник, критик Столыпина и его политики, довольно последовательный. При всём при этом он очень интересен, тем, что, фактически, когда его называют «русским Кейнсом», это не так уж и несправедливо. Он был категорическим противником политики «золотого стандарта», которую проводил Витте, политики интеграции в международную финансово-ростовщическую систему и считал необходимым финансирование экономики за счёт расширения эмиссии бумажного рубля. Фактически он предложил ту схему, которую впоследствии предложит Кейнс, и которая станет для экономического развития Запада в XX веке практически основной. Это кейнсианство вполне могло быть шараповством и осуществляться со славянофильских, изоляционистских, националистических русских позиций. Хотя бы по этой причине Шарапов заслуживает всяческого внимания и интереса. «Сегодняшние капиталисты привозят с собой не столько технологическую культуру, сколько мировоззренческую, что, несомненно, угрожает самобытности русского народа», считал Сергей Фёдорович. Также стоит отметить, что он был автором монархической утопии «Диктатор», в которой повествовалось о том, что Царь назначает на должность диктатора генерала Иванова и тот побеждает всех террористов и наводит порядок. Позже это будет

свои последствия во время февральского переворота, когда Государь отправит для подавления мятежа в столице генерала от артиллерии Николая Иванова, однако у него ничего так и не выйдет.

Крупнейшей фигурой этого периода, начавший как раз в александровское царствование и продолживший уже в николаевское, стал такой парадокс российской жизни – один из цареубийц, Лев Александрович Тихомиров. Он непосредственного участия в убийстве Александра II не принимал, но после этого составил такой народовольческий манифест, где выдвигались основные требования. И по-хорошему я думаю, что если бы его удалось тогда поймать, то, скорее всего, он оказался бы на виселице вместе с остальными. Но он успел уехать за границу, где с ним произошёл, в первую очередь, такой в ещё более углублённом виде эффект Герцена – Герцен, как известно, в либеральном Западе в какой-то момент разочаровался и стал придерживаться таких антизападных, немножко славянофильских воззрений, впрочем, меньшей скотиной от этого он не стал. Тихомиров также стал в этом радикальном и либеральном Западе разочаровываться. С другой стороны, очень эффективно действовавшая тайная охранная служба, направленная на наказание и подавление революционеров, возникшая в первые годы царствования Александра III, «Священная Дружина», одним из активных организаторов которой был упоминавшийся ранее генерал Фадеев, установила наблюдение за Тихомировым – видимо, первоначально для того, чтобы его ликвидировать или же добиться его выдачи. Но, через какое-то время, они очень тонко уловили, что с ним происходит что-то не то, поэтому начали на него психологически воздействовать самыми разными методами, от заманивания до запугивания. И, в какой-то момент, что называется, свершилось чудо – один из цареубийц попросил помилования у Александра III и вернулся в Россию. Что характерно, это помилование было ему даровано – Александр III, был вообще, что называется, сторонником привлечения всех таких народных сил, недавно ещё оппозиционных, на свою сторону. Характерно, что такое исходно абсолютно революционно-демократическое течение в живописи как передвижники, он, при помощи заказов и постоянного диалога перетащил на свою сторону. Царь им весьма симпатизировал, потому что они были близки его народническому духу, просто он попытался сделать этот дух более консервативным. Тихомиров, с этой точки зрения, ему тоже очень хорошо подошёл. Лев Александрович вернулся в Россию, где довольно скоро превратился в одного из ведущих, а потом и просто ведущего публициста, а затем и главного редактора катковских «Московских ведомостей». Тихомиров становится крупнейшим консервативным, монархическим и национальным идеологом. Есть биография Тихомирова, написанная исследователями Александром Репниковым и Олегом Милевским под названием «Две жизни Льва Тихомирова», посвящённая его непростой и увлекательной жизни.

Первые произведения Тихомирова, которые в своё время Михаил Борисович Смолин издал в сборнике «Критика демократии». Они связаны, прежде всего, с критикой революционного радикализма, а потом и либерализма. Это действительно очень глубокие работы, которые вскрывают внутренние противоречия социалистической и либеральной идеологий. Затем уже, в начале XX века Тихомиров создаёт какое-то количество первоклассных социально-философских работ, из которых мне особенно хотелось бы выделить «О свободе. Личность, общество и Церковь». Это, фактически, одно из самых лучших в русской и европейской консервативной мысли построение понятия свободы и понятия общества как взаимной поддержки. Если либеральное понятие свободы – это понятие отрицательное, то есть как свободы от чего-то, то положительное понятие свободы, то есть свободы для чего-то, оно разработано, на самом деле, в мировой политической мысли очень слабо и, как правило, это делают представители социализма и у них получается, что это свобода для партии и правительства. Единственный, кто на Западе этому немножко противостоит это коммунитаристы, но тоже как-то достаточно слабо. Тихомиров создал на церковной, на славянофильской основе последовательную теорию свободы для чего-то – свободы для осуществления высших нравственных и религиозных идей и ценностей. Поэтому на меня вот эти работы оказали даже большее влияние, чем его наиболее известная работа «Монархическая государственность». Это уникальный политико-философский труд, который даёт чёткое обоснование того, что такое монархия – власть нравственного начала, осуществлённого через его конкретное живое выражение в личности человека. В то время, как демократия – власть арифметического большинства и никуда от этого не деться, в чём мы, собственно, убедились на примере торжества Демократической партии в США. Конечно, они себе это

арифметическое большинство в нужных штатах нарисовали, но в масштабах всей страны эта власть поголовья была осуществлена наглядно. И при этом мы убеждаемся в том, что эта власть направлена против неких базовых ценностей, которые цивилизацию создают. В этом смысле, при всех положительных сторонах демократии, связанных с защитой прав, на самом деле, являющихся положительными сторонами правового государства, а не демократии как таковой, потому что, когда народ демократически отменяет право, то чаще всего из этого ничего хорошего не выходит, в чём все убедились в эпоху казни Сократа. Аристократический принцип у Тихомирова – это принцип власти качественной силы, тогда как демократия является властью количественной силы. По крайней мере Тихомиров, при том, что сам, в общем, не будучи сторонником аристократического течения, он, по крайней мере, поставил его на своё законное место.

Выше всего он ставил монархию как власть нравственной личностной силы, которая непосредственно религиозно связана с Богом. То есть, в идеале, православная монархия – это власть богопросвещённой личности. Хотя в русских условиях это ещё и власть богопросвещённой личности которая, всё-таки, опирается на определённую династическую традицию, потому что у русской монархии есть определённое своеобразие, что опять же подчёркивает Тихомиров, сравнивая опять же с Римской империей, с Византийской империей. В Римской власть монарха – это власть диктатора, причём, практически, не династического. В Византии династический принцип иногда наблюдался, но тоже был выражен недостаточно. Поэтому, когда сейчас выходят книги типа «Византийская республика», то в этом тоже есть своя правда. Но там последовательно проведён принцип богопросвещённости в согласии с Церковью. В России к этому добавляется ещё династический принцип, который, фактически, означает связанность с родовыми корнями. Это то, на что обратил внимание ещё Константин Леонтьев. И это то, что исходно проводилось ещё в пресловутом принципе местничества, который был, своего рода, верификацией того, что в этом роду принято правильно выращивать правильных людей. В общем, с тех пор, как в России династический принцип соблюдался достаточно строго после павловского закона о престолонаследии, качество императорского управления в России действительно было достаточно высоким. Но, при этом, с другой стороны, очень серьёзно ослабела нравственная и политическая вменяемость общества. Тихомиров опять же говорит об обществе, о необходимости мобилизации этих общественных сил с тем, чтобы правительство опиралось не только на бюрократию. Стоит отметить, что он консультировал Столыпина по рабочему вопросу, в «Монархической государственности» уделяет большое место тому, чтобы ни в коем случае власть бюрократии не подменила власти монарха. Власть монарха выше одних лишь управленческих функций, гораздо более всеобъемлющая и покоится не только чисто на управленческих и утилитарных основаниях. В общем, действительно, «Монархическая государственность» - это, действительно, такой компендиум хорошей консервативной политологии, которая, разумеется, не без изъяна и не без огрехов. Впрочем, несмотря ни на что, относится к разряду «стопроцентный *must read*». При этом, конечно, Тихомиров навсегда остался сам по себе всё-таки не столько мистическим, сколько прагматически-утилитарным монархистом. Это очень хорошо видно по его дневникам, которые опубликовал А.В. Репников в последние годы, и которые, конечно, отчасти образ Тихомирова подорвали. Вспомним, что я говорил – нельзя перебарщивать на эту тему, частные огрехи тех или иных лиц никак не должны влиять на нашу оценку их вклада в общую копилку русской консервативной и национальной мысли. У Тихомирова было видно, что это такой, в общем, слабый, пугливый, временами очень взвинченный и истеричный, очень обидчивый, очень подозрительный человек. Его приглашает на встречу Столыпин, он долго подозревает: не хочет ли тот его как-то обмануть, подставить и так далее. Потом в 1915 – 1917 годах Тихомиров поддаётся общей истерике тогдашнего нашего общества, глубокому недоверию Государю, которого обвиняет в слабости. То есть повторяет всю эту классическую риторику, которую мы слышим до сих пор. При этом, тут проблема в том, что если тот, кого считаешь слабым, при этом мистический глава государства, глава народа, глава Руси, то надо бы его поддержать, тем более, что, может быть, впоследствии выяснится, что он не так слаб и что та мысль и та идея, которая стоит за ним, как это было в случае Императора Николая II.

Николай II, конечно, был глубочайшим мистическим царём России в большей степени, чем кто бы то ни было ещё из династии Романовых, самым мистическим царём Руси со времён царя Феодора Иоанновича – но при этом он столкнулся со стеной полного недопонимания и со стороны значительной части консерваторов тоже. Это произошло именно потому, что они, как Тихомиров, видели идеал в Александре III с его такой более земной, более диктаторской политической программой. Фраза Мещерского про то, что «нужно пороть», на консерваторах, в этом смысле, к сожалению, реализовалась. Без такого чрезмерного насилия они тоже такого подлинного смысла того монарха, с которым имеют дело, не постигают. Только мы сейчас его начинаем постигать, мы сейчас начинаем понимать значение того дела, которое совершил Николай II. И то, значительная часть его выявляется в будущем. Мы со временем осознаём все аспекты и значения, связанные, например, с канонизацией святых, их благословением над Русью, с проведением той же самой индустриальной политики, без которой, конечно, сейчас Россия с трудом бы смогла существовать. Представьте, что большевистская революция произошла не в самый динамичный период в экономике тогдашнего мира, которая по темпам роста уже начинала обгонять даже экономику США, а в аграрной стране, которая была на момент убийства Александра II, то мы бы сейчас были, наверное, страной даже не третьего мира, а четвёртого после большевистских экспериментов, если бы они пришлись на аграрную страну. Но, всё-таки, вот эта слабость Тихомирова не должна для нас закрывать сильных сторон и значимости его наследия. При большевиках даже, как не удивительно, вышли его воспоминания, хотя в них ничего особенно пробольшевистского не было и на Императора он в них нападал весьма умеренно. Тем не менее, их напечатали, а осуждающее предисловие к ним написала народоволка Вера Фигнер – что вот, до чего «довело его предательство». Но, конечно, опять же, ещё одним выдающимся наследием Тихомирова, открытым уже только после его смерти, в наши дни, и впервые опубликованным Михаилом Смолиным, являются его «Религиозно-философские основы истории». Это действительно великий труд, это попытка общей, православной философии истории с выходом на апокалиптическую и эсхатологическую реальность, совмещение анализа религиозных идей со здоровой конспирологией, с учётом значения иудаизма, масонства, атеизма и всего прочего. То есть, это действительно такая масштабная историософия, которую мы ещё в полной мере даже не осознали. Она меня подтолкнула, отчасти, к написанию такого гораздо более приземлённого текста «Атомное Православие», но, по сути, это ещё будет осмысляться десятилетиями и столетиями, если, конечно, у нашего мира впереди эти столетия будут.

Ещё одним важным аспектом тогдашнего консервативного сообщества при Александре III и Николае II была газета «Новое время». Это была самая влиятельная газета, которая после смерти Каткова далеко оттеснила по значению «Московские ведомости». Её издавал очень талантливый человек, очень талантливый журналист Алексей Сергеевич Суворин. Он ухитрялся одновременно издавать классическую солидную газету, всегда прибавляя к этому некоторую сенсационность и остроту. При этом там были ярчайшие публицисты. Газета, в целом, была очень националистического характера, такого, может быть, несколько национал-консервативно-демократического, но националистического – совершенно безусловно. О Суворине довольно много сейчас пишут. Есть издание Инны Соловьёвой и Веры Шитовой «А.С. Суворин: Портрет на фоне газеты». Издан также его дневник, где много нелицеприятностей, в том числе, много сплетен, не всегда достоверных, но, тем не менее, достаточно ярких. Суворин и сам был неплохим публицистом и я, честно сказать, видел только одно издание его работ. Есть прекрасный сборник «Телохранитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников». Есть книга С.М. Саньковой «Два лица «Нового Времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии».

Здесь мы, собственно, переходим к главной звезде суворинского «Нового времени» – Михаилу Осиповичу Меньшикову. Это тоже человек очень и очень непростой, сыгравший большую роль в истории русского национализма, при том, что исходно человек, что называется, совершенно из другого ментального космоса, потому что начинал он как толстовец. Всегда, в общем-то, он никогда настоящим монархистом не был, что называется, от слова совсем. В своих размышлениях 1918 года в дневниках он называет Императора Николая II «Николаем Злосчастным», а потом пишет о том, что у него начинает вызывать какие-то симпатии Ленин, от которого, вскорости, пришли люди и его

расстреляли на Валдае. Там он похоронен и, по счастью, могила его сохранилась (у алтаря Петропавловской церкви в городе Валдай Новгородской области). Это был человек с очень разнообразным, пёстрым, при этом доктринёрским в каких-то вещах умом, но, действительно, яростный, фанатичный националист и непосредственно формулирующий задачу, которая звучит следующим образом: «Нельзя великому народу отказываться от элементарной необходимости иметь национальную власть». То есть, пафос Меньшикова – это последовательная идея национальностей и национализации власти в России, причём, достаточно конфликтная по отношению к другим этносам и культурам. Национализм Меньшикова – практически не славянофильский, то есть тема оригинальной русской цивилизации и оригинальной русской культуры интересует его достаточно мало, хотя, конечно, понятно, что к концу XIX – началу XX века это можно было себе позволить в ситуации, когда у страны уже есть Толстой, Достоевский, Чайковский и многие другие, можно не в той степени сосредотачиваться на основах древней православной культуры. Православие и церковность были у него ещё меньше, да и вообще особых следов Православия у Меньшикова не обнаруживается. Он, конечно, перестал быть толстовцем в смысле непротивления, но настоящим церковным человеком он так никогда стать не смог. Но вот он исходит из русской нации уже как реальности и сосредотачивается на том, что у этой нации есть враги. И вот это такой, пожалуй, самый новаторский пафос Михаила Осиповича – он очень жёстко пишет о евреях, об армянах, о поляках, о ком угодно ещё, и развивая ту линию, которую начали когда-то Самарин, Катков и прочие, о том, что ни один народ в Империи не имеет права и не смеет указывать русским, как устраивать эту Империю, как жить, куда идти, куда двигаться – в общем, не смеет мешать. Он, при этом, не слишком большой ассимиляционист, потому что его национализм носит, в общем и целом, биологический характер. Для него нация ближе к племени. Поэтому в то, что однажды все армяне и евреи станут русскими, он совершенно не верит. Но Меньшиков хочет, чтобы они русским не мешали в осуществлении той политики, которая нужна для процветания населения, в том числе биологического, русского племени. При этом, что в моих глазах, прежде всего, вредит Меньшикову помимо его отчуждённости от Православия – это сильная общая желчность всего того, что он пишет, поэтому мне его читать всегда достаточно трудновато, но забывать о нём, ни в коем случае, нельзя, он классик русского национализма, хотя я бы не назвал его консерватором – он парламентарист, он не монархист, он даже цивилизационно не консерватор, религиозно не консерватор, он консерватор только в том смысле, что не приемлет, понятное дело, революционного радикализма, антинационального либерализма и так далее. Essential из Меньшикова вышло в сборнике, составленном Смолиным, «Письма к русской нации». Меньшикова с тех пор неоднократно в разных вариациях переиздавали, он написал очень много. Дмитрий Жаворонков в Петербурге взялся издавать все его «Письма к ближним», его базовый из года в год издававшийся проект, собрание его газетных передовиц. На данный момент уже вышли тома за 1902, 1903, 1904 и 1905 годы (всего запланировано издать 16 томов – вплоть до 1917 года включительно). Издано очень красиво, хотя, конечно, главное очень сильно тонет во второстепенном.

Второй крупной фигурой в «концерте» авторов «нового времени» был Василий Васильевич Розанов. Это человек ещё более непростой, чем Меньшиков, что выражалось в том, что он ухитрялся одновременно писать в «новое время» и во всякие социалистические газеты под псевдонимом. Человек очень непростой по своим религиозным воззрениям, фактически, от такого неоязычества перешедший к какому-никакому Православию и примирившийся с Церковью лишь в последние годы жизни под влиянием отца Павла Флоренского. Человек с очень выраженным эстетическим мировоззрением, но, несомненно, ярчайший публицист, создатель направления эго-консерватизма и эго-национализма. Его базовые публикации, такие как «Уединённое» и «Опавшие листья» это абсолютно такая эго-проза, которая очень серьёзно повлияла на многих наших блогеров и мыслителей в конце XX – начале XXI века, как, например, Константин Крылов. Розановская традиция некоторого такого эгоизма, обиженности и необязательности, очень сильна, иногда, как у Галковского, вообще топологически деформирована. Но, на самом деле, Розанов был не только эго-мыслителем. Хотя определённый его манифест как эго-консерватора эти его труды тоже очень важны. Если вы вспомните мою книгу «Рцы слово твердо», посвящённую русской литературе, там есть очень небольшое, очень розановски экспрессивное эссе о Розанове. В нём я цитирую чудесные совершенно размышления о русском историческом нигилизме, выразившемся в незнании истории, незнании своей Родины – в том, что

«История цивилизации в Англии» Бокля предпочитается Минину и Пожарскому. Вот этот пласт розановских размышлений о причастности собственной цивилизации, собственной культуре, об их познании, пожалуй, в розановском консерватизме самый интересный и самый лично для меня драгоценный. Но за пределами этого эго-консерватизма он тоже очень неплохой национальный публицист, последователь русского направления, тоже в духе национализма суворинской газеты с заострённостью против евреев и других инородцев. Он был одним из тех немногих авторов, который занимал последовательную антиеврейскую позицию в деле Бейлиса. Ему принадлежат совершенно откровенно антисемитские тексты. Но главный его пафос – это, всё-таки, разумное устроение государства. В этом огромном розановском собрании сочинений, которое устроено по странному принципу – там часть устроена хронологически, часть тематически, где вышло уже больше 30 томов, есть очень прекрасный том русского национализма – это его статьи 1911 года, года убийства Столыпина, которое, собственно, и является в этом томе центральной темой и центральной идеей. По нему очень хорошо видно, что Розанов – нормальный русский националистический мыслитель, действительно ориентированный на Столыпина тип. Меньшиков, Розанов и Суворин вообще очень последовательно поддерживали Столыпина. Стоит также отметить, что изданы две биографии Розанова в серии ЖЗЛ – Александра Николюкина, который как раз является составителем и редактором данного собрания сочинений, и Алексея Варламова.

***

События 1905 года привели к тому, что русский национализм начал оформляться не только идеологически, но и в виде политических структур, как и консерватизм. Самым понятным национально-консервативным движением была, разумеется, Чёрная Сотня – Союз Русского Народна, Союа Михаила Архангела и другие подобные организации. Поскольку мы говорим больше про идеи, то мы об этом долго говорить не будем, поэтому отошлю к выпущенной Олегом Платоновым книге Дмитрия Стогова «Черносотенцы: Жизнь и смерть за Великую Россию». Это такой очень удачный сборник биографий основных деятелей черносотенного движения. Оформился и национализм собственного имени, прежде всего, в виде Всероссийского национального союза, где ведущим идеологом оказался как раз Меньшиков. Это такая не совсем национал-демократия, а, скорее, можно сказать, национал-консервативный либерализм. Об этом есть монография Д.А. Коцюбинского «Русский национализм в начале XX столетия». Это безумный, конечно, заукраинец и ингерманландский сепаратист из Петербурга, но при этом монография как монография у него вполне достойная. Есть работа С.М. Саньковой «Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908 – 1917)». Есть двухтомная, совершенно огромная работа А.А. Чемакина о русских национал-демократах – 1-й том «Истоки русской национал-демократии. 1891 – 1914» и 2-й том «Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов», – посвящённая демократическому направлению в русском национализме, которое существовало и действовало достаточно активно, хотя оставалось, в целом, достаточно политически маргинальным. Но, тем не менее, Чемакин – прекрасный и вдумчивый, хорошо работающий с источниками исследователь.

Особо отмечу работы историка А.А. Иванова, посвящённые крайне-правым. В частности, работа «Правые в русском парламенте. От кризиса к краху. 1914 – 1917». В ней говорится о том, как так случилось, что правое движение распалось и не смогло эффективно сопротивляться сначала поглощению значительной части Прогрессивным блоком, а потом и просто революционизации. Есть у него великолепная биографическая работа о ключевом лидере крайне-правых «Пламенный реакционер. Владимир Митрофанович Пуришкевич». Это идеальная и исчерпывающая биография этого деятеля – человека очень экстравагантного, начиная от выступлений на думской трибуне с красной гвоздикой в ширинке вместо петлицы заканчивая участием в убийстве Распутина, причём с приписыванием себе в нём большей роли, чем было на самом деле. Пуришкевич, конечно, изрядно способствовал запутыванию публики так, что. в результате, убийцами оказались он и Юсупов, а не Освальд Райнер, как это было на самом деле. То есть, по сути, «англичанку» они спрятали (пока в начале XXI века британцы сами не раскрыли данный секрет). Данная работа – это попытка разобраться

в истоках того сумасшествия, которое привело к тому, что, вместо того, чтобы быть опорой монархии, они, фактически, содействовали её крушению, причём, как бы больше многих других. Ещё одна интересная биографическая работа Иванова – «Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков», посвящённая другому лидеру черносотенцев, охватывающая не только период его деятельности в Госдуме в Российской Империи, но и его деятельность в эмиграции.

Ещё один персонаж этого же круга – это, конечно же, Василий Витальевич Шульгин, лидер националистов, потом один из лидеров Прогрессивного блока, потом один из участников позорища с отречением Государя, в эмиграции – снова националистический публицист. Также – один из идеологов Белого движения, был захвачен советской властью и отсидел довольно приличный срок во Владимирской тюрьме, после освобождения поселившийся там же во Владимире и согласившийся, в общем-то, на не самую лучшую роль марионетки на побегушках, когда он снимался в фильме о падении монархии, писал книгу «Годы», опять же выходившей в советском издательстве. Но, с другой стороны, очень старому человеку особенно некуда уже было деваться. В этом смысле он хотел что-то рассказать, пользуясь репутацией дедушки, с которого спрос невелик. Сам тот факт эволюции, которую проделали Меньшиков, Шульгин, Пуришкевич, даже, в общем, по крайней мере, в своих дневниках Тихомиров, показывает уровень такого масштабного системного психического заболевания, который в этот момент произошёл с русским обществом и даже с его консервативной частью. Понимаете, что сейчас мы, разбирая фигуру Николая II, понимаем и его святость, целесообразность принимаемых им решений, которые тогда таковыми не считались, мы понимаем <…> информационной войны, которая велась против него и мы осознаём, что вот эти люди всего этого не понимали и, в результате, вместе с либералом Милюковым и революционерами от Керенского до Ульянова, фактически толкали страну в пропасть. Это, в общем, некий урок для нас тоже, очень большой и очень важный. Его работ много издаётся. Например, одна из классических – «Что нам в них не нравится…». Издаются его воспоминания – «Дни» и «Годы».

Ещё один интересный персонаж в теории русского национализма – Павел Иванович Ковалевский, автор работы «Русский национализм и национальное воспитание в России» и один из идеологов ВНС. Он очень интересен тем, что это опять же такой образцово-показательный национализм европейского типа начала XX века. Если вы хотите почитать про некий средний по палате национализм эпохи, без каких-либо уклонений вправо или влево, без какой-то политкорректности или без ограничений его чрезмерным монархическим или религиозным принципом, то читайте Ковалевского. Это такой, что называется, чистый, дистиллированный национализм. Сохранялось также и классическое славянофильство. Сын Алексея Степановича Хомякова Дмитрий Хомяков выпустил три брошюры, которые в наше время были изданы уже вместе под общим названием «Православие. Самодержавие. Народность». Там он интерпретировал эти понятия. Причём, что интересно, сам он был таким либеральным националистом и консерватором.

Очень важную тему в этот период представляет православный национализм и православный консерватизм. Это связано с тем, что время потребовала выхода духовенства на политическую сцену в своём собственном качестве. Этому посвящена антология под редакцией А.А. Иванова «Православная церковь и русский национализм». Мы пробежимся с вами по некоторым ключевым фигурам. Гигант этой эпохи – архиепископ Антоний (Храповицкий), впоследствии – митрополит, глава Русской Православной Зарубежной Церкви, человек, который, фактически, стоял в одном шаге от избрания Патриархом на Соборе 1917 года. Если бы этот Собор прошёл в 1916 году, то избрали бы, скорее всего, именно его. Но для 1917 года, конечно, он считался уже слишком консервативным, слишком правым, слишком черносотенцем. Его отделение Союза Русского Народа на Волыни действовало невероятно эффективно и в направлении противостояния революции, и в направлении недопущения всяких безобразий типа еврейских погромов, которые очень активно использовались, разумеется, в антимонархической и антирусской пропаганде. Благодаря владыке Антонию все такие провокационные действия прекратились, его воздействие по всей России было очень благотворным. И в плане русского ирредентизма, и поддержки Православия и русской этничности в соседней с Волынью, где он был архиереем, Галиции он также отметился, активно поддерживая православных

русинов и русское начало. Он был таким, что называется, системным оплотом русского православного консерватизма, при этом очень подчёркнуто клерикального – он всегда активно выступал за восстановление Патриаршества, большое внимание всегда оказывал фигуре Патриарха Никона как такого идеолога русского клерикализма. Митрополит Антоний, конечно, был таким столпом русского церковного монархизма вместе с митрополитом Владимиром (Богоявленским), замученным украинскими сепаратистами в Киеве в 1918 году. Это были два ключевых консервативных героя среди духовенства этой эпохи. Ещё одна важная фигура – архиепископ Никон (Рождественский), бывший вологодским архиереем и издававший в течение многих лет «Троицкие листки», направленные против безбожия, против революционизма, против революционного радикализма и социализма. В этом плане они удачно дополняли друг друга с протоиереем Иоанном Восторговым, настоятелем Покровского собора в Москве (Василия Блаженного), ещё одним русским консерватором и ещё одним мучеником, расстрелянным большевиками в 1918 году. И над всем этим, конечно, стоит фигура отца Иоанна Кронштадтского, человека при жизни уже совершенно справедливо Русью почитавшегося как святого. Это был замечательный проповедник, совершенно замечательный духоносный совершитель Литургии. Но, с какого-то момента, с цареубийства в 1881 году, начавшего всё в большей степени высказываться по политическим и общественным вопросам. Например, он вёл активную полемику против Льва Толстого и всего того политического и духовного нигилизма, который с ним был связан. Он активно отстаивал монархические идеалы, был последовательным совершенно русским националистом, всегда говоря о русском народе как носителе Православия, который имеет особую ответственность, потому что, отступив от Православия русский народ погибнет и обречёт себя на ужасы, точно также, как отступив от монархии. Сейчас это воспринимается как пророчества о будущем России, хотя, конечно, в общем и целом, это была констатация очевидных вещей, что, действительно, отречение от Православия и монархии ни к чему, кроме ужасов, не привело. Он выражал всегда последовательно надежду на восстановление России на православно-монархических началах и это остаётся важным по сей день. О нём есть изданная «Новым литературным обозрением» очень хорошая монография Надежды Киценко «Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ», где тема национально-патриотических политических взглядов святого Иоанна достаточно подробно, на многих страницах, с источниками, очень хорошо проговорена.

Крупнейшим практическим политическим националистом и в то же время идеологом русского национализма, оратором русского национализма последних десятилетий существования Российской Империи был Пётр Аркадьевич Столыпин. Это представитель катковской традиции. В нём очень чётко <…> он <…> гражданский национализм с чёткой установкой на доминирование русского этноса, к которому другие народы Империи должны либо присоединяться, либо приспосабливаться, либо в него вливаться. Русские – ядро этой имперской нации, а остальные русифицируются. Именно в этом духе он вёл свою политику. В этом духе он вёл политику в Финляндии – политику всё большего присоединения этого сепаратистского анклава к России, сыгравшего, между прочим, роковую роль в 1917 году (именно на финских сепаратистов опирался Ленин). Он же поставил новую цель – ещё более интенсивное усиление влияния русских в Западном крае, ограничив тамошние земства по системе курий так, чтобы русские всегда в них имели большинство. Столыпин очень интересен именно тем, что как практический политик он был последовательным националистом и русоцентристом, который не скрывал допустимости национальных привилегий. Задача этих привилегий состоит не в том, чтобы угнетать какие-то другие народы, а в том, чтобы усилить основную национальность Империи и через это придать ей максимальную прочность. Без Столыпина как идеолога и как оратора, а также как организатора, поскольку весь русский национализм ориентировался в этом смысле на него, невозможно представить себе всю картину русского национализма того времени. В этом был, конечно, определённый риск, который, в итоге, имел фатальные последствия, потому что для того, чтобы убрать сопротивление своей политике, в частности. по крестьянскому вопросу, тоже абсолютно разумной, он начал практический демонтаж черносотенных и крайне правых организаций, в результате чего серьёзно ослабил правых, чтобы усилить ориентированный на него центр – октябристов и националистов. ВНС был преимущественно столыпинской партией.

Исторически, конечно, он был прав, потому что, подчеркну ещё раз, что ставка на простого общинного мужика к тому моменту себя уже полностью дискредитировала. Практически, в 1905 году на эту версию народа-богоносца смотрели и никому это не нравилось. Было видно, что никакого монархического, никакого православного сознания в этой среде нет. Поэтому надо было срочно придавать этому мужику какую-то форму, какой-то политический и социальный смысл, чтобы он защищал существующий порядок не как естественный и привычный, на что полагался Победоносцев, а как на выгодный ему лично. Ставка Столыпина на разрушение общины и создание крепких крестьянских хозяйств была именно ставкой на создание того типа гражданина и экономического деятеля, который будет незаинтересованным в революционных потрясениях и в социализме всевозможных чёрных переделов, который будет защищать свою землю, своё хозяйство и свой надел. Несомненно, реализуйся эта ставка дольше, она бы сыграла. Уже даже в 1917 – 1918 годах на коммунистические эксперименты большевиков возникло крестьянское сопротивление, которое было чрезвычайно мощным. Люди защищали своё хозяйство, свою землю и совершенно никаких колхозов с коммунами не хотели. Поэтому большевикам практически пришлось на десятилетие в деревне сдать назад. И, конечно, продолжайся осуществление этой столыпинской политики дольше, то вот эта экономическая прочность Российской Империи была бы несопоставимой. Но Столыпин странным образом недоучёл, что без него вся эта схема, завязанная на него, будет разваливаться. И она, практически, после его смерти развалилась. Обнажённый им правый фланг отсутствовал, а центр ушёл совершенно категорически влево. Эту поправку надо при любом политическом планировании нужно всегда учитывать – что делать, если сегодня вечером меня убьют? Столыпин, несмотря на то, что жизнь его к этому располагала, данную оправку не сделал. Его экономическая и идеологическая программа и его политтехнология трагическим образом разошлись. Он всё делал правильно, исходя из концепции, что такие же как он будут править Россией ещё очень-очень долго. Исходя из того, что у него было крайне мало времени, а всё равно рычаги стабильности нужно было сохранять, он, конечно, в этом смысле, получается, что погиб на середине своего пути. Факт состоит в том, что Столыпин как идеолог русского национализма, достаточно светского, экономическим и геополитическим вопросам он уделяет значительно больше времени, чем религиозным и церковным. Его, безусловно, нужно знать. О позитивном значении Столыпина моё мнение можно почитать в статье «В нём русское было центром всего», опубликованной в журнале «Свой» и вошедшей в книгу «Добрые русские люди». Избранные речи Столыпина сейчас весьма хорошо опубликованы и их можно найти и ознакомиться.

Опять же к концу всего, в благословенное время «столыпинской реакции», последовало опамятование какой-то части радикальной интеллигенции. Свидетельством этого стал сборник «Вехи», в котором приняли участие Гершензон, Бердяев, Булгаков, Франк, Кистяковский, Изгоев и Струве. Это представители такой, что называется, революционной демократии, даже постмарксистской. Бердяев, Булгаков и Струве были в своё время «легальными марксистами», а Струве даже был одним из основателей Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Тем не менее, они пришли к выводу, что всё то, что происходило в годы революции 1905 – 1907 годов и всё, что тогда учинила прогрессивная интеллигенция, это слишком, это ужасно и вообще какой-то позор. Они выстроили соответствующую программу в сборнике «Вехи», который, по крайней мере, для части дотоле революционной интеллигенции означал разворот от революционного сознания к сознанию контрреволюционному. Это не сыграло свою роль в предотвращении новой революции, потому что времени уже практически не оставалось, но сыграло свою роль в формировании идейного климата русской эмиграции, в котором, в общем, все, так или иначе, были хоть немножко да националистами, патриотами, русоцентристами и если, скажем, не монархистами, то, по крайней мере, контрреволюционерами. То есть, вот этот веховский дух определял самосознание русской эмиграции практически во всех слоях вплоть до достаточно левых, которым в тот момент был Бердяев. Хотя перед революцией Бердяев как раз левым совершено не был. Самый его продуктивный период – это десятилетие после «Вех», когда он правеет, правеет и правеет. Это сказывается на его прекрасной книге, вышедшей после революции – «Философии неравенства», говорящей о государстве, о нации, об империи. Бердяев эпохи «Философии неравенства» это совершенно великолепный консервативный мыслитель, такого немножко деместровского склада, по крайней мере, в открытом виде, который

апологизирует нацию, апологизирует Империю, <…> тайны бытия, который апологизирует иерархию – общая тенденция русского национализма и консерватизма. <…> каком-то естественном равенстве и говорить не приходится, даже уравнять цвета кожи, всё равно, таланты людей и способности никогда не уравнять. Бердяев в этом смысле обозначает такой крен в сторону радикального консерватизма, гораздо более радикального, чем консерватизм конца XIX века, где определённые аксиомы модерна не оспариваются. Стоит отметить, что эту работу цитировал в своём послании к Федеральному собранию в 2013 году Владимир Владимирович Путин: «Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию».

В этом смысле другим примером такого радикального консерватизма является ещё один философ Павел Александрович Флоренский, который внезапно начинает прямо в последние годы перед революцией атаку на Хомякова. В 1916 году в Сергиевом Посаде он выпускает свой текст «Около Хомякова», в котором он обвиняет знаменитого славянофила в либерализме, ненастоящем монархизме и ненастоящей церковности. Ещё определённые основания для таких упрёков в адрес Хомякова есть, но здесь главное сама тенденция Флоренского – тенденция на приоритет религиозно-метафизического над прагматическим и слишком человеческим. Приведу характерную его цитату, в которой видна разница Флоренского с Хомяковым: «Ведь от себя указывать Церкви, какой ей быть, хотя бы и по чистейшим своим побуждениям, – это значит не признавать Церкви, а признавать себя; предписывать царю свои требования, хотя бы они сводились к требованию самодержавия царского, – это значит отрицать самодержавие. <…> Русские цари самодержавны потому, полагает он, что таковою властию одарил их русский народ после Смутного времени. Следовательно, не народ-дети – от Царя-отца, но отец-Царь – от детей-народа. Следовательно, самодержец есть самодержец не «Божией милостью», а народною волею». То есть Флоренский ставит под сомнение вот эту доктрину народного суверенитета, которая была самоочевидной для всех европейских националистов XIX века, которая была самоочевидной для славянофилов, которая, на самом деле, была самоочевидной даже для Николая I, который, в общем, сам колебался – да, с одной стороны, я царь Божьей милостью, но, с другой стороны, я царь ради русского народа. То есть, Флоренский очень последовательно ставит суверенитет царя, суверенитет традиции выше суверенитета народа, что называется, как демоса и как лаоса. По национальному вопросу он здесь высказывается недостаточно определённо, но то, что эта установка уже на предельно радикальном в духе Нового Средневековья консерватизм, на который уже появляется определённый интеллектуальный спрос, это несомненно.

Дальше линию Флоренского продолжает уже после большевиков, но прямо стыкуясь, всё-таки, с ним его ученик Алексей Фёдорович Лосев в своей «Диалектике мифа», в тех частях, которые в своё время были вычеркнуты советской цензурой, потому что, конечно, только полный отморозок моги рассчитывать на то, что при советской власти это может быть издано. Но, по счастью, всё это сохранилось в ФСБшных архивах в отличие от многих других текстов других авторов. В результате в более полное издание «Диалектики мифа» эти моменты были включены. Лосев доводит вот эту тенденцию к Новому Средневековью, как это называл Бердяев, до предела. Он пишет о том, что уже феодализм и крепостничество есть истина духовная форма политики, когда небесное ставится гораздо выше земного, что ремесленничество есть высшая форма хозяйства, что даже эпидемии, голод и прочие ужасы средневекового бытия даны человеку для возрастания в духе и лучше быть истинно верующим и жить среди чумы, чем быть абсолютно здоровым розовощёким либеральным атеистом. Это уже практически абсурдистская форма консерватизма, попытка не просто ограничить модерн, а полностью его перевернуть и от него отказаться. Это как раз характерное мышление эпохи Первой мировой войны и после неё, собственно, до Второй мировой войны, после которой соответствующий ход мыслей был, что называется, уголовно, практически, запрещён. Но, по факту, конечно, в свете новой биологической реальности, в которой мы с вами существуем и будет, возможно, существовать уже до конца наших дней, вот этот лосевский радикальный консерватизм может оказаться очень востребованным снова.

Конечно, в веховском круге были люди попроще, например, Пётр Бернгардович Струве, очень любимый нашими либеральными консерваторами, человек, который соединял весь набор постмарксистских либеральных идей, в то же время с последовательным русским национализмом такого катковско-столыпинского характера, где русская нация воспринималась как такое ассимилирующее гражданское объединение вокруг русского этноса. Они последовательно проводит идею Великой России, его работы неоднократно переиздавались, например, в серии «Мыслители XX века» есть сборник его работ «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм», в котором содержатся его ключевые статьи. Струве оказал в послереволюционной реальности больше влияние на отца Георгия Флоровского и на отца Константина Зайцева, который был радикально православным мыслителем – никакой либерально-консервативной умеренности в нём не было и в помине.

Последнее имя, через которое мы подходим к грани революции, которое стоит опять же назвать в связи с русским консерватизмом и национализмом этой эпохи – Владимир Францевич Эрн, человек немецкого происхождения. Как и Флоренский, и многие другие, одно время активный участник революционных событий. Тем не менее, он в годы Первой мировой войны, на волне общего идеологического националистического подъёма, формулирует такую достаточно радикальную националистическую неославянофильскую идеологию, автор такого замечательного текста-манифеста «Время славянофильствует» и радикального текста с антигерманской идеологией, с такими, даже, несколько, передержками, «От Канта к Круппу» – что из трансцедентальной аналитики и категорического императива Канта вытекает германский индустриальный милитаризм. Эрн ещё интересен тем, что он был очень увлечён теми итальянскими мыслителями, которые всего через несколько лет дадут основу для муссолиниевского фашизма. Он тоже сторонник радикального политического мышления, радикального политического и метафизического этатизма. То есть, вполне вероятно, что если бы он в 1917 году не умер от нефрита, то он бы сформулировал идеологию русского фашизма – не в том марионеточном виде, как получилась эта клоунада на Дальнем Востоке у Родзаевского с этими «фашистскими крошками», а как серьёзное философское интеллектуальное направление. Вне зависимости от того, была бы революция или не было бы революции, несомненно, из-под пера Эрна вот такого характера, в чём-то аналогичного муссолиниевскому фашизму, вполне вероятно вышло бы. Это было бы ещё одной радикальной формой русского консерватизма и русского национализма, которое в реальности не состоялось. Потому что то, что претендовало на название русского фашизма после Первой мировой войны и революции это было, конечно, каким-то интеллектуальным убожеством, чисто подражательным по отношению к итальянцам. А Иван Ильин, которого современные леваки обвиняют в «фашизме» он по основным своим идейным интенциям конечно вообще не фашист.

Часть 4. XX век. Русские в советский период.

Продолжаем рассмотрение темы истории русского консерватизма и национализма. В прошлых лекциях я обосновал своё видение консерватизма и национализма как политического этноцентризма, который проявляется на каждом историческом этапе в зависимости от культурных и политических особенностей этого этапа. В моей интерпретации определённого рода национализм существовал в Древней Греции, в средневековой Франции. Современный тип национализма и нации появляется, как очень хорошо показал британский исследователь Хастингс, в начале Высокого Средневековья в Европе и на Руси как части тогдашнего европейского христианского мира, как, своего рода, проекция библейского Израиля, потому что если действительно взять образ Израиля как он присутствует в Ветхом Завете и транслировать на современную этнополитическую область, то получится Нация. В этом смысле XVIII, XIX и XX века с их идеями народного суверенитета, массового образования, средств массовой информации не так уж много добавили, на самом деле, к этому пониманию нации, в основном, только новые политические институты. С другой стороны, произошло некоторое обеднение образа нации за счёт того, что всё свелось к демократическому суверенитету без Монарха и без религиозной доминанты. К чему это приводит, в свою очередь, мы с вами скоро увидим.

***

И вот мы обращаемся к XX веку, к трагическим событиям, связанным с падением русской монархии и Российской Империи, большевистским переворотом. Надо отчётливо понимать, что вместе с большевиками к власти пришла самая отчаянная, самая однозначная русофобия. Лидер большевиков Ульянов-Ленин был последовательным, убеждённым, идейным русофобом, теоретически обоснованным, практически глубоко очень эмоционально вовлечённым в ненависть к русским, всегда утверждавшим вещи типа того, что «русская царская армия оккупирует Украину» и всё в том же духе, человеком, чётко поддерживавшим этнополитический раскол России и русского народа. Существует масса текстов, посвящённых этому вопросу. Самый известный, конечно, по вопросу о национальностях и автономизации, об устройстве Советского Союза, прежде всего, внутреннем. В нём чётко было сказано, что «истинно русский человек, великоросс-шовинист, в сущности, подлец и насильник». Коммунисты, конечно, сделали довольно трогательную отмазку на этот счёт, что, дескать, на самом деле, текст посвящён тому, что Советский Союз должен защитить инородцев от «того самого истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» – мол, он не весь русский народ оскорбляет, а только бюрократов. Но, фактически, это звучит как отказ русским в праве на самоуправление, занимать государственные должности в Советском Союзе. И, действительно, на большей части истории СССР высшие должности занимали сначала революционеры еврейско-польско-кавказского происхождения, потом это были всякие мутные люди, среди которых всё больший процент был тех, кто определялся как украинец – советские пострусские, а потом появились такие ещё более мутные персонажи как Андропов, то есть, в общем и целом, советская власть, за исключением одного периода и одной группировки, т.н. «леинградцев», в общем и целом, выдерживала вот этот ленинский принцип: не допускать к власти такого истинно русского человека, «шовиниста и подлеца». В общем-то, и постсоветская современная Россия, в значительной степени живёт по-ленински. Надо отчётливо понимать, что марксизм-ленинизм был идеологией системной русофобии и подавления русского народа, не строя в этом смысле никаких иллюзий.

Второй скрепой его, в плане национальной политики, была политика искусственного унижения русских – т.н. «позитивной дискриминации», ставящей русских в невыгодное положение. Эту формулировку озвучил в 1923 году на XII съезде ВКП(б) второй после Ленина идеолог партии Николай Иванович Бухарин. По своему происхождению он был этническим русским, без каких-то особых примесей (сын коллежского советника, школьного учителя; причём, что интересно, за границей он жил по документам на имя Мойши Долголевского). Но при этом человек просто бесновато атеистический. Есть замечательная запись диспута с ним старообрядца Мельникова о религии, где Бухарин показан как просто откровенный бесноватый. И, конечно же, он был абсолютно системным русофобом, человек, которого в какой-то момент стал третировать и терроризировать за русофобию сам Сталин – до такой степени дело дошло. Формулировка Бухарина выражает всю суть советской национальной политики: «Русские должны искусственно себя поставить в положение более низкое по сравнению с другими, чтобы тем самым искупить свою вину перед угнетёнными нациями». Более полно это звучит так: «Наоборот, мы должны сказать, что мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле ещё больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, идя наперерез, только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетённых наций». Разумеется, сами русские не рвались ставить себя в положение более низкое по отношению с другими, но за них это успешно делала Коммунистическая партия. Есть наглядная картинка по расходам на душу населения в разных союзных республиках, из которой совершенно понятно, что на 15 рублей в РСФСР приходилось 25 рублей на Украине, 35 рублей в Белоруссии, 45 рублей в Закавказье, какие-то совершенно немереные цифры в Узбекистане и Таджикистане и совсем уж запредельные в Туркменистане. Типа: мы на вас тратим больше, тем больше, чем больше вы считаетесь отсталыми и угнетёнными. Понятное дело, что фактически СССР на протяжении всего своего существования был системой по эксплуатации русского народа и русского этноса в пользу

всевозможных окраинных нерусских людей и этносов, либо же этносов искусственно назначенных нерусскими, как те же т.н. «украинцы» и «белорусы».

Есть прекрасная формула «империя «положительной деятельности», правильнее – «позитивной дискриминации». Об этом есть работа гарвардского специалиста Терри Мартина «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923 – 1939». Он раскопал много интересных сведений о том, как эксплуатировался русский народ. В частности, выяснилось, что был создан в рамках советской финансово-государственной системы определённый фонд, в котором один рубль из каждых трёх, которые функционировали на территории РСФСР, изымался в пользу других республик. Он выяснил, как конкретно создавались и формулировались эти новые отдельные нации в рамках политики коренизации, притом, что это вызывало довольно большое сопротивление, в том числе, на Украине. Русских на Украине и Белоруссии вынуждали считать себя нерусскими. Понятное дело, как представители других окраин <…> утверждали в качестве предельной их отдельности от русских. Это была катастрофическая национальная политика. В своё время Путин очень хорошо отметил, что это была «атомная бомба» под Россию – лучше и не скажешь. Если Российская Империя достаточно успешно проводила политику интеграции в единую нацию и это, в общем, достаточно успешно продвигалось. Оно могло продвигаться эшелонами, но говорить всерьёз о какой-то «нерусскости» жителей территории Украины и Белоруссии не приходилось. Мазепинская идеология была идеологией абсолютного меньшинства. Скажем, уже достаточно активно, если не русифицировались, то адаптировались поляки. Очень успешно русифицировались немцы, так что, по всей видимости, в течении последующих 50 лет они бы уже полностью слились бы с русскими – то есть все немцы на территории Империи считали бы себя русскими и очень бы этим гордились. Какой-нибудь Корф был бы обладателем типично русской фамилии (причём, не стоит забывать, что во время Первой мировой войны многие носители немецких фамилий или напоминающих оные сознательно меняли их на совершенно русские и демонстрировали свой русский патриотизм). Понятное дело, что, скажем, с Кавказом и Средней Азией дело бы шло гораздо сложнее, но, тем не менее, такой грузино-осетин как Сталин, в общем, тоже, по его самосознанию имел очень сильные русифицированные элементы. Если представить себе в проекции нормального внука или внучку Иосифа Джугашвили, а не то, что получилось в итоге, в результате советского сюжета, то, скорее всего, это были бы практически полностью русифицированные люди. То есть, советская национальная политика, таким образом, всё-таки формировавшуюся, более-менее единую с планетарной структурой русскую нацию начала дробить. И это было, фактически, одним из ключевых трагических факторов для русского народа в XX веке. Ну и, понятное дело, была начата политика беспощадного культурного и идеологического уничтожения и унижения самих русских – русская история представлялась как история угнетения и эксплуатации, о чём говорила доминировавшая до второй половины 1930-х историческая школа Покровского. Да и потом, в общем-то, её последыши остались. Православие начало подвергаться с самого начала жесточайшему террору. Уже в годы гражданской войны было уничтожено немалое количество новомучеников. В 1922 года в ходе судебного убийства уничтожен святитель Вениамин, митрополит Петроградский, вместе со своими ближайшими сподвижниками. Потом епископов и священников стали отправлять на Соловки, превращённые в концлагерь, и в ссылку. Храмы начали активно разрушать.

Однако, при всём при этом существовали определённые идеологические течения, которые пытались объявить большевизм «истинно русским явлением». Этим попыткам посвящена такая интересная книга еврейского публициста, борца за право евреев на выезд, а потом израильского исследователя Михаила Агурского «Идеология национал-большевизма». Она посвящена тем течениям и движениям, которые видели в большевизме «истинно русское начало». Этим увлекался одно время поэт Николай Клюев, одно время этим увлекался Сергей Есенин. Очевидно такой национал-большевистский подтекст есть в произведениях Александра Блока, хотя, на самом деле, если внимательно перечитать «Двенадцать», то образ большевиков там получается не очень симпатичным. Понятное дело, там уделяется немало места такой фигуре, как Николай Устрялов со сменовеховством. Агурский сам явно всему этому симпатизировал, он был такой сионист, заигрывавший с русским патриотизмом и национализмом, готовым без масок на лице поговорить о Розанове. Его очень любил Вадим Кожинов

и когда в 1991 году Агурский умер, то в «Нашем современнике» был напечатан такой очень трогательный некролог, что, вот, редкий еврей, который способен действительно адекватно обсуждать всю связанную с этим повестку. Книга его такая достаточно комплементарная по отношению к этой национал-большевистской идеологии, суть которой простая: этот большевизм является настоящей русской стихией, что это вот прорыв под тяжёлой пятой петербургской западнической империи, настоящего живого народного русского начала, где народное отождествлялось даже не просто с простонародным, а с сектантски-хлыстовским. Вообще большевики очень увлекались темой сект. Один из ближайших к Ленину людей, тех, кто наилучше всего представлял, что на самом деле тот думал, оставивший воспоминания о подлинном отношении Ленина к Нечаеву, совершенно восторженном, был Владимир Бонч-Бруевич. Он являлся профессиональным сектоведом, причём не изучавшим секты, чтобы с ними бороться, а наоборот, максимально их раскручивавший, поддерживавший и апологизировавший. Вот эту вот выпущенную дикую стихию они отождествляли с русской народностью. Тем самым всё сознательное, всё культурное, всё действительно высокоразвитое, что было русской нацией достигнуто за XIX – начало XX столетия, всё это было решено списать в архив и заменить, как выражался Иван Бунин, злобный в отношении Есенина, на «мессианский самогон». Правда, у Есенина ненадолго тоже этой мессианской самогонки хватило, потому что уже в 1921 году намечается системный кризис в отношениях между крестьянской народностью и большевизмом, связанный с жестокостями в отношении крестьянства, с Тамбовским восстанием – тот же Есенин пишет поэму «Пугачёв», которая открыто всеми считывается и понимается именно как восторженная апология Тамбовского восстания. Впрочем, в ней это совершенно прямым текстом написано. Я об этом упоминаю в своём очерке о Есенине в книге «Рцы слово твердо».

В общем, этот национал-большевизм в виде «мессианской самогонки» имел второстепенное значение по сравнению с таким системным идеологическим пробольшевистским коллаборационизмом, который сформировала группа эмигрантов во главе с Николаем Устряловым в сборнике «Смена вех», вышедшим в 1921 году в Праге. Сменовеховство стало таким базовым течением в 1920-е годы, с помощью которого большевики в свои ряды привлекали представителей старой элиты – офицеров, инженеров и так далее. Идеология «давайте относиться к большевизму как к нормальному русскому национальному государству», что это именно большевизм – это «Россия на сегодняшнем этапе» – всё это выражалось сменовеховцами. Их деятельность была достаточно успешной в том смысле, что большое количество людей поверили в эту сменовеховскую идеологию и не уезжали в эмиграцию, оставались сотрудничать с большевиками, в расчётах на то, что эксцессы пройдут, большевизм переродится в обычную настоящую русскую власть, которая будет только более эффективной и консолидированной, чем переживавшая раскол и идеологический кризис старая монархия. Огромное количество людей купились на эту удочку. Главным создателем этой идеологии был Николай Васильевич Устрялов, человек действительно очень одарённый – политолог и публицист, деятель колпаковского правительства, который потом оказался на Дальнем Востоке, в Харбине, где была крупнейшая русская колония. Он там активно действовал и с какого-то момента стал сотрудником КВЖД, переданной под контроль советского правительства, то есть, в общем-то, даже нельзя сказать, что он был тайным советским агентом – он был вполне открытым сотрудником советских структур, но за рубежом. Его публицистика 1920-х годов – это квинтэссенция сменовеховства. В чём её суть? В том, чтобы последовательно переносить на восприятие большевизма схему отношения к Великой французской революции, которая сейчас интегрирована в часть французского национального опыта. Имеют значение и Жанна Д'Арк, и Людовик XIV, и Мирабо, и Робеспьер, и Наполеон – вот и у нас, стало быть, будет также. Неизбежен большевистский Термидор, неизбежная большевистская Директория, которая придёт на смену нынешнему Робеспьеру. Поэтому надо просто относиться к большевикам спокойно, как к очередной форме русской государственной национальной власти и наоборот – плохо относиться к белым, которые пытаются с ней бороться, потому что они выступают в роли таких французских эмигрантов-роялистов. Вообще, честно говоря, в эмигранта-роялистах тоже не было ничего плохого, как мы знаем, они потом вернулись к власти и они-то как и устроили какую-то более-менее настоящую и приличную французскую государственность. Но, тем не мене, он в этом смысле придумал огромное количество мемов нынешних необольшевиков – про то, что врангелевцы

якобы были «агентами Антанты», он активно поддерживал миф про «антантовскую интервенцию», совершенно игнорируя факт германской интервенции, рассуждал о том, что якобы Врангель нанёс удар России одновременно с поляками, хотя проблема как раз была именно в том, что врангелевцы категорически не хотели помогать Пилсудскому, даже если бы ценой его победы было бы сокрушение большевиков. Хотя это как раз был единственный шанс белого врангелевского Крыма.

В общем-то, Устрялов вёл такую совершенно разлагающую в этом смысле пропаганду, очень был любим и горячо обсуждаем на съездах партии в 1920-е годы: что нет, конечно, мы буржуазного перерождения не допустим, устряловщину не допустим, но пусть она льёт воду на наши мельницы, потому что это поможет с привлечением нужных нам людей и специалистов. Благодаря чему вся эта устряловская идеология стала возможной? Благодаря тому, что устряловский национализм носит чисто формальный и внецивилизационный, внеправославный характер.

Здесь стоит обратить внимание на статью С.И. Скороходовой «Философские идеи Н. В. Устрялова в контексте славянофильской мысли», где она пишет следующее: « В письме П. П. Сувчинскому от 4 февраля 1927 г. Устрялов писал о том, что он – православный человек, в смысле «бытового исповедничества», что он всегда верил в Бога и любил ходить в православную церковь. Философ также указывал, что в его роду были и старообрядцы и что он своих «маленьких деток» воспитывает в «старом нашем укладе». Николай Васильевич признавался, что «воспринимает стихию православия так же, как ее воспринимает всякий подлинно русский человек». Однако он отказывался признавать истинным только одно православие, так как реально и живо чувствовал, что «в доме Отца обителей много», что полнота – в многообразии, а не в исключительности. Ему, по его словам, неприятно было слышать о каком-то оправославливании Востока. Он тем не менее считал бесплодными усилия совместить православие с признанием других религиозных форм. В Японии, по его свидетельству, он столкнулся с крепчайшим укладом, где мирно соседствовали язычество, буддизм и «шинтоизм». Этот уклад показался ему весьма плодотворным: он способствовал созидательной деятельности японцев. Философ полагал, что Евразия – особый мир со своей религиозной системой, в которой все ее составляющие имеют равное право на существование. Таким образом, он разделял принцип религиозной толерантности. Он, по сути, признал и то, что общественная жизнь вообще может обойтись без религии, если официальная правительственная идеология содержит в себе творческий импульс».

Гонения на православную веру, убийства священников и епископов, гонения на русскую культуру были для него ничтожными и несуществующими фактами, он их, в общем, практически не замечал или списывал опять же на такой «первичный радикализм». То есть: границы есть? Есть. Крепкая государственность есть? Есть. Значит большевизм это такая нормальная русская национальная государственность, а всякие эксцессы мы переживём. Понятное дело, что этому ещё способствовала атмосфера НЭПа, когда большевики в целях предоставить своим иностранным покровителям, прежде всего, американцам, удобные возможности для того, чтобы окупить инвестиции в революцию, создали им определённый режим экономической свободы. В этот период действительно могло казаться, что восстаёт такое новое бюргерство, оно-то, в конечном счёте, этих большевичков сгрызёт и, соответственно, получится точная копия Французской революции. Но, как смог убедиться Устрялов с началом коллективизации, никакой копии Французской революции не произошло. В 1929 – 1930 годах советская власть нанесла мощнейший удар по сменовеховской интеллигенции, по всем тем, кто пытался работать в Советском Союзе, не разделяя при этом большевистских убеждений. Тогда были инициированы дела Крестьянского трудового союза и Промпартии, осуществлена жестокая расправа с военными в рамках дела «Весна», устроены Академическое дело и дело славистов – ОГПУ громило всю ту интеллигенцию, которая стояла именно на платформе сотрудничества с Советской властью без разделения большевистских убеждений. Теперь было: ты или большевик, или едешь сначала в тюрьму и ссылку, а потом, понятное дело, в 1937 – 1938 годах их всех дострелили. Дострелили и самого Устрялова, который имел глупость или же его заставили незадолго до этого вернуться в Советскую Россию, за какие-то стрёмные разговоры с Тухачевским касательно красного бонапартизма, в рамках последствий дела Тухачевского.

Устрялова у нас активно переиздают. Лучший сборник, выпущенный в «Циолковском», усилиями Модеста Колерова, который за последнее время превратился в яростного неокоммуниста и в этом качестве, понятное дело, Устрялов оказался им чрезвычайно востребован. Лучшая статья в этом сборнике, которая воплощает в себе всего Устрялова, называется «О русской нации». Это полемика с каким-то французским русофобом, заявившим, что никакой русской нации не существует. Устрялов говорит, что нет, конечно же существует – Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов и всё такое прочее, что мавзолей Ленин стоит аккурат напротив памятника Минину и Пожарскому (вот только спустя несколько лет памятник оттуда уберут, как говорят, после распространения по Москве шутки, что Минин говорит Пожарскому: «Смотри-ка, князь, какая мразь в стенах кремлёвских завелась!», и переставят к Василию Блаженному, хотя изначально вообще собирались снести, причём, даже были подготовительные стишки комсомольца Альтаузена «я предлагаю Минина расплавить, Пожарского – зачем им пьедестал?»). Так или иначе, эта статья «О русской нации» – это такая классическая квинтэссенция устряловщины, с одной стороны, в этом националистическом пафосе, вполне искреннем. Читая до поры до времени, ты восклицаешь: да, это классический русский национализм! К нему ничего не прибавишь, не убавишь. Действительно – единство тысячелетий, преемственность, чувство Родины. И когда к тебе в нагрузку на последних трёх страницах начинают вешать советскую Россию и большевиков, в которых это всё тоже продолжится, то ты немного так обалдеваешь, потому что это уже абсолютное «ничего не вижу, ничего не слышу», то есть просто игнорирование базовых аспектов большевистской политики на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х годов. До такой более национальной большевистской политики Устрялов дожил едва-едва, не успев посмотреть фильм «Александр Невский» (он выйдет на экраны только через год после его гибели). Но только вот в тот момент всех тех физически и антропологических носителей старой русской идеи, до кого смогли добраться, постарались уничтожить. Трагедия Устрялова – это именно трагедия национализма без Православия. Для меня это лично ещё раз доказательство того, что человек, который не осознаёт принципиальную роль Православия в русском национальном сознании, который не понимает, что если взрывают Церкви, то это значит убивают русскую душу, то он находится в тяжёлом заблуждении. Есть ещё очень хороший сборник Устрялова «Очерки философии эпохи», к сожалению, очень трудно доступный. Чем он хорош? Тем, что в него включаются не только работы его советского периода, но и работы досоветского периода – «К вопросу о национализме», «Национальное и вселенское в идеях славянофилов». Его опять же интересно почитать. Он действительно достаточно выразительный представитель вот этого обмирщённого, но достаточно зрелого моррасовского национализма начала XX века, но фактически выбравшего, отчасти по идеологическим, отчасти уже по каким-то корыстным причинам сторону просоветского коллаборационизма.

К тому же самому пришла ещё одна попытка создания такой постсоветской русской национальной идеологии – евразийство. Сейчас оно нам кажется противоположностью русскому национализму, но это абсолютно не так. Исходно евразийцы говорили о русскости, о русском народе, о необходимости учёта прав русской нации, предоставлении ей права национального самоопределения. Об этом открыто сказано в формулировке евразийской доктрины 1927 года. Создавали её выдающиеся русские интеллектуалы – князь Николай Сергеевич Трубецкой, Пётр Николаевич Савицкий, Георгий Васильевич Флоровский и Пётр Петрович Сувчинский (Флоровский от них потом категорически отошёл). В чём была идеология евразийства? На самом деле, вот так же, как Устрялов спрятался за такую формальную национальную преемственность без души, евразийцы попытались спрятаться за формальную географическую преемственность – что Российская Империя это было такое западническое псевдоевропейское образование, а на самом деле Россия это естественное природное географическое месторазвитие, хотя те определения, которые ему давал тот же Савицкий, бывший крупным географом, довольно абсурдны. Его географический анализ, лежащий в основе евразийства, на мой взгляд, абсолютно слабый, о чём я пишу в своей статье «Почему Россия не Азия», которая опубликована на сайте «100 книг». Фактически, это была попытка заменить Россию как нацию, как историю, как культуру, как цивилизацию географическим пространством. Если на этом географическом пространстве продолжает существовать какое-то государство, то значит, это то же самое русское государство, которое существует в каких-то других формах. Ранее евразийцы при этом

были настроены по отношению к советской власти достаточно критично. Они прекрасно осознавали множество её слабых сторон, в частности, для них была категорически неприемлема (в этом смысле, они в лучшую сторону отличались от сменовеховцев) антицерковная политика. Они, в общем, понимали неравноправие русских в этом, но они тоже считали, что вот эта мистическая душа Евразии всё это переборет. По крайней мере даже Цымбурский находил какие-то очень безумные совершенно цитаты из Савицкого о том, что вот «как хорошо говорят, что теперь в Москве появился гораздо более монголизированный тип русских, то есть мы движемся гораздо ближе к идеалу Чингисхана» – видимо, от нынешней эпохи с миллионами гастарбайтеров на московских улицах он был бы вообще в полнейшем восторге. В конечном счёте, евразийство в своём пределе дошло тоже до крайней степени чекистско-гэпэушного провокаторства – евразийские издания, которые делал муж Цветаевой Сергей Эфрон, затем, такой философ, примыкавший к евразийцам, при этом совершенно чуждый Православия, ориентированный абсолютно на западное средневековье Лев Платонович Карсавин и так далее. Там уже была открыто просоветская пропаганда – и закончилось это всё тем, что Эфрон участвовал в похищении одного переметнувшегося гэпэушного агента о Франции и едва ли не был соучастником его убийства. Всё это заставило семью Эфрона и Цветаевой вернуться в СССР, где для всех всё закончилось печально – Эфрона расстреляли, Цветаева повесилась, сын Георгий погиб на фронте, а дочь Ариадна прошла через сталинские лагеря и чудом осталась жива.

Георгий Флоровский, очень рано от евразийства отошедший, написал великолепную статью «Евразийский соблазн», где он чётко сформулировал, что именно в евразийстве неприемлемо, как говорил Крылов, «самую мякотку». Она состояла в такой его афористичной формуле – «бывает злая жизнь», что не всякую жизнь надо приветствовать, не всё то, что живое, действующее, не всё то, что действительное, если так рассуждать в гегельянских терминах, то разумное и тем более то доброе. Если большевизм каким-то образом живуч и жизнеспособен, то это не значит, что за ним есть какая-то историческая правда и что он является носителем некоего всемирного добра, вполне вероятно, что это такая форма проявления злой жизни – как оно, в действительности, и было. Большевизм был таким масштабным явлением мирового левого проекта, совершенно ханаанского по своему духу проекта. Его систематически поддерживали западные ростовщики, западные леваки, советские спецслужбы жили с британскими спецслужбами совершенно взахлёб, откуда, собственно, и брались такие феномены, как пресловутая Кембриджская пятёрка, которых только идиот может считать советскими шпионами в Англии – на деле это были английские агенты, которые работали в советском <…> Жизнеспособность советского проекта была в том, что это была часть такого общего западного левого проекта. Как только западный левый проект после Второй мировой свернулся, после этого, в общем и целом, советский проект тоже начал заметно терять свою эффективность. Кстати, про Флоровского у меня есть очерк в книге «Добрые русские люди».

***

Поговорив об опытах национал-коллаборационизма переходим к полной ему противоположности. Таковой была идеология последовательного национального сопротивления. Таковой были идеи Ивана Александровича Ильина, наиболее выдающегося философа и мыслителя среди всех сторонников Белой идеи, на протяжении многих десятилетий бывшего идеологом Русского Общевоинского Союза – такой главной врангелевско-кутеповской организации, которая на Западе и на Востоке поддерживала в эмиграции антибольшевистский дух. Ильин несомненно последовательный националист: «В противоположность всякому интернационализму – как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации – бытовой и политической, мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу». Первым выдающимся достижением Ильина, уже вскоре после того, как его на философском пароходе выслали из России – тут, конечно, большевики прогадали, поскольку те же высланные Бердяев и Булгаков, в общем и целом, работали на себя, – было то, что он являлся в эмиграции наиболее последовательным и выдающимся идеологом и философом антибольшевизма. Начинается всё с теоретической базы, которая, в принципе, окажется для русского национализма в XX веке очень важна – создание труда «О сопротивлении злу силою». Это такой выдающийся памятник русской этической философии, в которой Ильин обосновывает необходимость использования принуждения и понуждения по

отношению к носителям заведомого зла. Это значило, в частности, что большевикам можно и нужно сопротивляться, сопротивляться вооружённой рукой. Это относится и ко всякому другому злу тоже. И это была очень важная этическая работа, потому что, действительно, русским начали в какой-то момент навязывать в качестве такой парадной ценности некоторую безобидность, незлопамятность, утверждалось, что толстовство это такое очень органически вытекающая из русского характера и русского мировидения идеология, что является, откровенно говоря, полной неправдой. В этом смысле, работа Ильина при всей такой её сухости, формальности, схоластичности, по сути своей, очень горяча. И это прекрасно почувствовали такие большевизанствующие люди, как уже отступивший от своих консервативных идеалов к тому времени Бердяев, начавший писать про «кошмар злого добра». Все большевизаны в эмиграции чётко заистерили именно на тему тех практических политических выводов, которые Ильин из этой работы сделал.

При этом, Ильин совсем не был сторонником того, чтобы держаться с любым врагом большевиков. Он никогда не был сторонником прогерманского коллаборационизма в годы Второй мировой войны, напротив, он последовательно держался просоюзнической ориентации. Когда вы сейчас у необольшевиков читаете какую-то ложь, что типа «Ильин поддерживал Гитлера», то, знаете, есть такой классический пример лживой психологической манипуляции – слово «например». Классическое манипулятивное выражение – «Ильин поддерживал Гитлера, например, в своей статье «Национал-социализм. Новый дух» он писал…». Эта статья была написана весной 1933 года, сразу же после прихода Гитлера к власти – а Гитлер сделал это как представитель коалиции всех национальных сил Германии, все консерваторы, националисты, имперцы, монархисты поддержали Гитлера, причём, многие от безысходности, считая, что пусть уж будет лучше этот шизик, чем будет продолжаться это бесконечное правление слабых правительств, весь этот распад под влиянием социал-демократов. Исходно, до какого-то момента, Гитлер считался представителем такой общей правой повестки, каковым он, конечно, не был с самого начала, но многие в этом разбирались долго и мучительно, многие месяцы и многие годы, пытались как-то к этой национал-социалистической идеологии, подлаживаться и так далее. Ильин разобрался в числе первых. Его статья о том, что в национал-социализме видится «настоящий рыцарский дух», была написана в самом начале и была обозначена как «часть 1-я». Части второй никогда не последовало. Ильин раскусил, что это такое буквально за считаные недели, после чего довольно скоро вынужден был покинуть Германию, потому что его начало преследовать гестапо, перебрался в Швейцарию и в годы Великой Отечественной войны под псевдонимом писал статьи о том, что Германию ждёт неизбежный разгром, что русские обязательно победят. На эту тему я подробно написал в статье «Правый гегельянец в окопах Сталинграда» для журнала «Самопознание», которая также опубликована на моём сайте «100 книг». В ней – подробная сводка того, что думал и писал Ильин во время войны. Без всякой симпатии к большевикам и Сталину, без особой надежды на то, что они как-то изменятся, с резким возвращением отрицательного отношения к Сталину после того, как немцев изгнали из пределов СССР – но, тем не менее, без малейших уступок гитлеровцам и гитлеризму, с чёткой установкой на то, что Германия и гитлеровцы должны быть разгромлены, без особых симпатий к власовщине, как к такому обманному элементу, элементу отчаяния простых людей. Единственные, за кого Ильин переживал в этом смысле – за русских беженцев, ди-пи, которые, пользуясь возможностью, предоставленной немцами, массово уходили на Запад (их переместилось несколько миллионов). Это, кстати, важная тема в связи с исчислением потерь в Великой Отечественной войне, потому что, на самом деле, в числе тех погибших, которые числятся среди гражданского населения, наверняка зашиты те, кто ушёл на Запад с немцами и, понятное дело, для советской статистики просто исчезли. Они просто пропали для них без вести, хотя, по счастью, у многих из них всё сложилось хорошо. Был, действительно, массовый исход очень антисоветски настроенных ди-пи, которые, в частности, возродили Русскую Зарубежную Церковь, потому что это были не либеральные белые мигранты, розового оттенка, составлявшие евлогианскую схизму перед Второй мировой войной, это были, действительно, люди, пламенно ненавидящие коммунизм и, соответственно, для них никакая Церковь кроме белой РПЦЗ, к которой принадлежал и Ильин, была неприемлема.

Поскольку он был правоведом и философом права, то у него есть огромный пласт чисто юридических философских работ о сущности правосознания, о монархии и республике, в которых он выступает как такой очень тонкий и глубокий правовой мыслитель. Самый выдающийся политический памятник Ильина как политического и консервативного мыслителя, такая, своего рода, политическая энциклопедия, это «Наши задачи». Это такой сборник статей, которые он писал с 1948 года и до конца жизни. Высказывался по разным актуальным темам и по разным общеидеологическим темам. Там небольшое количество всевозможной эмигрантской полемики, какое-то количество размышлений о внешней политике с такими несколько наивными надеждами, что, может быть, в ближайшее время, каким-то образом, СССР и Запад придут в столкновение и в результате СССР падёт и тогда будет важно объяснить американцам и европейцам, что их борьба – это борьба против коммунистов, а не против русского народа, и не надо национальную Россию колоть, от этого пользы Западу не будет. В частности, там есть его знаменитая статья «Что сулит миру расчленение России». Чем дальше, чем больше читая эти статьи, ты понимаешь, что Ильин разочаровывается в надежде на то, что Запад будет хоть сколько-нибудь вменяем. Он чётко видит, что психология массового обывателя и СМИ, деятельность мировой закулисы – он один из первых стал использовать это выражение – ведёт к укоренению на Западе системной русофобии. Он опять же в числе первых констатирует тот факт, что Запад нам не союзник, он для настоящей русской России – враг и их враждебность к большевизму является, в куда большей степени, враждебностью к России и к русским. Но самое важное в «Наших задачах» это, конечно, последовательная идеология русского национального возрождения. Она, конечно, в чём-то оказалась практически неактуальной, потому что с тех пор, как эти статьи были написаны и до того, как большевизм закончился, прошло почти полвека, люди ильинского поколения и ильинского круга практически исчезли, то есть тех старых русских, которые могли вернуться в Россию и как-то наладить в ней жизни, восстановить её идентичность, практически не было. Но, тем не менее, как основа наборов текстов, они для русского национализма остались и остаются одними из базовых. Скажем, его жесточайшая критика федерализма, любых теорий составления России из разных самостоятельных государств и полугосударств, является просто образцовой. Он чётко показывает, как государствовед, как выдающийся политический мыслитель, что любая такого типа федерализация ведёт к дезинтеграции и к распаду, к увеличению автономии этих политических единиц, вплоть до взаимоотталкивания. Его совершенно образцовые рассуждения о национальном авторитаризме, что, понятное дело, никакой демократии, к которой звали тогда всевозможные керенские, сбитые лётчики, хотевшие всех сбить ещё раз, в постбольшевистской России не может быть по определению, потому что это будет разгул либо толпы, либо всё тех же перековавшихся красных гадов. Соответственно, единственный строй, который постбольшевистской России подходит – это разумный авторитаризм, который постепенно осуществлял бы национальное воспитание страны, в том числе в направлении к какой-то подлинной демократии. Вообще надо сказать, что в отношении таких политических идеалов, Ильин является, с одной стороны, монархистом, а с другой стороны он, несомненно, либерал, в том смысле, что он сторонник широкой гражданской свободы, его представления о которой были совершенно не обскурантистские – достаточно европейски просвещённые, достаточно западнические. Он и по своей политической философии один из немногих русских консерваторов, кто не соотносил себя со славянофильской традицией, напротив – он последовательный защитник Петра, осуществлённой им вестернизации и модели просвещения. То есть, Ильин ориентирован на идеал петровской России и великой России, которая продолжилась бы. В этом смысле он продолжатель линии Каткова и Столыпина. Ильин – один из самых неславянофильских мыслителей в этом смысле в истории русского консерватизма.

Ещё очень важный момент, который нам понадобится и для понимания следующего сюжета, это то, что Ильин – философ неравенства и аристократизма. Он говорит, что единственной миссией демократии, возможного демократического процесса является выделение элиты, выделение лучших, что власть всё равно не могут осуществлять все, власть могут осуществлять только лучшие. Россия оказалась страной без элиты, страной с разгромленной элитой, уничтоженной, вырезанной, деградировавшей. И, соответственно, единственным способом восстановить полноценную русскую нацию является создание новой национальной элиты. Определённые элементы демократического процесса нужны не для того, чтобы определять бюджет или что-то ещё подобное, а именно для того,

чтобы в этом демократическом процессе на всех фронтах выделились лучшие люди, которым можно было бы передать страну. В этом смысле он рассчитывает на определённое возникновение русской аристократии снизу, поскольку, понятное дело, аристократия сверху была практически уничтожена. Вот эта связка ильинская, что нам нужен аристократический политический режим, который, в конечном счёте, при благоприятных условиях, вырулит на монархию, и в то же время нам надо определённый демократический процесс, результатом которого должна стать полноценная национальная аристократия и элита – это, в общем, такой каркас всей ильинской идеологии, которая, при этом, в целом, безусловно является последовательным русским национализмом. Он действительно одна из базовых фигур для русского национализма, он говорит о нём открыто, никогда не стесняясь употребляет слово национализм, который у него, в большей степени, гражданский, чем узкоэтнический и не по-славянофильски цивилизационный, это национализм, базирующийся на каких-то принципиальных основах и особенностях русского народа – как определённое представление о национальном характере, как определённая история. На самом деле, у него достаточно много общего с Устряловым, они похожего типа люди – оба правоведы, из одних и тех же исходных идейных кругов. Но только если Устрялов пошёл по линии апологетики большевизма, как аналога Французской революции, то, соответственно, Ильин пошёл по линии последовательного антибольшевизма. В результате прожил на 17 лет дольше. Тот и другой лежат на Донском кладбище, но один торжественно перенесённый туда Путиным, в могиле, являющейся центром национального почитания, очень важного национального культа, тогда как другой закопан где-то в безымянном рву за крематорием, потому что его хозяева-большевики его, в конечном счёте, уничтожили. Это такой наглядный урок, как надо и как не надо.

В общем, «Наши задачи» – это действительно такая русская политическая энциклопедия. Даже если не со всем ты согласен, если какие-то детали расходятся ваших подходов, ильинские формулировки и решения почти всегда фундаментальны. В этом смысле, когда это предмет постоянных западных и наших либеральных, а теперь ещё и неокоммунистических злобных шебуршаний на тему, что «Путин поклонник фашиста Ильина» с истериками про Гитлера. На самом деле, если у нас что-то происходит хорошее в последние десятилетия, то это потому, что Путин, в значительной степени, человек, пронизанный Ильиным. И действительно, определённый круг его идей и формулировок сидит у него в голове – Ильин выступает для него каким-то внутренним камертоном. Если вот эта вот ильинская эпоха кончится, то ничего хорошего, мне кажется, нам впоследствии не светит, а сейчас очень стараются. На Западе выходят постоянные злобные статьи про мнимого «поклонника Гитлера», у нас тоже какая-нибудь слякоть, типа Кирилла Мартынова в соответствующем духе. Но это всё было сравнительно безопасно – сейчас к этому прибавились всевозможные необольшевики, которые, конечно, в этом смысле, приносят ещё добавочной гнуси довольно много. Ильина сейчас много и хорошо издают, он один из самых легкодоступных сейчас авторов. Много переиздают под разными названиями «Наши задачи». Через Ильина слово и понятие национализм, идея русского национализма были легализованы так, как, наверное, ни через кого больше. У нас Ильиным много занимаются в рамках статей, очень активно – профессор Лисица, издавший многотомное собрание сочинений, где собрано, практически, всё основное. Монографий о нём крайне мало. По-прежнему актуальна работа эмигрантского автора Н. Полторацкого «Иван Александрович Ильин». У него две прекрасных работы – об Ильине и довольно критическая по отношению к Бердяеву «Бердяев и Россия». Найти их трудно, но, тем не менее, если они будут доступны, то почитайте. И ещё стоит отметить незаконченный цикл статей «Жизнь Ивана Ильина», написанный Константин Крыловым, публиковавшимся на сайте «Русская Идея» и недавно вышедший в сборнике «Друзья и недруги».

Теперь обратимся к другому Ивану, фактически, до некоторой степени, идеологическому антиподу Ильина, притом, что они вроде бы находятся рядом. Это Иван Лукьянович Солоневич. Ильин его очень сильно не любил, постоянно отзывался со злостью о его «кабацких приёмах», о его «шарлатанстве», «псевдомонархизме», обвинял в сотрудничестве с немцами в годы Второй мировой войны. Я думаю, что Солоневич не оставался в долгу, потому что это был человек, который, в принципе, не лез за словом в карман. Но, тем не менее, таких вот ярких встречных высказываний Солоневича об Ильине нет. Но, тем не менее, говоря о некоторых базовых принципах изучения русского национализма и

консерватизма, нам должно быть важно не столько то, что думали эти люди друг о друге, не столько какие-то слабые, грязные стороны их существования и их деятельности, сколько тот конечный вклад в копилку русской национальной идеи, который они внесли. Если мы видим крупный вклад, то все остальные жульнические приёмы не имеют для нас никакого существенного значения, важно то, что, в конечном счёте, то, что тот или иной человек сделал для большой русской традиции. Солоневич сделал очень много, потому что этот его «кабацкий», как выражался Ильин, «желтушный» стиль это, тем не менее, был настоящим молотком русской идеи, который бил по большевизму в русской эмиграции. Солоневич был пассионарий, если выражаться гумилёвской терминологией, человек с какой-то громадной совершенно эмоциональной насыщенностью, с невероятной просто жизнестойкостью и жизнелюбием. Неслучайно огромный его интерес у всех вызывает его биография. Наверное, ни о ком не вышло столько биографий из консервативных мыслителей этого поколения, как о Солоневиче. Из них всех я читал только одну – Нила Никандрова «Иван Солоневич. Народный монархист», мне она очень понравилась. Есть книга в серии ЖЗЛ Константина Сапожникова, есть «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича» И.П. Воронина. Есть, между прочим, фильм Сергея Дебижева «Последний рыцарь Российской Империи», тоже посвящённый именно Солоневичу. Дебижев вообще снимает прекрасные такие, по-хорошему, белогвардейские фильмы, очень рекомендую их всех смотреть. В общем, читать биографию Солоневича всегда одно удовольствие, он её и сам изрядно мифологизировал, но к пользе русского народа и русской нации. Он был таким достаточно правым журналистом уже до революции.

По своему происхождению – выходец из Белоруссии, один из таких классических святых русских белорусов, наряду с Кояловичем и Концевичем, о которых нам обязательно нужно помнить. Он наблюдал всё это февральское безумие, что называется, в прямом эфире о чём потом написал прекрасную книгу «Великая ошибка Февраля» с фразами о том, что «февральскую революцию сделали чухонские бабы», как оно, в действительности, и было. Работал на белых, не успел эмигрировать, вынужден был работать на красных во всяких околоспортивных обществах, о чём он потом с огромным шиком написал в очерках «Диктатура импотентов» и «Диктатура сволочи» – это описание такой нэповской и колхозной советской реальности настолько узнаваемое, настолько смешное. Дар Солоневича – это дар такой публицистической журналистики с очень яркими, с очень сочными, очень запоминающимися, очень эмоциональными, триггерящими картинами. Именно поэтому Солоневича всегда читать одно наслаждение. Он попытался сбежать – его арестовали, бросили в лагерь, туда же бросили его брата Бориса и сына Юрия, но они сумели договориться и всё-таки убежать из этих лагерей, пересечь финскую границу. Обо всём этом опыте Солоневич написал книгу «Россия в концлагере». Когда не было ни Шаламова, ни «Архипелага ГУЛАГ», ни «Ивана Денисовича», ничего подобного, на Западе и немногие в России (если туда попадало подпольным путём) читали «Россию в концлагере». В отличие от Шаламова и от общего настроения, которое всё равно остаётся от «Архипелага» это произведение очень оптимистично – по понятной причине, ведь это история выжившего. Сама эта история просто тянет на голливудский фильм. Это история сильного русского человека, сильного и морально и физически. Все Солоневичи были спортсменами, атлетами, людьми в позитивном смысле ницшеанского типа. Понятное дело, что это взгляд сильного человека, который знает, что может всех этих комиссаров обхитрить и от них убежать – и он от них действительно убежал – и он ещё вернётся и им наподдаёт. Тем не менее, я мало какую книгу читал в своё время с таким наслаждением как такую страшную книгу «Россия в концлагере» и поэтому всячески её вам рекомендую. Ходило много всяких сплетен на тему «ну не мог он на самом деле убежать, это ГПУ его заслало», то есть, всё время его преследовало в эмиграции это шебуршание. Хотя тот факт, что ГПУ устроило в штаб-квартире газеты, издававшейся им в Болгарии, взрыв, в результате которого пострадала куча народу, погибла жена Солоневича, говорит однозначно о том, как они к нему относились нам самом деле.

В годы Второй мировой войны Солоневич действительно старался, по крайней мере, достаточно тесно сотрудничать с немцами, прежде всего, с министерством пропаганды в антибольшевистском духе. Это очень не нравилось гестапо. Вообще в Германии сложилась ситуация, что существовали фракции, которые считали, что нужно всячески привлекать русских антибольшевиков на свою сторону, потому

что без русских им Советский Союз не победить. Однако были те, кто считал, что Россию нужно расколоть на как можно больше кусков, а ничего более страшного опасного, чем русские националисты, которые хотят возрождения России, для Германии нет и быть не может. Соответственно, представители первой фракции, по большей части, были классическими германскими националистами, часто с аристократическими корнями и считали, что нужно убрать большевизм и получить от России некоторый дисконт за освобождение, а так быть добрыми соседями. А был совершенно и абсолютно помешанные на колонизации и разрушении России. Когда мы говорим о германской политике в отношении русских в годы Третьего Рейха и Второй мировой войны, надо просто помнить, что вторые более аутентично выражали доктрину самого Гитлера. Если ты читаешь «Майн кампф», то чётко понимаешь, что никакого сотрудничества с русскими националистами он допустить не мог. Поскольку понятно, что даже Гитлер не был в немецкой системе всесилен, то, соответственно, такие попытки иногда совершались. Если попытка Геббельса поработать с Солоневичем имела место, то по итогу она всё-таки не заладилась, не только, как любят говорить красные, из-за неуживчивости Солоневича, но и из-за его последовательного русского национализма, его последовательного антибольшевизма. Со Власовым он категорически не сошёлся на теме колхозов, потому что Власов был такой, фактически, большевик-коллаборационист. На гражданской войне он воевал за красных, сделал карьеру краскома, был членом партии. И даже во власовском гимне пелось про «большевики нас подло обманули», мол, ценности-то у них были правильные, но сами они поступили просто как обманщики. Это была не монархическая, не национальная по своему духу сила. Единственное, чем Власов положительно отличался от того же Краснова – это то, что он был последовательным унитаристом. Краснов же был наиболее белым и консервативным, но у него всегда прощупывались эти нотки донского сепаратизма, за который его не любили в эмиграции. В этом смысле Власов с его национал-унитаризмом был гораздо более адекватен. Но поскольку это обсуждение глубоко сделавших очень неверную ставку и глубоко проигравших, то оно, по сути, лишено смысла.

А вот Солоневич сделал верную ставку, в том смысле, что оставил после себя идеологическое наследие никак с Третьим рейхом не связанное. Это наследие, прежде всего, связано с его концепцией Народной Монархии. И тут мы подходим к тому, почему его любил Ильин. Если у Ильина западнически-аристократическая концепция, то Солоневич это такая популярная версия классического славянофильства в идеологических координатах середины XX века. Он, как не странно, очень близок к идеям Константина Аксакова, отчасти – Ивана Аксакова, но только они изложены на бойкий журналистский манер. Пётр I – это такой абсолютный полюс отрицания, вот эта немецкая, антинародная, антинациональная идеология, это убийство подлинного духа, который, по его мнению, присутствовал не только в киевский, но и в московский период, где, в общем-то, царь жил заодно со своим народом, не был никак от него отчуждён – ни по религии, ни по бытовым обычаям, ни по цивилизации, существовали определённые, достаточно гибкие механизмы взаимодействия народа и монархии. Это, кстати, правда, действительно, от стихийных веч до бунтов, от челобитных до земских соборов такая вот схема определённого воздействия и деревни, и города на русскую монархию существовала. По крайней мере она существовала до прекращения созыва Земских соборов – на самом деле, после этого тоже, но просто во второй половине XVII века уже и за счёт раскола, и за счёт много чего другого пошло, действительно, определённое самоотчуждение русской монархии от народности, и от Православия, которое выразилось, в конечном счёте, в петровской политике. В конце концов, Московское княжество, а затем царство с конца XV до первой половины XVII веков базовый тезис Солоневича скорее подтверждает. Действительно, такого средостения, политического и идеологического, между монархией и народом, который возник в петербургский период тогда не было – и это было одной из причин, по которой в ходе Смутного времени стало возможным такое соборное движение, появление ополчения Минина и Пожарского. То есть, Солоневич в наибольшей степени пытается передать вот этот вот дух эпохи Минина и Пожарского и возвести его в качестве некоей общей доктрины. У него, разумеется, много публицистических перехлёстов, всевозможных исторических ошибок, иногда достаточно грубых. Понятное дело, что он всё начитывал на ходу. В этом смысле, притом, что странным образом Егор Просвирнин его не любил, у него есть что-то общее как раз именно с Просвирниным. Иногда он крайне самоуверенно излагает в качестве установленной

истины то, что вчера узнал из случайно открытой книги. Но, при этом, вот именно как резюме национального инстинкта, взгляды Солоневича очень продуктивны, очень ярки, очень полезны. Если бы несколько лет назад меня спросили, с кем я согласен в споре о том, нужнее аристократическое начало или народно-массовое, можно даже сказать, плебейское начало, что важнее – элитаризм или «движение штабс-капитанов», как его называл сам Солоневич, то я бы однозначно высказался в пользу второго. Сейчас же я уже не так уверен, мне кажется, что без чёткой крепкой элитаристской сети существование нации невозможно. Полагаться на массовые инстинкты и массовый здравый смысл, если эта масса не имеет чёткого национального просвещения, то это будет несколько авантюристическая ставка. Просто в ильинской модели встроено больше предохранительных механизмов. Но как агитация «давайте мы все соберёмся народом на вече и будем заодно со своим замечательным царём», конечно, Солоневич в этом смысле агитационно гораздо более продуктивен. И при этом ещё очень важная черта, которая для меня всегда является принципиальной при оценке того или иного политического мыслителя – его чрезвычайно тёплое и последовательно-апологетическое отношение к Государю Императору Николаю II. Тот гимн, который Солоневич слагает ему, значительно в жёсткой степени критикует вот эту элиту дореволюционную именно за то, что она предала Царя – и это правда, перед февральским переворотом именно среди российской элиты Государь оказался практически в изоляции, причём, не по своей вине. Это они оказались его недостойны, а не он их, как мы теперь убеждаемся с каждым годом всё больше. То есть, вот эта струя народного монархизма и народного лоялизма к Государю она для Солоневича очень важна и она снимает для меня в его отношении 90% вопросов и сомнений. Человек чётко проходит по вот этому строгому критерию.

Ещё одна важная черта, которая в нём тоже есть и которая очень привлекательна – его последовательный антисоциализм. Солоневич в этом смысле глубоко «кулацкий» писатель. Он категорически выступает против всяких безумных построений – типа «а давайте на смену колхозам придут колхозы лайт», «а давайте на смену социализму придёт солидаризм». По поводу последнего часто вспоминается НТС. Они, конечно, имеют определённые заслуги перед эмигрантским национализмом – они печатали Столыпина, но, в целом, это такое поствласовское-посоциалистическое движение. Это была главная его проблема. И вот как раз именно в «Народной монархии» по поводу солидаризма и его таких околосоциалистических построений очень много сказано ядовитых слов. В этом смысле Солоневич – последовательный проповедник и апологет столыпинской идеи нации-собственника. Мне кажется, опять же, что в этом смысле, в этом аспекте Солоневич говорит очень ярко о частной собственности и частном предпринимательстве. И здесь он, безусловно прав – все эти околосоциалистические блуждания, если они не касаются кейнсианской модели управления макроэкономикой, переходят на уровень воздействия на частные хозяйства и на частный сектор, они все являются откровенной гнусностью. Изучение Солоневича важно хотя бы для того, чтобы получить вот эту прививку от этой самой гнусности. Солоневич у нас очень хорошо рано зашёл. Первое издание в России «Народной монархии» состоялось аж в 1991 году – и с тех пор было очень много его переизданий. Это одно из самых доступных изданий его сочинений. Оттуда можно нарезать массу интереснейших афоризмов. Я всегда цитирую Солоневича о том, что Россия была одним из первых национальных государств Европы. Это абсолютно так, это полностью подтверждается документами и исследованиями. Для него эта оценка была скорее интуитивной, но она оказалась очень верной и очень точной. Поэтому принижать Солоневича по отношению к, например, Ильину я тоже не стану. Они два таких полюса русской национальной консервативной идеи середины XX века – профессорски-элитарно-аристократический национализм и плебейски-журналистско-кулацкий массовый национал-монархизм. Но поскольку в нормальной нации должны быть и элита, и профессора, и журналисты, и кулаки, то, в общем, на самом деле, они оба важны и их нужно читать через запятую.

Ещё одна важная сфера, в которой сохранялась русская национальная идея, сохранялись национализм, традиция, консерватизм, монархизм – это была русская церковная эмиграция, прежде всего, в Русской Зарубежной Церкви, среди т.н. «карловчан», потому что там собрались наиболее консервативные представители духовенства. Они наиболее последовательно сохраняли именно определённую идеологическую структуру и идеологический стандарт. Там очень последовательно, начиная с её

основателя, митрополита Антония (Храповицкого), а потом и при его преемнике, митрополите Анастасии (Грибановском), поддерживались традиции русского монархизма. Одним из крупных таких идеологов и теоретиков этого русского монархизма был святитель Серафим (Соболев), архиепископ Богучарский, который жил и окормлял русские приходы в Болгарии, которых было довольно много, и они существовали немного в отдельном режиме по сравнению с Болгарской Православной Церковью. В Болгарии он был прославлен в качестве святого чудотворца, потому что действительно его молитвенная помощь ощущалась в 1970-е – 1980-е годы. Если вам нужно сдать какой-то экзамен, то обязательно молитесь святителю Серафиму, он вам поможет. Он очень консервативный богослов, последовательный критик булгаковско-соловьёвской софиологии и каких-то богословских вольностей митрополита Антония (Храповицкого), хотя иногда он к нему, может быть, слишком сильно суров. Он автор простой, возможно немного суховатой, но, тем не менее, очень основательной работы «Русская идеология». У неё также есть продолжение – «Об истинном монархическом миросозерцании». Эти два труда – его основной принципиальный вклад. Основная идея там – русская монархия и русская нация могут стоять только на последовательной верности Православию. Его позиция – это неоиосифлянство. Государство, которое каким-либо образом ограничивает и третирует Церковь, начиная с Петра, потом при Екатерине, против которой он становится на сторону противостоявшего ей в вопросе о секуляризации архиепископа Арсения (Мациевича), во всех случаях, когда русская монархия подрывает Православие, подрывает само себя. Если русская монархия подрывает национализм, она опять же подрывает саму себя. Если русский национализм подрывает Православие, он тоже подрывает сам себя. У Серафима «Соболева» именно вот эта идея, и также как последовательно чёткий легитимистский монархизм, проводится от и до. Нужно восстановить русское самодержавие в его очищенном православном виде. В этом смысле он является, что называется, идеологически в чём-то «родственником» Солоневича, у которого, впрочем, православная тема меньше проведена, но базовый неославянофильский тренд, связанный с тем, что петровские реформы – это плохо, как вестернизация и как отступление от истинного Православия, Самодержавия и Народности, они оба последовательно проводят. Очень интересно сложилась судьба архиепископа Серафима после войны, поскольку он находился в Болгарии, на советской территории. Он вступил в состав Патриаршей Церкви и даже принимал участие в послевоенных Поместных Соборах и всеправославных совещаниях. Он оказался таким вольным коллаборантом с Советской властью, но при этом использовал это, прежде всего, для укрепления консервативной струи в Православии. Он на этих всеправосолавных совещаниях выступал против нового календаря и против экуменизма. Святитель был одним из богословских обоснователей того, что Патриаршая Церковь в 1940-е – 1950-е годы заняла чётко антиэкуменистическую позицию, с которой она потом, в какой-то момент, сошла. Но эти традиции антиэкуменизма именно благодаря святителю Серафиму внутри Русской Православной Церкви остались. Он умер довольно рано. Он ещё вписывался в контекст советского ждановского национального поворота и его разгрома полноценно застать не успел, иначе вполне мог бы угодить под репрессии в отношении представителей Церквей, оказавшихся в зоне советского влияния.

Второй крупный идеолог русского православного консерватизма, монархизма и национализма – архимандрит Константин (Кирилл Иосифович Зайцев), юрист, один из учеников и последователей Петра Бернгардовича Струве, однако, пошедший по церковной стезе, ставший, наверное, самым крупным идеологом и философом Русской Зарубежной Церкви. Одним из его близких друзей и соратников был замечательный Иван Михайлович Концевич, о котором я ниже скажу пару слов. В основе идеологии архимандрита Константина – тема чуда русской истории. Неудивительно, что так и называется его книга, сборник статей и текстов, который вышел и у нас, к сожалению, не всегда полный – есть что добавить, кое-что надо сократить. Впрочем, резкие выпады против «Московской Церкви, прислуживающей большевикам» из этого издания убраны. Без них оно, впрочем, всё равно прекрасно читается. Основная идея – без Святой Руси не может быть Великой России, что если во имя Великой России приносится в жертву Святая Русь, то ничем хорошим это не закончится. Соответственно, самое важное в России, в русской нации и русском консерватизме – это то, что соответствовало идеалу Святой Руси: Иоанн Кронштадтский, Николай II и так далее. Всё это соединяется с очень важной идеей общеисториософского плана. Архимандрит Константин – крупный историософ, оказавший на меня совершенно огромное влияние. Концепция Атомного Православия без

ряда его идей не возникла бы вообще. В чём его идеи? В том, что современный мир находится в эпохе апостасии – последовательного отступления от христианства, народов и стран от Христа, последовательного развращения и это такой уже, в общем, апокалиптический невозвратный процесс. Ему можно сопротивляться, его можно тормозить, но развернуть на 180 градусов, чтобы всё прошло вообще в другом направлении, нельзя. Мы можем определённым образом обороняться – не только в личном и индивидуальном порядке, но и сохраняя определённую «аппаратуру спасения». Мне слово 2аппартура» понравилось не очень, оно кажется не очень удачным, поэтому я обычно использую выражение «инфраструктура спасения». Но это, в общем, один и тот же термин. Когда у нас есть монастыри, чудотворные иконы, свободный доступ к отправлению православных обрядов, есть возможность читать труды Святых Отцов или современных проповедников, прийти на исповедь и покаяться в своих грехах, есть возможность поститься, потому что экономическая среда не заточена прямо жёстко против постящегося человека. Все эти мелкие моменты «аппаратуры спасения» они, на самом деле, для человека очень важны., принципиально важны. Почему? Потому что любой человек слаб, грешен, зависим от социума. Если у него нет этих социальных подпорок для его веры, то это означает, что он начинает подвисать или падать. Поэтому, чем больше таких внешних социальных подпорок для нашей веры существует, тем больше, в общем, гарантия рядового обычного человека, не мученика, не подвижника, не пустынника, что он спасётся – «Спаси нас, Господи, как-нибудь, как знаешь», есть, помимо всего прочего, шанс в мире, где инфраструктура спасения разрушена, где человек даже не знает о Христе, которого даже просто к этому не допустят. «Аппаратура спасения» существовала в Византии, существовала в Святой Руси, то, что начало разрушаться с процессом секуляризации, и то, что разрушается сегодня. Оно действительно разрушается каждый день, практически в ежедневном режиме. Активно на Западе преследуется празднование Рождества, оно не допускается. На фоне ковида принц Уильям отказывается поздравлять народ с Рождеством, мотивируя это тем, что «всем и так тяжело». Этим он разительно отличается от своего прадеда Георга VI, который в годы Второй мировой войны регулярно поздравлял нацию с Рождеством по радио, выступая с довольно сильными с христианской точки зрения проповедями (не стоит забывать, что в Британии король – это глава Англиканской церкви). Эти речи были мощным фактором сплочения нации на христианском фундаменте. Мы наблюдаем, как разрушается вся эта «аппаратура спасения», которая защищает отчасти человека от этой апостасии прямо наглядно, в прямом эфире, в ежедневном режиме.

Тут даже архимандрит Константин высказывает такую совершенно парадоксальную, до той степени, что она как-то абсолютно не укладывается с общим глубоко антибольшевистским настроем, мысль – что, может быть, то, что Россия заморозилась под большевиками, сохраняя какое-то нутряное своё Православие под спудом, она убереглась от худшего развращения в общем режиме вместе со всем Западом. В этом смысле если, скажем, в плане светскости и светского осмысления истории, однозначно можно говорить определённо, что большевизм был долгосрочной потерей, потому что никакие бы либералы такого кошмара, как большевики, не устроили бы. Но в плане такой большой историософии не исключено, что то, что большевики заморозили Россию одновременно с её разрушением и выдернули в какой-то момент её из Запада, которое, впрочем, было весьма относительным – к сожалению, этого архимандрит Константин не понимал. На самом деле, большевизм серьёзно вестернизировал Россию и русский народ в советскую эпоху. Человек 1960-х годов читал Ремарка и Хемингуэя, а русских классиков – чисто формально, понятное дело, что большую часть русской литературы от Набокова до Шмелёва он вообще практически не знал. Но, тем не менее, такая мысль, что, может быть, то, что мы потеряли темп и перестали разлагаться одновременно со всем Западом, а вместо этого истекали кровью, может быть, это сейчас нам пошло на пользу. Мы не знаем, посмотрим, что будет дальше. Если действительно произойдёт в ближайшие годы какая-то определённая дивергенция от этого байденовского мира, то в этом случае как-то, спасибо иуде не скажешь, но, можно сказать, что это было промыслительно. А если мы скопытимся под теми же левацкими неосталинистскими лозунгами в тот неосталинизм и необрежневизм, который начался на Западе, то я думаю, что там будет откат в обратном направлении – сначала необрежневизм с Байденом, потом неохрущевизм, потом неосталинизм с массовыми репрессиями, а потом дойдёт и до неоленинизма с полным концом всего и разрухой. В общем, очень продуктивный писатель

архимандрит Константин (Зайцев), очень рекомендую обратить внимание, хотя, к сожалению, вот в этом сборнике работы «Православие в эпоху апостасии» нет, хорошо бы переиздать.

Ещё один заметный проповедник Русской Зарубежной Церкви – архиепископ Аверкий (Таушев). Выходило много томов его проповедей «Современность в свете Слова Божия». О нём как-то много рассказывать именно как о национал-консервативном мыслителе трудно, но такой базовый набор традиционных православных консервативных представлений о православной русскости (термин, введённый архимандритом Константином), у него есть. Архиепископ Аверкий был замечательным проповедником. Человеком меньше проповедовавшим, чем писавшим, хотя от него досталось значительное наследие, но бывшим, своего рода, нравственным и духовным камертоном, был святитель Иоанн (Максимович), архиепископ сперва Шанхайский, а потом Сан-Францисский, великий чудотворец Русской Зарубежной Церкви. Для меня, когда я только пришёл к Церкви, было очень важно осознать, что вот, всего меньше, чем за десять лет до меня скончался человек, который творил реально великие чудеса – исцелял, останавливал ураганы, внезапно уговаривал американский Конгресс впустить к себе бегущих из Китая русских беженцев. Это был человек, в котором все наглядно наблюдали явление Божьей Благодати. Опять же, когда такой человек, который творит чудеса, являет собой действительно наглядно свет Истины, придерживается определённых воззрений – святитель Иоанн был последовательным русским монархистом, то это говорит об определённой истине этого выбора и этого идейного течения, которое стоит. Если действительно такие люди высшей божественной пробы, как Иоанн Кронштадтский и Иоанн Шанхайский, были русскими православными монархистами, значит русский православный монархизм –это истина. Об этом ещё раз свидетельствовал человек, не бывший русский, по естественным причинам не могший быть русским политическим монархистом, потому что жил всегда в другой стране – это отец Серафим (Роуз), который именно под влиянием святителя Иоанна Шанхайского пришёл к Православию, стал монахом, стал крупным проповедником, стал активно обращать американцев в Православие. Огромное влияние его проповеди и идеи имели и в России в постсоветский период. Очень интересно, что у него тоже в составе его творений, в которых он, по понятным причинам, не в той степени касается России, говоря о древней Церкви, общемировых проблемах, критикуя нью-эдж и всякую оккультятину в совершенно образцовой работе «Православие – религия будущего», есть работа «Будущее России. Конец мира», в которой он собрал ключевые пророчества о восстановлении, возрождении России в конце времён и их систематически изложил – о том, что будет ещё в России Царь, что Россия ненадолго восстановится для свидетельства о Православии, а дальше придёт конец всего, с явлением антихриста и прочим. Вся эта тема активно развивается. В той же книге Фомина «Россия перед Вторым пришествием» таких пророчеств выше крыши и все их, разумеется, надо делить на 10, но сам факт существования такой православной традиции весьма и весьма показателен и ещё более показательно то, что её выразил именно православный американец, пришедший в Русскую Зарубежную Церковь. Вот почему-то либеральных экуменистов, настоящих таких православных, чтобы мы могли обсуждать тему их святости, таких, как отец Серафим, особенно и не пришло. А вот в Русскую Зарубежную Церковь, якобы узкую и националистическую, такие настоящие люди и приходили. И именно наследие линии архиепископа Аверкия, святителя Иоанна привело к тому, что в 2007 году произошло воссоединение Русской Православной Церкви за рубежом с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Мы не только обрели общую традицию, но и общую юрисдикцию. Это очень важно, помимо всего прочего, что голос РПЦЗ, в значительной степени, препятствует сползанию во весь этот больной «православный сталинизм» (стоит отметить, что в советское время РПЦЗ активно осуждала экуменизм, имевший место у Московского Патриархата). Ещё один автор, которого также нужно назвать – упоминавшийся выше Иван Михайлович Концевич. Он в меньшей степени политический мыслитель, точнее даже вообще не политический мыслитель, но для становления определённой духовной традиции очень важен, прежде всего, своей книгой «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси». У него есть ещё очень хорошая книга «Оптина Пустынь и её время». Но вот «Стяжание духа Святаго…», где показано, как старчество, как традиция святости, воздействует на историю. Там национальная история показывается именно как история становления святости, а духовный кризис – как угасание святости. Это очень важная для историософского осмысления русской истории книга.

***

Теперь поговорим о том, что происходило с русской идеей в это время в СССР. Там в какой-то момент было осознано, что пролетарий, у которого нет Отечества, Советский Союз, Коммунистическую партию и товарища Сталина защищать не пойдёт. Соответственно, сначала появилась тема советского патриотизма, который совершенно не похож на западноевропейский «буржуазный» патриотизм. А потом уже зашла с 1934 года тема классического национального патриотизма, что якобы советская власть является продолжением русской истории, что всё лучшее и величайшее, чтобы было сделано в русской истории – это всё воплотилось в советской власти и персонально в товарище Сталине. И здесь, понятное дело, как работает любая тоталитарная фабрика пропаганды, советская также заработала на полную мощность, вплоть до того, что появляется бредовая её интерпретация, вроде той, которую дал Дэвид Бранденбергер в своей работе «Сталинский русоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931 – 1956 гг.)». Он утверждает, что никаких русских, никакой русской нации до революции и до Сталина не было, а были только тёмные и непросвещённые крестьяне, которые не имели никакого национального сознания, тогда как буржуазная верхушка, имевшее это национальное сознание, была исторически незначительна. Это очень популярный на Западе тезис, с которым полемизировал Устрялов. Но это, конечно, бред. На самом деле своё национальное сознание, традиционное сознание было и у совершенно рядового крестьянина, и у рабочего, и у городского обывателя. Национальное сознание в том или ином виде в массах присутствовало. Понятное дело, что оно было связано, прежде всего, с народным монархизмом, но противопоставление национального и монархического начал – это классическая нечистоплотная манипуляция. Если солдат отвечает, что он сражается за Веру, Царя и Отечество, то это значит, что он сражается за русскую нацию и с национальным сознанием у него всё в порядке. Если он не отвечал, что сражается за русскую нацию, это не значит, что он не был стихийным русским националистом и что национального сознания у него нет.

Но определённая фабрика такого удобного Советам русского национализма она в какой-то момент действительно включилась. Она, прежде всего, была связана с именем такого человека, как Андрей Александрович Жданов, один из советских функционеров, который с 1934 года возглавил контроль за всей советской идеологией. По каким-то своим загадочным причинам у него было очень русоцентричное мировоззрение. Он был классическим коммунистом, безусловно был вполне идейным большевиком и сталинистом, он был совершенно антиэлитистом, что видно из его малоприятных саркастических выпадов в отношении Ахматовой в известном докладе «О журналах «Звезда» и «Ленинград»». Но, тем не менее, он был последовательным русоцентристом. И именно он занялся идеологическим дизайном сталинского агитпропа в духе опоры на русское национальное начало, на русскую историю и отказ от русского национального нигилизма. У Сталина тоже было такое определённое кавказское уважение к русским царям как к определённой силе, в результате чего он рассказывал о том, что при царях русских били все, а вот сейчас СССР индустриализуется и бить их перестанут – и потом в речах рассказывал, что русские цари сделали много плохого, одно хорошее – создали великое государство. Возникает логичный вопрос – если их всё время били, то как же они тогда это государство создали? Но мы сейчас не будем разбираться в психологии Сталина. У него идиосинкразии на слово русский не было, хотя при этом его ни в коем случае нельзя представлять, как русского националиста, поскольку он был последовательным украинизатором и последовательным историческим нигилистом. Когда его спросили о Петре Великом, он ответил, что тот в интересах буржуазии и дворянства строил русское национальное государство, а вот он сам в интересах пролетариата, рабочего класса и крестьянства строит советское многонациональное государство.

Но, при этом, из-за отсутствия идиосинкразии на русскую национальную установку, Сталин предоставил Жданову довольно большой карт-бланш на соответствующий исторический дизайн. И, действительно, с 1934 года эта ждановская политика национализации пошла всё более и более драматическими шагами. Произошло осуждение школы Покровского, русофобия как фундамент историографии была проклята. Вместо этого появилась концепция русского национального государства, которое потом перерастает в многонациональную империю, которая потом как-то вот

революционно становится Советским Союзом. Покровского предали анафеме – по счастью для него, он успел умереть раньше и оказаться в Кремлёвской стене. Все поняли, что ситуация изменилась, когда поставленная в Московском камерном театре оперетта «Богатыри» (на музыку Бородина наложен совершенно мерзкий текст Демьяна Бедного, одного из крупнейших большевистских русофобов – русофобия была фундаментом всего его поэтического дискурса) была снята с репертуара и запрещена, а Демьяна Бедного очень жёстко за это осудили и, мало того, ещё и выперли через какое-то время из партии – к сожалению, не расстреляли, видимо. Он был неприкосновенным тайным большевистским масоном. Однако на этом примере все поняли, что времена изменились, что теперь требуется русская тема. И вскоре начали одна за другой выходить книжки, начали выходить фильмы, в частности, знаменитый «Александр Невский» Эйзенштейна. В нём постоянно подчёркивается русская тема, хотя Эйзенштейн, будучи крипто-сатанистом и гомосексуалистом, всё равно пытался вворачивать свои темы. Со стороны у него у немцев кресты и прочая христианская символика, а со стороны русских Александра Невского – преимущественно языческая. Получается, что битва русских с Орденом – это битва язычников с христианами, что, однако, действительности совершенно не соответствует. Появлялись и многие другие фильмы <…> ставшие менее раскрученными. Пошла определённая идеологическая накачка. Она напрямую была связана с ситуацией во внешней политике. Чем дальше, тем больше большевики понимали, что придётся сражаться против Германии – и народу это возможно будет продать только как национальную войну, Если это не продать как национальную войну, то в этом случае стоит немцам сказать, что они идут «освобождать русских от большевизма» и сделать какие-то подтверждающие жесты в этом отношении, то фронт разбежится также, как он разбегался с подачи большевиков в 1917 году. Собственно, в первые месяцы 1941 года в значительной степени именно так и было, пока немцы не дали чётко понять, что они не русских идут освобождать, а наоборот – всех нас порабощать и уничтожать, поэтому на нас им наплевать. После этого дубина народной войны развернулась во всю ширь. Об этом моя бабушка, например, рассказывала, как они сначала все бегали смотреть на немцев, а потом один из них за ней погнался и чуть не изнасиловал, поэтому ей пришлось несколько дней прятаться. Потом уже, когда в декабре немцы ушли, крестьяне ходили в лес добивать кольём спрятавшихся там немцев. Немцы перестроили всех буквально за несколько месяцев.

Но, тем не менее, эта национальная пропаганда реально работала. Правда иногда она давала сбой. Первые карикатуры в июне – июле 1941 года содержали в себе какую-то гнусь типа, что немцы вместе с царём Николаем II идут по крови, сокрушать власть рабочих и крестьян. Но, постепенно, в агитации всё это сменилось обращением к образу Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова (правда, нередко на одном плакате вместе шли подавлявший Пугачёвщину Суворов и красный каратель Чапаев, который был поклонником Пугачёва и инициировал переименование в его честь города Николаевска). Особенно здесь важной была речь Сталина на параде 7 ноября 1941 года, где он перечислил этот канон великих предков: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Кто попал в этот список – те были герои. К ним также отдельно добавлялись те, в честь кого называли новые советские ордена – всё те же Александр Невский, Суворов и Кутузов, а также Нахимов, Ушаков и Богдан Хмельницкий. А все остальные, кроме Петра Великого, которого не упомянули и орден не назвали, но фильм всё-таки сняли, особенно героями не были. Поэтому советский героический канон был всегда довольно узок. Это была такая запоздалая версия устряловской утопии о восстановлении исторической преемственности, правда, очень ограниченной.

Поскольку русская тема, что называется, «качала», то к концу войны действительно, история прославления русского народа как народа-победителя и опоры новой державной мощи достигла предела. Сталин произнёс известный тост за русский народ, хотя. В общем, если вчитаться в этот тост, то выяснится, что главное, за что хвалят русский народ, так это за то, что он Сталина не сверг в 1941 года, как, несомненно, поступили бы сами большевики в аналогичной ситуации. Но, тем не мене, появились плакаты, где были слова «Слава русскому народу!» Это один из статусных мемических плакатов современного культа Победы, поэтому его часто перепечатывают, затерев слова про русский

народ, что намекает на то, как нынешний российский режим к этому народу относится и как соответствующий дискурс нас воспринимает. Так или иначе, был послевоенный период, длившийся, примерно, до 1949 года, когда русский национализм советского сталино-ждановского издания находился на пике. Действительно казалось, что наступил период, когда Советский Союз становится русским национальным государством, в котором большевизм является таким приложением. Появляются книги В. Волина «Великий русский народ» и Д. Тищенко «Русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза». Позже, когда была брежневская конституция, то там была фраза, что «партия – руководящая и направляющая сила советского общества». А вот в 1952 году можно было прочесть, что русский народ является выдающейся нацией и руководящей силой Советского Союза – русский народ, а не партия. Была книжка «Великий русский народа» за авторством академика Анны Панкратовой, которая, на деле, была страшной русофобкой, последовательной пропагандисткой региональных сепаратизмов, ученицей Покровского, к тому же ещё стукачкой, которая своего собственного мужа-троцкиста сдала в НКВД. Есть такой термин «вырусь» – и вот как раз академик Панкратова была просто дистиллированная вырусь, классический homo soveticus. Была ещё одна историк-академик, ученица Покровского Милица Нечкина, которая, всё-таки, такой не была – в юности она была гимназистка, восхищавшаяся Царём, потом занималась классического советского культа декабристов, но всё-таки до такой конкретной русофобии, как Панкратова, сочинявшая «Историю Казахской ССР» с её бесконечно «борьбой с русским империализмом», не доходила. Но, тем не менее, даже Панкратова выдала текст про великий русский народ, хотя, если в книжке покопаться, то выяснится, что он велик, прежде всего, тем, что дал миру Белинского, Чернышевского и Владимира Ильича Ленина.

Всё это имело последствия в виде дискуссии, развернувшейся в 1944 году вокруг понятия русского национального государства как раз в связи с конфликтом между Панкратовой и академиком Тарле. Всё это очень подробно описал А.Л. Юрганов в работе «русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма». Он буквально день за днём описал эту дискуссию, описал её итоги, что Панкратова и подобные ей советские многонационалы повели атаку на Тарле, который начал произносить лекции и проводить семинары о том, что вообще-то Российская Империя была прогрессивным явлением, что, скажем, Шамиль отстаивал в борьбе против неё совершенно отсталые ценности и всё в том же духе. Они повели эту последовательную установку на отождествление Советского Союза с Российской Империей, которая, действительно, у академика Тарле развернулась в годы войны в полную мощь. Он решил использовать это окно возможностей, предоставленное речью Сталина, достаточно серьёзно. Сталин тоже, в свою очередь, с этим заигрывал. Он всё рассчитывал, что Тарле напишет трилогию: первый том – о Полтавской битве, второй том – о Бородинской битве и третий том – про Великую Отечественную, где Сталинградская битва и Сталин в роли продолжателя Петра Великого и Кутузова. Тарле с третьим томом всё тянул и тянул, и благополучно дотянул до сталинской смерти. Но он действительно проводил чёткую идеологическую линию на отождествление Российской Империи и её геополитических интересов с СССР, представавший как такая аватара Российской Империи. Вот они столкнулись и, в конечном счёте, Тарле проиграл. Его позиция была осуждена партией в гораздо большей степени, чем позиция Панкратовой. Когда Жданов писал проект постановления, то он написал более русоцентрический вариант. Сталин же его исправил на такой более классический марксистский.

Стало понятно, что сталинская линия и ждановская линия начинают расходиться между собой. Жданов в годы войны провёл такой совершенно уникальный проект как обратное переименование улиц Ленинграда с возвращением им старых названий. Вернулись Невский проспект, Дворцовая площадь и другие. На самом деле, многие не признавали эти советские названия и продолжали употреблять в обиходе старые исконные названия (как, впрочем, и Ленинград называли по привычке Питером). После войны Жданов развернул борьбу против космополитизма, но при этом, что интересно, пытался создать репрессивный механизм, который отличался бы от гэбэшного – он пытался создать т.н. «суды чести» в учреждениях, которые бы занимались моральной проработкой, вместо того, чтобы людей сажали и расстреливали. Это была такая попытка включить адмирсурс вместо кровавого людоедства. Как это всё сочеталось с наскоками на Ахматову и Зощенко? Они, конечно, не

были светочами русского национализма в этом смысле, они воспринимались как представители такого «буржуазного декадентства». Главный мотив Жданова во всём этом – противопоставление здоровой советской народности «упадочному декадентству» Ахматовой, которая «мечется между будуаром и молельней», и Зощенко, который написал роман о фрейдизме. Но, на самом деле, для Жданова эта история с журналами «Звезда» и «Ленинград» была таким тупиком, вилкой в борьбе за власть. Начал этот накат на ленинградский журнал вовсе не он, а он, как куратор Ленинграда и ленинградской элитной группировки, за всё это отвечал, а также и как куратор идеологии. Тема неправильных публикаций в журналах «Звезда» и «Ленинград» грозила перейти лично в аппаратную атаку на самого Жданова и поэтому он начал действовать в логике: если не можешь предотвратить, возглавь. Но при этом, если мы посмотрим на судьбу Ахматовой и Зощенко, то всего через год после этой жесточайшей проработки Зощенко после личного письма Жданову уже публикуется в журнале «Новый мир» с «Партизанскими рассказами», которые у него довольно хорошие. Ахматову тоже, по крайней мере, пока был жив Жданов не трогали. Льва Гумилёва забрали в очередной раз в тюрьму после ждановской смерти. В этом смысле сам по себе доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» никаких административных последствий не имел. Но он как бы был встроен в общую канву ждановской атаки, большая часть которой была направлена как раз против космополитов. Оборонительная ксенофобия была для Жданова определённым оружием.

Но главной задачей было повышение русской субъектности. Жданов стоял во главе очень большого политического клана, куда входил его бывший заместитель Кузнецов, переведённый в Москву на должность секретаря ЦК ВКП(б) и фактически должен был заниматься администрацией. Туда входил также бывший питерец Вознесенский, руководивший советской экономикой и очень любимый Сталиным, глава Госплана и всей системы организации военной экономики, «страшный русопят», как подчёркивает Микоян, который пишет о нём мемуарах довольно неприязненно, что якобы ему Сталин говорил, что Вознесенский «такой русопят, что не то что кавказцев, но и хохлов за людей не считает». Считалось, что Кузнецов и Вознесенский возглавят после смерти Сталина, соответственно, партию и правительство. Там ещё был такой замечательный человек как Родионов, глава правительства РСФСР, который поставил вопрос о повышении роли РСФСР в составе СССР. Жданов его очень активно в этом поддерживал, говоря о необходимости восстановления Русского бюро ЦК, которое занималось бы хоть какими-то русскими делами. Главный пафос ленинградской группировки был в возвращении в рамках Советского Союза русским определённой фактической политической субъектности и превращение РСФСР из донора в доминирующую над всеми остальными республику. Это была вполне справедливая политика для выживания русских в этот период. Но понятное дело, что она не очень могла нравиться самому Сталину, который оставался таким классическим предновиопом. Не нравилось это и людям типа Берии, которые были очень последовательно нацелены на выгоду националов. После смерти Сталина за несколько месяцев Берия, будучи фактическим первым лицом, чуть не распустил СССР. В общем и целом, вскоре оказалось, что эта ждановская группировка основному потоку сталинского контекста абсолютно противоречит, что русские, грубо говоря, слишком много о себе возомнили – начали сочинять гимн РСФСР, говорить и петь всюду про русских героев, начали говорить о том, что должны быть преимущества у русских кадров. И тогда, в 1948 году Жданов отправляется в санаторий лечить сердце и внезапно умирает. Я думаю, что он всё-таки был убит. Когда позднее врач Лидия Тимашук выступила с обращением о неправильном лечении товарища Жданова, которого залечили, то его использовали для антисемитского «дела врачей». Ситуация была такая – реальный факт ликвидации Жданова этими врачами был использован не против реальных заказчиков, каковыми явно были Сталин и Берия, а против исполнителей и всего, что с ними связано. Здесь очень часто у некоторых современных патриотов работает такая логика – что если Сталин в какой-то момент поссорился с евреями, то значит он «наш хороший человек и русский националист». Не всякого антисемита следует считать русским националистом и тем более хорошим человеком – на мой взгляд, это не пересекающиеся между собой общности в примерно 60% случаев.

Итак, Жданова ликвидировали. Почему именно ликвидировали, а не расстреляли, вполне понятно – потому что Сталин был к нему очень сильно лично привязан. После его смерти свою дочь Светлану он выдал за Юрия Жданова, человека, сделавшего довольно яркую вещь – попытавшегося повести

атаку на академика Лысенко и на весь этот его шаманизм. Он заведовал отделом науки ЦК и попытался поставить лысеенковщину под сомнение, но, к сожалению, безуспешно. Освободившись от личного друга, с остальными расправился уже технически. В течение 1949 года все «ленинградцы», за исключением Косыгина, были обвинены, сняты с постов и потом в 1950 году расстреляны. Была проведены огромная чудовищная чистка партии, было выкинуто несколько десятков русских партийных работников, часть из которых была расстреляна, часть посажена, часть просто выброшена из номенклатуры. Всё это достаточно подробно описана в книге Владимира Кузнечевского ««Ленинградское» дело. Советские против русских». Надеюсь, что дальше за ней будут идти более углублённые исследования всего этого сюжета. Но, несомненно, это уничтожение русской группы в партии, которая действительно всерьёз на высоком элитном уровне ставила вопрос о превращении Советского Союза в русское национальное государство, в определённом смысле, на реализацию этой устряловской утопии, было знаковым событием. В последние годы сталинская политика становится всё более антинациональной. Возобновились гонения на Церковь, начались обратные переименования ленинградских улиц, даже тех, которые не переименовали ранее большевики, что осуществлял поставленный на это дело первый секретарь Козлов. Впрочем, хотя бы Невский проспект не тронули. Потом последовал период правления Берии, когда в самом деле Советский Союз едва не был распущен. На эту тему у меня есть статья на «Царьграде». Вообще я всё надеюсь выпустить книгу о русских в XX веке, которую я уже собрал довольно давно. Но за это время столько всего узнал, что мой внутренний перфекционизм не даёт мне её выпустить. А надо бы выпустить, потому что для большинства читателей изложенное там будет самой настоящей сенсацией. Кроме статьи о Жданове есть ещё статья про Берию, где приводится масса примеров бериевской коренизаторской политики. Там доходило до бредятины вроде национальных вооружённых сил республик с отдельной формой.

Хрущёв был человеком национально абстрактно русским, без всякого выраженного национального идеологического понимания. Иногда он интуитивно делал какие-то вещи, русским полезные, например, вернул памятник Нахимову в Севастополе, но при этом Крым вместе с Севастополем был отдан Украинской ССР. Он ликвидировал Карело-Финскую ССР – скорее тогда исходя из соображений лояльности к Финляндии, чем из соображения предотвращения сепаратизма. Это финны тогда боялись, что их могут присоединить к этой союзной республике (собственно, эта республика появилась в результате советско-финской войны 1939 – 1940 года, когда Сталин реально планировал всю Финляндию сделать союзной республикой, но, по итогам, получил только Выборг и Печенгу). Если бы тогда республику не ликвидировали, то в 1991 году это закончилось бы довольно плачевно для России – поскольку независимая Карелия вошла бы в состав Финляндии и Мурманская область стала бы анклавом, в который добираться пришлось бы только по морю или по воздуху (к тому же в Белом море и на Ладожском и Онежском озёрах обязательно появился бы финский военно-морской флот – и сейчас, когда Финляндия стала членом НАТО, это создало бы серьёзную угрозу для нашей страны). Главное преступление Хрущёва против русской традиции – это ведшиеся в течение всего его правления всё более жёсткие гонения на Русскую Православную Церковь. В идеологическом смысле, эти гонения были даже хуже сталинских – священников и архиереев не расстреливали, но пропаганда была абсолютно на уровне «Союза воинствующих безбожников», при этом ещё активно воздействовавшая на появившуюся после войны выученную в новоучреждённых Сталиным вузах советскую техническую интеллигенцию. Из них религиозную идеологию как «немодную» и «непрогрессивную», якобы «не соответствующую эпохе космоса и атома» выбивали очень старательно, так что, действительно, быть религиозным в какой-то момент в хрущёвскую эпоху стало «немодным». Возникло определённое мировоззрение т.н. «шестидесятников», насквозь западническое по своей сути. Библию, по факту, заменили не «Моральным кодексом строителя коммунизма», а Хемингуэем. Сформировался советский «шестидесятник»-западник, который, действительно, был глубоко нецерковен, нетрадиционен и вненационален. Если у него существовала какая-то духовная пустота, то он её замещал, прежде всего, современной ему западной цивилизацией. Кроме того, Хрущёв нанёс ещё довольно крупный добавочный удар по русскому народу. Не верьте россказням коммунистам, что при Сталине была какая-то частная собственность, приусадебные участки, продукцию производили артели, а Хрущёв всё это накрыл. При Сталине тоже преследовали частное предпринимательство, сокращали экономические возможности крестьян в деревне. Была жёсткая

сверхэксплуатация, которая при Хрущёве стала чуть помягче – но при этом он был одержим всем этим утопическим коммунизмом со всеми этими агрогородами. Именно тогда началась подготовка этого ужасного геноцидного акта, который продолжался потом при Брежневе – «О ликвидации неперспективных деревень». После такого, задержавшегося со сталинских лет ждановского национализма, наступила эпоха хрущёвского большевизма 2.0, теперь основанного на идеях физиков и лириков, атома и космоса. Известна фраза про «Гагарин в космос летал, бога не видал!» Однако по Гагарину сразу было видно, что естественный русский верующий человек. Есть видео, где он на приёме встречается со святейшим Патриархом Алексием I – и там прямо вот видно, что тот жест, который подсознательно принимает Гагарин, это жест подхождения под благословение. Есть определённая физическая моторика православного человека, которая выучена. Возможно, что в детстве его мать водила в церковь и там это он усвоил. Но вот именно этого жеста, когда ты полунаклоняешься, ни с чем не спутаешь. Когда он уже при Брежневе выступал за восстановление Храма Христа Спасителя, то все рассказы о его сочувствии к Православию и русскому национализму были абсолютно небеспочвенны. Мы видим это в наглядном языке тела. Когда человек видит Патриарха и всё в нём так подстраивается, что он стремится подойти под благословение. В этом смысле с Гагариным всё предельно чётко. Хрущёвская атеистическая пропаганда, впрочем, не стеснялась откровенно врать людям, к тому же, была крайне омерзительна. Стоит взглянуть на антирелигиозные плакаты. На одном бабка тянет пионерку в церковь, а та рвётся в школу (собственно, вспомним, для чего была создана пионерская организация). На другом священник заводит в храме пластинку на патефоне и будто бы заманивает этим в храм. Даже в моём детстве обрывки этого всего оставались, хотя и не такие безумные, как в хрущёвскую эпоху, когда пропаганда приобретала самые гротескные формы.

***

Всё это закончилось Брежневым, когда пошёл внезапно, стимулируемый сверху, период русского этнического возрождения. В отличие от ждановского периода, спускавшегося с уровня секретариата ЦК ВКП(б), здесь основную функцию взяла на себя русская советская интеллигенция, а партийные товарищи сверху это только уже поддерживали. Это была Русская партия, но не в политическом смысле, а скорее в идеологическом. Есть два прекрасных издания документов и произведений этой Русской партии. Первое – давний сборник, составленный Марком Любомудровым «За алтари и очаги», куда, в частности. включён первый манифест Русской партии, выпущенный в 1965 году – обращение «Берегите святыню нашу!», написанное Валерием Ганичевым и подписанное писателем Леонидом Леоновым, скульптором Сергеем Конёнковым и художником Павлом Кориным, автором совершенно замечательной «Руси уходящей». Второе – сборник «К не нашим», который трудно достать, поскольку он мало у кого есть (мне пересылал фотокопии нужных мне страниц Аркадий Юрьевич Минаков). Он составлен видным деятелем Русской партии Сергеем Семановым вместе с внучкой Валерия Ганичева Анастасией Лотарёвой, в своё время написавшей несколько работ на тему Русской партии (сейчас она, кажется, занимается другими какими-то делами в либеральной журналистике и из этого сектора она ушла – а в феврале 2022 года уехала в Латвию). В сборнике – интереснейшая фактура, в частности, по журнальной полемике этой эпохи с семановскими пояснениями. Есть там и знаменитая яковлевская статья «Против антиисторизма», заточенная против Русской партии. Эти два сборника являются опорными для понимания того, что происходило в эту эпоху с русской партией.

Кто ей покровительствовал – так до конца понять не удалось. Были второстепенные члены Политбюро ЦК КПСС типа Петра Полянского, который точно ей покровительствовал, но этого было недостаточно для её движения. Русскую партию также часто связывали с группой комсомольцев во главе с Александром Шелепиным. Шелепинцы совершенно точно ставили на советский патриотизм, на противостояние с Западом, в чём многие мотивы Русской партии были им близки, но отнюдь не все. Это, всё-таки, была советская история. Но, тем не мене, судя по тому, что основная часть опорных людей Русской партии действовала именно в комсомольских структурах – журнале и издательстве «Молодая Гвардия». Это даже смешно, с учётом того, что на протяжении всей предшествующей эпохи комсомольцы были главными советскими бесенятами и красными дьяволятами. Ещё не давно они

занимались разгромом церквей и травлей верующих на Пасху. Причём, что интересно, и нападки на Церковь, и Её поддержка происходили при одном и том же первом секретаре ВЛКСМ Сергее Павлове, который успел ещё побыть и главой советского спорта в эпоху наших самых знаменитых достижений (первое олимпийское золото в баскетболе, суперсерия в хоккее с Канадой, шахматная корона Анатолия Карпова – между прочим, будучи комсомольцем, он являлся верующим православным человеком и в наше время уже этого не скрывает, к тому же является убеждённым патриотом России) и провести московскую Олимпиаду 1980 года (это является вершиной его деятельности на данном посту). Так что, определённая «крыша» у Русской партии образовалась.

Ей посвящена монография такого либерального исследователя Николая Митрохина «Русская партия: движение русских националистов в СССР 1953 – 1985». Там собрано много материала, но, поскольку автор не очень любит русских и не очень понимает структуру русского вопроса и русской идеологии, материал этот подан очень путано, муторно, с понятным перекосом в сторону всякой грязи и в сторону обсуждения антисемитизма, всяких откровенно маргинальных стукачовых персонажей. В этом смысле, для ознакомления эта монография подходит, но не для понимания – не подходит совершенно. Тем не менее, её важно учесть.

Главной точкой сосредоточения усилий Русской партии было Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), поскольку в обращении «Берегите святыню нашу!» центральное место было уделено именно защите памятников, церквей, исторического наследия. Соответственно, ВООПИиК стал естественной точкой консолидации и приложения сил, это была легальная форма русского национализма – что они тут не про то, чтобы отнять власть у руководства партии и перераспределить экономические потоки, а про то, чтобы сохранять от упадка и разрушения церкви в Суздале и праздновать юбилей Куликовской битвы. После хрущёвских гонений, связанных с варварскими сносами церквей, ВООПИиК в этом плане оказался довольно продуктивным. Много удалось восстановить, спасти от разрушения, хотя далеко не всё, многие проблемы удалось обсудить. Иногда эти обсуждения были весьма и весьма стрёмными, скажем, на Ленинградском телевидении в 1966 году была программа «Литературный вторник», где собрались академик Лихачёв, писатель Солоухин, ещё несколько значимых людей, которые прямо говорили о необходимости бережного отношения к топонимике, о недопустимости грубых советизированных переименований, хвалили писателей-деревенщиков и Солженицына. В результате была жёсткая разборка на уровне ЦК по поводу этой телепередачи. Таких ошибок, конечно, больше не делалось, но это говорило само по себе о том, что русскую тему начали под культурологическим соусом активно прокачивать через советские структуры. Не забудем и о символике. ВООПИиКу удалось буквально всё пропитать русской символикой, она стала хорошим тоном. Среднестатистический обыватель, если он ощущал себя хоть немного этнически русским, вешал на стену календарь либо с Кижами, либо с церковью Покрова на Нерли, которая превратилась в символ русизма, причём, не в том виде, в каком она была построена при Андрее Боголюбском, где тогда было какое-то количество утяжелявших её элементов, а в том виде, в котором её восстановили усилиями Николая Воронина. Если человек хотел показать, что он русский, то именно изображение церкви Покрова на Нерли было символическим обозначением этого.

Среди деятелей ВООПИиК было множество самых разных людей. Вот, например, Виктор Иванов, очень своеобразный писатель, автор скандального романа «Жёлтое золото», абсолютно кавказофобского, про этнические мафии в СССР, который был изъят из всех библиотек. Или, например, академик Борис Рыбаков, человек очень странный, в чём-то достаточно разрушительный, но, несомненно, очень националистически настроенный, очень последовательно находившийся в русской теме, просто он ей, на мой взгляд, нанёс больше вреда тем, что придумал мнимое славянское язычество и, собственно, без него этого неязыческого долбославия, несомненно, у нас не было бы, либо оно было бы гораздо слабее. А то он создал прямо целую фэнтези. Или вот академик Дмитрий Лихачёв, Лихачёв который был одним из крупных деятелей гуманитарного крыла ещё ждановской эпохи и свою деятельность на русском направлении впоследствии также продолжал. Тут и писатель Валентин Распутин, выдающийся псковский реставратор Савва Ямщиков, директор заповедника в Михайловском Семён Гейченко – это всё значимые фигуры. Официальной «крышей» был академик

Игорь Петрянов-Соколов, один из лидеров и основателей ВООПИиК, известный химик, Герой Социалистического труда, так что общество довольно удобно существовало.

Если говорить о деятелях культуры, то огромную роль в этом играл замечательный русский композитор Георгий Васильевич Свиридов. Обязательно нужно прочесть его книгу «Музыка как судьба». Это и размышления о музыке, и о русской культуре, и о русском национальном начале одного из величайших композиторов XX века и, пожалуй, самого русского, идейно русского композитора XX века, который попытался отразить в своём творчестве саму сущность русской эстетики, в частности, русской песни. Несомненно, его «Тройка» это самая настоящая музыкальная икона России. В отличие от многих других творческих людей Свиридов был ещё очень думающим человеком и в его дневниках эти мысли русского человека очень хорошо отразились, поэтому это один из опорных текстов русского национального канона. А он делал, конечно, удивительные вещи. Ещё в 1950-е годы Свиридов выпустил «Поэму памяти Сергея Есенина», где, например, проводилась конкретно антиколхозная тема, хотя Есенин умер до колхозов, но, тем не менее, это прямо читалось – русская крестьянская тема в 1950-е годы однозначно на это всё намекала. Потом была аналогичная поэма «Деревянная Русь». Когда его свергали с должности главы Союза композиторов России, то всякие питерские формалисты известного происхождения говорили между собой в поезде: «Мы едем кончать «Деревянную Русь!»» Иногда Свиридов делал просто совсем хулиганские вещи, например, в поэтическую ораторию по Маяковскому воткнул в главу, посвящённую рассказу о бегстве Врангеля, где она просто подаётся как Исход. Основной мотив этой части оратории – «Ныне отпущаеши». Понятно кого – русских белых воинов во главе с самим генералом Врангелем. И вот советские вожди аплодировали этой оратории с «Ныне отпущаеши» и героическим Врангелем. Но, в принципе, этому не очень следует удивляться, потому что потом, под влиянием Русской партии, в конце 1960-х – в 1970-е появляются положительные образы белогвардейцев в фильмах на революционную тематику, они становились всё более и более благородными, изысканными и аристократичными (притом, что в реальности большинство офицеров Белой армии были людьми абсолютно не дворянского и тем более не аристократического происхождения). Белый офицер пел с экранов песню про русское поле и воплощал в себе те идеальные качества, которые традиционно были присущи русскому офицеру. При Брежневе всего этого красного неокоммунячества в отношении гражданской войны практически не было. Появился даже определённый культ белой эмиграции и белоэмигрантов, что вот они на свой манер любят Россию. В 1962 году в СССР приезжал Игорь Стравинский и это был настоящий фурор. Да и многих других были вполне рады видеть. Тот же Брежнев был, по имеющимся сведениям, согласно своим высказываниям крипто-монархистом. О коммунизме он говорил так – «царя свергли, нужна же народу хоть какая-то идея», а главное – просто дать людям нормально, по-человечески пожить. Министр внутренних дел Щёлоков сочувствовал Солженицыну и помогал ему работать над «Августом 14-го», благословил Гелия Рябова и оказал ему организационную поддержку в поисках царских останков. В общем, постепенно, как раз такая атмосфера врастания компартии в русскость, а русскости – в компартию, шла, но только для части советской элиты. Другая, которую возглавлял во многом Суслов, но важную роль играл шеф КГБ Андропов, старалась это всё по мере сил гнобить.

Кто играл крупную роль в Русской партии? Первым назовём имя Валерия Ганичева, заместителя главного редактора журнала «Молодая Гвардия» и руководителя издательства «Молодая Гвардия», главного редактора «Комсомольской правды». На каждом из этих постов он последовательно продвигал русскую тему, конечно, в очень лояльных форматах. По сути он был очень талантливый медиа-менеджер. Понятное дело, что он был писателем, очеркистом, к тому же сыграл решающую роль в канонизации Фёдора Ушакова уже в наши дни. К тому же, с 1994 по 2018 годы он возглавлял Союз писателей России. Но прежде всего, конечно, он был медиа-менеджер и социальный менеджер. Это очень важная функция. Когда такого человека нет, то всё развивается гораздо хуже и очень таких людей не хватает. Вот Ганичев действительно был таким опорным организатором Русской партии во всех её проявлениях – организовывал публикации, всевозможные, говоря современным языком, «ивенты», сводил между собой людей. Понятное дело, что он играл на абсолютно официальном поле, то есть не диссидентствовал вообще никак, но, тем не менее, вот эти структурные вещи он делал. «Молодая Гвардия» была одним из крупнейших вообще тогда советских издательств и за счёт

политики внутри него, а к нему относилась, как известно, серия «Жизнь замечательных людей», можно было публиковать, например, книги о Сергее Тимофеевиче Аксакове (о сыновьях ещё пока было нельзя), как это сделал Михаил Лобанов. Можно было подавать Брусилова как правильного русского генерала, который, в итоге, пошёл служить Советской власти – но главное, что он, всё же, прежде всего, царский генерал (это уже работа Сергея Семанова). Именно в «Молодой гвардии» вышла библия для детей моего поколения – «Книга будущих командиров» Анатолия Митяева, где русская тема очень ярко, последовательно и очень глубоко проведена. Такой реальный прорыв, который сделал в этом смысле Ганичев, заслуживает особого внимания.

Главным органом этого комсомольского русизма до 1970 года был журнал «Молодая Гвардия». Это был очень патриотичный, русский и неославянофильский журнал, который возглавлял Анатолий Никонов, человек, который идеологически очень накачивал главу комсомола Сергея Павлова, а заместителем у него был как раз Ганичев. В эту опорную тусовку входил также Сергей Семанов, тоже очень интересный человек. Были опубликованы его дневники в журнале «Вопросы национализма» с его размышлениями. Он потом, в какой-то момент, ушёл тоже в некоторый национал-сталинизм, но, в целом, его деятельность тоже была всегда последовательно глубоко русской. Его наследие сохраняет и пропагандирует его дочь Мария Фомина, с которой я хорошо знаком, замечательная исследовательница-культуролог. Семанов сыграл большую роль в сохранении наследия и памяти о Русской партии. Он издал уже упоминавшийся сборник «К не нашим», в книгах об Андропове и Брежневе прилагал посвящённые этой теме документы –это очень важно, потому что было создано много мифологических построений. Например, есть такой автор Байбушев, который себя подаёт чуть ли ни как советника Суслова и выдумывает какую-то совершенную фэнтези откровенно про Русскую партию. Там так перепутаны правда и неправда, что отслоить одно от другого оказывается практически нереально.

Огромную роль в Русской партии также играли художник Илья Глазунов и писатель Владимир Солоухин, причём, они были важны ещё тем, что они были наиболее последовательными антисоветчиками. В целом, Русская партия металась между сталинизмом и антисталинизмом, между сталинизмом и национал-сталинизмом, скажем, у Семанова была такая позиция «с белогвардейцами против Бланка (вместо Ленина), но те, кто восстаёт против Иосифа Виссарионовича – они уже сами бунтовщики и подрыватели». Поскольку диссидентская общественность действительно подрывала государство и страну, соответственно, то этот неосталинизм начинали воспринимать как форму национализма и державности. И вот от этого Глазунов и Солоухин были, в значительной степени, свободны. Они чётко ориентировались на белых, они оба очень любили Солженицына, активно распространяли его тексты среди своего окружения в Москве, Глазунов, пользуясь тем, что его репутация сверхзнаменитого художника делала его сравнительно защищённым от КГБ, всем давал его почитать. Иногда он устраивал настоящие скандалы и перформансы, например, когда он в свою картину «Двадцатый век» включил портрет Солженицына и его героини Матрёны. Причём это всё должно было состояться на советской выставке – то есть, им велась настоящая пропаганда русскости через искусство. Есть книга Солоухина про иконы «Чёрные доски», а также «Письма из Русского музея», которые для выработки у людей национальной идентичности сыграли просто огромную решающую роль.

Комсомольский фланг Русской партии был разгромлен вместе с падением комсомольской группировки в конце 1960-х, которую Брежнев переиграл, хотя там была разогнана и откровенно антинациональная группировка с Яковлевым – после того, как он опубликовал статью с совершенно русофобскими нападками «Против антиисторизма», его отослали послом в Канаду. После этого главным сосредоточением Русской партии стал журнал «Наш современник». Его линия несколько отличалась от молодогвардейской – там главную роль начали играть деревенщики, а с другой стороны – Вадим Кожинов. Деревенщики – это Белов, Распутин и другие. «Наш Современник», в большей степени, чем «Молодая Гвардия», которой дали по шапке за попытку восстановить немножко русскости и имперского консерватизма, ограничилась, преимущественно, крестьянской темой. Постоянной темой «Нашего Современника» было Нечерноземье – как псевдоним коренной России. И

эта тема, соответственно, обсуждалась там из номера в номер. Там публиковались «Лад» Белова, роман Чивилихина «Память», рассказы Шукшина, повести Распутина и много чего ещё. Собственно, потому уже, в перестройку, «Наш Современник» стал опорным журналом русских националистов, к сожалению, тоже съехавших, в значительной степени, в национал-сталинизм. Такую линию задал в журнале выходец опять же из «Молодой Гвардии», вологжанин Сергей Викулов, которому и принадлежала мысль о том, чтобы превратить некогда заурядный журнал с дешёвым чтивом в орган, где бы печатались талантливые писатели из провинции и где бы чётко проводилась русская тема. Он полностью сменил состав редколлегии, привлёк многих действительно талантливых русских авторов и сделал журнал тем, каким он нам известен. На волне перестройки его сменит Станислав Куняев, в журнале будут публиковаться произведения Солженицына (с протестом против этого редколлегию покинул Юрий Бондарев), а также на обложке появилось в качестве эмблемы, узнаваемой всеми, изображение памятника Минину и Пожарскому.

В эту эпоху имелись очень любопытные коллизии, вроде войны либерального «Нового мира» Твардовского и всё той же «Молодой Гвардии». Про это я написал статью, вышедшую в «Тетрадях по консерватизму», под названием «Двенадцатый к «Письму одиннадцати». Солженицын и «Русская партия»: аспекты идеологического соседства». Эта статья также находится на портале «Русская Идея». Базовый сюжет, который там описан, следующий. В то время был такой заметный публицист Виктор Чалмаев, ныне здравствующий. Он опубликовал в «Молодой Гвардии» несколько программных текстов, из которых самым программным был «Неизбежность», которые выражали позицию такого сформировавшегося вокруг ВООПИиКа «Русского клуба». Он там сформулировал идею, что у России – особый путь некрасовского Саврасушки. И вот, русский народ идёт через века, через тысячелетия, его ведут цари и патриархи, его задача – уберечься от американизма, который тянет к духовной пошлости. Задача крестьян – отдать долги деревне так, чтобы всё не сводилось к сельскому клубу, сельпо, рублю и шиферным крышам. Всё это, на самом деле, имело конкретный контекст – это был выпад против программы по ликвидации «неперспективных деревень». Это был, на само деле, если смотреть из 1969 года, отмороженно смелый текст вплоть до того, что там цитировался Аввакум: «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана, да очервлянит ее кровью мученической». В общем, любому не тупому человеку сразу было понятно, что имеется ввиду и о чём здесь говорится. На само деле, статья была достаточно смелая. И, разумеется, на неё началась массовая коллективная атака через всю советскую прессу, через Чалмаева били Русскую партию в целом. Во всё это вписался «Новый мир» со статьёй тамошнего критика Александра Дементьева, который откровенно такую комсомольскую, в духе 20-х годов, пургу прогнал, абсолютно русофобскую, причём настолько, что это вызвало протест писателей-совпатриотов (среди которых были вышеупомянутые Викулов и Чивилихин, а также главный редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев и писатели Анатолий Иванов и Сергей Смирнов), опубликованный в журнале «Огонёк» (его редактором тогда был советский консерватор Анатолий Софронов) и, в итоге, этот протест привёл к тому, что редакцию «Нового мира» во главе с Твардовским разогнали. Правда, та же судьба постигла и редакцию «Молодой Гвардии». Никонов был уволен, как и Твардовский. Наши либералы любят долго рассказывать про увольнение второго, а вот про увольнение первого говорится гораздо меньше. На самом деле, отзвуки статьи Чалмаева шли несколько лет кряду, о чём, собственно, я подробно и написал в своей статье на данную тему. В частности, в этой связи, выяснилась интересная вещь – то, что Солженицын, несмотря на то, что всем своим бэкграундом принадлежал к партии «Нового мира», тем не менее, не мог их поддержать в этой ситуации, поскольку Чалмаев почти во всём был прав. Они старался сказать, что вот, какой-то тёмный публицист, что-то там выразил, но, по сути-то, он, конечно, прав. Чалмаев обиды не затаил – и, в итоге, оказалось, что в 1990-е он выпустил первую биографию Солженицына в России «Александр Солженицын. Судьба и творчество». Он, к тому же, оказался достаточно активным автором – его авторству ещё, ко всему, принадлежит учебник русской литературы для 11 класса в рамках одного из ФГОСов «Инновационная школа». Причём, учебник такой, прямо скажем, очень патриотичный. Так что, «не стареют душой ветераны». Выяснилось, что Солженицын и Русская партия, притом, что они всё время существовали в параллельном пространстве и практически никак не дружили, на самом деле, находятся на очень сходных позициях.

Теперь обратимся к писателям-деревенщикам. Если этот вокруг-ганичевский «Русский клуб» апеллировал к такому классическому русскому национальному патриотизму в той степени, в которой его можно было приспособить к советской цензуре, то появилось ещё целое течение писателей-деревенщиков. Можно отметить три фигуры – Василия Белова, Валентина Распутина и Виктора Крупина. Самыми выдающимися фигурами были первые два. Рядом с ними был Фёдор Абрамов, умерший, к сожалению, слишком рано, чтобы его взгляды, тоже довольно глубоко прорусские и просолженицынские, стали достоянием общественности. Но на портале дневников «Прожито» можно прочитать дневник Фёдора Абрамова за 1970-е – начало 1980-х годов, там абсолютно видно, что он совершенно тех же взглядов. Здесь и Василий Шукшин, опять же слишком рано умерший.

Варламов в своей ЖЗЛоской биографии Шукшина приводит данные, что он был абсолютно критически настроен к советской власти, не стеснялся её критиковать в близком кругу. Его взгляды, конечно, не были какими-то особо чёткими и структурированными, но мыслил он достаточно свободно, хотя и мог, например, высказывать своё восхищение личностью Ленина. Однозначно тема коллективизации и гибели русской деревни задевала его за живое. Также отмечается, что он много читал, причём, также самиздат и тамиздат. Одним из его близких друзей, с которым у них было немало общего, был как раз Василий Белов. Отмечается также, что у них взгляды имели одно различие: если у Шукшина была склонность к какому-то стихийному анархизму, поэтому он так был восхищён личностью Степана Разина, о котором мечтал снять фильм, тогда как Белов был убеждённым государственником и эти взгляды и симпатии к Стеньке у своего друга критиковал.

В общем и целом, писатели-деревенщики, прежде всего, на законных основаниях говорили о русском этническом начале, которое сохранилось в русской деревне, прежде всего. в северорусской или сибирской. Говорили о том, что уничтожение традиционного русского быта в связи с кампанией уничтожения «неперспективных деревень» недопустимо и оно разрушительно для страны, народа и духовного здоровья нации. Они противостояли всевозможным безумным для экологии проектам, начиная от каскада ГЭС на Ангаре, чему посвящена повесть «Прощание с Матёрой» Распутина что, к сожалению, остановить не удалось, до «поворота северных рек», который, достаточно жёстко выступая против него, сумели дискредитировать и не допустить.

Самым значительным идеологическим документом в этом смысле является книга Василия Ивановича Белова «Лад. Очерки о народной эстетике». Это такое последовательное, идеализированное, отчасти утопизированное представление о крестьянском традиционном быте, в котором вообще нет ничего советского и революционного. То есть самый подрывной ход беловского «Лада» – это то, что в нём вообще нет советской власти. Причём, если в романах его она есть как такая разрушительная достаточная сила – например, его трилогия из романов «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый», посвящённая временам коллективизации, фактического уничтожения русской деревни в сталинскую эпоху, то в «Ладе» её просто как таковой нет. И вот он рисует последовательно такую красивую крестьянскую утопию – труд, жизнь в соответствии с природой, естественная красота. Это, конечно, такой руссоизм в терминологии моего противопоставления консервативного руссоизма и бёркианства, но он настолько захватывающий, настолько затягивающий, что, конечно, одна из опорных книг для всего русского национального сознания. Она действительно очень важная. Я вообще не люблю этот наш неонационализм, идущий от Галковского, который говорит, что «вот, мы городские националисты, вся эта деревня, все эти лапти, всё это нам абсолютно чуждо», я вот этого всего совершенно не понимаю. Любой национализм, до некоторой степени, связан с культом деревни, если он этнический. Если же он не этнический, а чисто гражданский, то тогда да, он может без деревни обойтись и даже восхвалять раскрестьянивание. Но если русский имеет хоть какой-то этнический, природный, биологический смысл, то нам без крестьянского начала всё равно не обойтись. Всё равно какие-то первичные практики, связанные с контактом с землёй, для нас абсолютно необходимы. Я очень рад, и это больше любых других аспектов позднесоветского бытия повлияло на моё национальное сознание, что, всё-таки, мы до 15 лет каждое лето проводили в деревне – той самой, откуда мы родом и откуда у нас корни. Вот этот вот дух корней. Если помните, в 1920-е – 1930-е годы советская власть проводила насильственную коренизацию, когда людей заставляли считать, что их

корни украинские или белорусские, или же какие-то ещё. А вот в 1960-е – 1970-е годы пошла такая добровольная, на общественных началах, коренизация русских. Конечно, в этом смысле деревенщики были абсолютно аутентичным для этого явлением. Скажем, моей бабушке, которая, ну прямо скажем, читала немного, «Плотницкие рассказы» Белова очень-очень нравились. А это история о противостоянии большевистского и народно-кулацкого начала в деревне. Для нас это всё семейно было очень близко. Миссия деревенщиков была в этом смысле очень огромной и очень важной, это была такая последовательная русская коренизация.

Ещё одной крупной, очень важной и очень сложной фигурой в русской партии был Вадим Валерианович Кожинов. Это был очень яркий литературный критик, человек, который умел извлекать на Свет Божий таланты и их раскручивать, например, как он нашёл и раскрутил Николая Рубцова, сделав из него первоклассную величину в русской поэзии. Он и ещё нескольких поэтов так же пытался раскрутить, хотя с меньшим успехом. Он выдающийся тютчевовед, автор его ЖЗЛовской биографии, прекрасный знаток русской литературы. Он последовательно эту идеологию Русской партии соединял и объединял, в какие-то чёткие поэтические формы она у него выливалась. Но только, к сожалению, именно за счёт таланта Кожинова, он её всё больше и больше искажал. Издаются его книги даже, скажем, под названием «Основы национализма». Он действительно очень много говорил о русских, о русском национализме, но у него при этом он получал какой-то странный расплывчатый характер – например, он утверждал, что, поскольку русские это «прилагательное», странное из уст русского мыслителя повторение русофобского мема, то, соответственно, у русских национальное сознание недостаточно определено, оно скорее цивилизационное, чем национально-этническое. Но самый большой вред Кожинов, конечно, нанёс последовательной апологетикой 1937 года – он был одним из главных творцов мифа о том, что 1937 год был «очищением» элиты от известных персонажей типа Зиновьева и Каменева, от этой еврейско-русофобской элиты, раннебольшевистской, а то, что там были всякие сопутствующие смерти, из которых он, почему-то, больше всего сосредотачивался на гибели Мандельштама – выходило так, словно его «за еврейство загребли», а то, что он высоко его ценит именно как человека, протестовавшего против коллективизации. Кожинов заложил в наш национал-сталинизм, пожалуй, самый крупный и самый увесистый камень. И это такой его грех, очень и очень серьёзный, потому что это, в итоге, дошло до издания под его именем книг под названиями, типа «Правда сталинских репрессий», хотя, конечно, никогда он такой формулы сам не использовал. В его извинение можно сказать, конечно, то, что всё это им делалось в 1990-е годы, когда национал-сталинизм был формой противостояния нашему космополитическому либерализму реформаторов-русофобов, то есть, назло им восхваляли товарища Сталина. Сейчас, когда это превратилось в инструмент, прежде всего, жёсткой и агрессивной русофобии со стороны неокоммунистов, то они активно пользуются Кожиновым и это весьма и весьма печально. В начале 2000-х мне самому, начинающему русскому националисту, большинство текстов Кожинова всё-таки нравились. Очень важную роль он сыграл в реабилитации черносотенства как идеи и политического направления, они выпускал об этом книги и статьи. То есть черносотенная монархическая идея как выражение главной правды эпохи реставрирована Кожиновым и очищена от соответствующих газетных ярлыков весьма последовательно. За это ему несомненно спасибо. Ещё один отрицательный аспект был в том, что он начал продвигать достаточно агрессивную идею гумилёвского евразийства. Он был одним из тех людей, который поддержал Гумилёва, его теории и опять же начал их поддерживать в таком несколько антинациональном контексте. Понятно, чем они его привлекли – антизападничеством, но, тем не менее, некий пафос гумилёвского антинационализма, евразийства, монголизма уже в 1980 году, когда праздновалось 600-летие Куликовской битвы, в кожиновских работах довольно последовательно проводился.

Ещё несколько человек, таких вот, что называется, очень парадоксальных и поразительных. Например, Владимир Осипов – многолетний сиделец, многолетний страдалец за Русскую идею, человек, которого советская власть практически не выпускала из тюрем и лагерей. Он выходил – его сажали ещё раз, потом ещё раз. Притом, что, в общем и целом, он представлял позицию такого достаточно сдержанного по отношению к советской власти православного русского национализма. Нельзя сказать, что он был агрессивным антисоветчиком, наоборот, даже Солженицын попрекал

издававшийся Осиповым журнал «Вече», что они пишут слово Бог с маленькой буквы, а правительство – с большой. Но, тем не менее, тот пафос православной приверженности основным русским началам и русской православной цивилизации был достаточен для того, чтобы Осипова сажать раз за разом. В этом смысле я обязательно советую почитать его книгу «Корень нации. Записки русофила». Это такая его автобиография о том, что он думал, как сидел, с кем разговаривал. 20 октября 2020 года его не стало – он стал одной из жертв ковида. Он был такой очень светлый, очень удивительный тип настоящего русского страдальца за правду. В этом смысле, может быть, Владимир Осипов не оказал огромного влияния как писатель, как публицист, как идеолог, хотя журнал «Вече» для своего времени был очень значимым органом самиздата. Но сами его страдания, крестный путь, десятилетие за десятилетием, останутся в памяти надолго. Был на этом фланге более спорный персонаж такой Геннадий Шиманов, очень такой яркий национал-коммунист, очень яркий антизападник, очень последовательный достаточно антисемит, постоянный борец с кругом отца Александра Меня. Шиманова обычно любят приводить всякие такие русофобские исследователи русского национализма – «а вот, на самом деле они думают то-то и то-то». Так была такая совершенная дичь на тему «Красной Империи», которая противостоит замыслам мировой еврейской олигархии. Но как оригинальное лицо политического пейзажа, тем более, что его тоже сажали, бросали в психушку – как не странно, но КГБ считало необходимым с ним очень активно бороться. Так что Шиманов тоже имеет своё место в этой истории.

Ещё был такой приметной фигурой Владимир Алексеевич Чивилихин. Он остался в истории как создатель романа-мема «Память» – именно в его честь нарекло себя в годы перестройки патриотическое общество, игравшее тоже какую-то странную и двусмысленную роль. В принципе, это был такой представитель классического советского официоза – сами понимаете: 1985 год, «Роман-газета», миллионные тиражи (к тому времени, правда, он уже год как скончался). Стоит напомнить тот факт, что он был одним из подписантов «письма одиннадцати». Понятное дело, что это был человек не из оппозиционной среды. В романе «Память» много откровенно советского, воспевания всяких декабристов. Но его интересная черта, которая имеет для нас значение в этой связи, заключается в том, что он выступил категорическим и жёстким критиком Гумилёва. Всей этой татарофилии Чивилихин противопоставил достаточно жёсткие главы романа о том, как жгли Рязань, жгли другие русские города, какой ужас несли с собой эти монгольские нашествия для русских столетие за столетием. И вот этот аспект его идеологии до сих пор очень важен и значим, потому что эта гумилёвская монголофилия и номадофилия по-прежнему у нас очень воспроизводится, раз за разом. К этому аспекту произведений Чивилихина будут обращаться ещё не раз.

***

Огромная фигура Александра Исаевича Солженицына – если бы я говорил о нём всё, что надо, и всё, что следует сказать, то это была бы одна отдельная лекция примерно такого же объёма, как эта, если не больше. Но какие-то основные вещи о Солженицыне нужно понимать. Я отошлю вас к нескольким своим работам для лучшего понимания моих взглядов на него. Если вы вообще ничего не знаете о Солженицыне и то, что я о нём думаю, то есть короткая статья из журнала «Свой» под названием «Сто лет вместе». Это, так сказать, Солженицын-briefly. Это самое главное, что надо знать русским о Солженицыне, как о национальном идеологе. Если же хотите больших подробностей, то открывайте декабрьский номер 2018 года журнала «Новый мир» или же мою книгу «Рцы слово твердо» и читайте моё эссе «Улица Солженицына». Если вы хотите совсем всерьёз, уже по-научному разобраться в этой теме, то, соответственно, читайте три моих статьи на эту тему в «Тетрадях по консерватизму». У них, кстати, есть выпуск, посвящённый персонально Солженицыну, который следует прочесть от корки до корки. Но отмечу, прежде всего. свои тексты, поскольку считаю, что в интерпретации Солженицына я сделал что-то такое, чего никто не делал ранее, потому что все ехали в кругу привычных кричалок и формулировок. Первая моя статья «Поминки по полупросвещению. «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына», посвящённая тому, как появилось на свет солженицынское понятие «образованщина», как оно связано с полемикой с русофобом в начале 1970-х годов. Вторая статья, продолжение большого труда «Идеология Солженицына», под названием «Старый порядок и

реставрация. Идеология Солженицына в координатах анти-Просвещения», где я, собственно, объясняю, в чём именно была основная солженицынская идея и каким именно образом он последовательно придерживался этой идеи. Сначала он уговаривал советских вождей изолироваться от Запада, а потом уговаривал уже Запад как можно более жёстко вести политику к Советскому Союзу и не допускать никакой «разрядки». Никакой приписываемой ему неокоммунистами глупости, типа «бомбить ядерными боеголовками Советский Союз», Солженицын, конечно же, не говорил. Но он занимал жёсткую ястребиную позицию и надо понимать, почему. И я это как раз в данной работе объясняю, с чем это было связано. Обе эти статьи были опубликованы мной под названием «Идеология Солженицына» на сайте «100 книг». Третья статья – это та, о которой я же говорил выше: «Двенадцатый к «Письму одиннадцати». Солженицын и «Русская партия»: аспекты идеологического соседства», посвящённая сходствам и различиям Солженицына и Русской партии. Мне бы надо, по-хорошему, всё это собрать в одну большую книгу о Солженицыне, но для этого опять же нужно сделать много всякой работы, а когда – не очень понятно. К сожалению, у наших идеологических противников на очернительские антисолженицынские вещи время находятся, как и средства и возможности.

Главное, что нужно понимать о Солженицыне – это, прежде всего, то, что он не был просто антикоммунистом. Люди, которые считают, что Солженицын был фанатичным антикоммунистом, ошибаются. Он был не антикоммунистом, он был антипросвещенцем. То есть, в этом смысле, он один из самых фундаментальных консервативных идеологов в русской истории, причём, с учётом ещё всемирной известности и писательского таланта, можно сказать, что даже самым главным. По совокупности культурно-антологического веса никого, главнее Солженицына, в этом смысле нет, поскольку Достоевский, наверное, более великий писатель, чем Солженицын, но, при этом, как политический идеолог он совсем нечёткий, он всё-таки импрессионист. Тогда как Солженицын, именно что, чёткий политический идеолог, то есть его последовательно читаешь и понимаешь всё, что он хочет сказать и понимаешь железную связку тех принципов, которые он отстаивает. Сущность идеологии Солженицына состоит в анти-Просвещении, в последовательном неприятии всего просвещенческого проекта как он идёт от энциклопедистов, от Руссо, от якобинцев, от большевиков – причём, относительно сопоставления якобинцев с большевиками у него есть специальная работа «Черты двух революций», где производится это самое сопоставление. Он всегда был большой сторонник параллелей между Вандеей и Тамбовским восстанием, открывал в Вандее памятник, поставленный Филиппом де Вилье, его знаменитым французским учеником-консерватором. То есть в основе солженицынской идеологии лежит неприятие, в принципе, того, что он называет «орбитальным путём». Слишком высокая духовность Средневековья толкнула к слишком высокой материализации человеческого сознания эпохи Ренессанса – и дальше пошло нарезание кругов: Ренессанс, Реформация, Просвещение, революция, разделение просвещенческого проекта на два – левый коммунистический и правый либеральный – и, соответственно, неолиберализм современного Запада, который Солженицын отвергает не менее решительно, чем коммунизм, поскольку для него это всё одна идеология и для него это всё один враг. Фактически для него коммунизм и либерализм выступают как два крыла масштабного просвещенческого проекта, который уводит человека от Бога.

Соответственно, в основе солженицынского политического проекта лежит стремление не допустить самого страшного, что, по его мнению, может произойти. <…> а это самое страшное <…> единое целое, когда и коммунизм, и либерализм найдут такую промежуточную форму сосуществования, в которой объединятся их худшие черты – западный культ, культ материального потребления и коммунистическая антицерковность, антирелигиозность и антиправославие, то есть всё то плохое, что есть в коммунистическом проекте наложится на всё то плохое, что есть в западном проекте. Ни в коем случае нельзя вот этим частям магнита дать слепиться вместе. Поэтому не случайно Солженицын начинает вообще свою публицистическую деятельность с того, что пишет жёсткую статью «На возврате дыхания и сознания» – нельзя сказать, что прямо совсем жёсткий, всё-таки это такое междиссидентское дружелюбие, но всё-таки очень чёткий ответ академику Сахарову, который, напротив, был главным идеологом вот этой конвергенции. Сахаров считал, что нужно «отбросить крайности, с одной стороны, всякого франкизма, а с другой стороны крайности сталинизма», то есть

покончить с правыми христианами и с левыми ультра-коммунистами – и в некотором таком социал-демократическом компоте слиться под властью «очень интеллигентного всемирного правительства», уничтожив при этом нации, государства, освободившись от «гнёта религии», интернационализовав экономику. Солженицын всё это прочёл. Они с Сахаровым к тому моменту, в 1967 году, были уже двумя такими первостатейными «звёздами» противостоящего советскому официозу диссидентского потока. И он пишет статью «На возврате дыхания и сознания» о том, что это вообще абсолютно неприемлемо, что нации – это основы человеческого существования, что от конвергенции будет только хуже, что соединятся худшие черты и – прямо эта мысль не высказана, но чувствуется у него подспудно – после этого Россия вообще уже не оклемается никогда и к своей прежней традиции не вернётся, что вот «вы говорите, что демократия», но, на самом деле, если посмотреть, здесь он, наверное, не читав, в это время Ильина, очень близко соприкасается с Ильиным (потом он, конечно, Ильина читал и тот на него сильное влияние оказал), что, на самом деле, давайте посмотрим на мировую историю. Большую часть исторических эпох везде был авторитарный строй – и ничего, люди как-то жили, размножались, не выродились. Нигде не доказано, что либеральные демократии являются самым эффективным строем человеческой истории, а их не так уж много существует, чтобы можно было утверждать этот тезис. Поэтому давайте лучше, может быть, обратимся к национальному авторитаризму, основанному на принципах русской цивилизации, на духовно-религиозном принципе, на важном принципе, который Солженицын тоже вводит – принципе самоограничения, противопоставляемом им безудержному потреблению, которое он не приемлет и в Западе, и в официальной коммунистической модели. Потому что на самом деле уже смешно то, что при всём жутком дефиците и периодическом голоде, в теории советское общество было абсолютно потребительским, а уж при Брежневе оно, в этом смысле, стало совсем потребительским, потому что там удовлетворение первоочередных нужд трудящихся стало фактически единственной идеологической доминантой благодаря Леониду Ильичу. Но, за счёт этого, у многих остались самые тёплые воспоминания о его эпохе, но, тем не менее, это была такая попытка «если не коня в шампанском искупаем, так давайте хоть кошку пивом обольём» - такой была попытка воспроизвести западное потребительское общество в СССР. Солженицын этому противопоставляет идеологию самоограничения.

При этом он же начинает первую полемику с этой интеллигентской русофобией уже такого диссидентского образца. Значительная часть его статьи «Раскаяние и самоограничение» посвящена полемике с таким русофобским сборником «Метанойя», где говорится о том, что вот это вот Россия породила коммунизм, что на западе он был, может быть, и хороший, а вот Россия со своим мессианским духом породила весь этот ужас. Собственно, один из основных принципов статьи Солженицына и позднейшей «Русофобии» Шафаревича – чётко запретить отождествление русской национальной идеи с коммунизмом, что коммунизм не является реализацией этой русской национальной идеи ни в коем разе. Ещё один очень важный аспект солженицынского взгляда – национал-изоляционизм. В эпоху, когда холодная война вела к разрядке и всё большему совокуплению взасос Советов и Запада, что выражалось и в потоке импорта, в постоянных встречах Брежнева с Никсоном, Помпиду и Брандтом, Союз-Аполлон на орбите, всевозможные спортивные матчи – сегодня мы с канадцами, завтра канадцы с нами. И всё это – параллельно с холодной войной, которая тоже такая форма дружбы-вражды. Солженицын говорил: «Надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом, пока мы в таком беспорядке и потерянности». Надо заняться собой, у нас деревня пришла в упадок, у нас вся Сибирь и Дальний Восток стоят необустроенные – поэтому надо лучше заниматься собой, а не вот этой холодной войной, которая, по сути, для нас является агентом глобализации, вот это очень важный мотив, что он даёт чётко понять и интерпретировать советскую холодную войну не как противостояние Западу, а именно как одну из форм глобализации, каковой она, несомненно, и была. Основные мотивы Солженицына, ещё когда он находится в СССР – это попытки каким-то образом вытолкнуть Советский Союз в почвенническое измерение вот этого самого занятия собой, своими делами из этих вот, казавшихся тогда совершенно неизбежными, лап конвергенции, то есть, не дать Советской России стать «Советским Западом». И, в общем, это было реализовано. Основной манифест данной идеи – это знаменитое «Письмо вождям Советского Союза». Причём интересно, что там есть некоторые моменты, которые были

парадоксальным образом реализованы в советской политике уже после высылки Солженицына – то есть, понимайте как хотите, либо у него были какие-то источники в советских верхах, типа Щёлокова, говорившие, что есть такие положительные тенденции и если их отразить, то письмо будет более доходчивым. Он пишет про освоение Дальнего Востока, необходимость строительства БАМа, которую подчёркивает со ссылкой на Столыпина, про необходимость заниматься Нечерноземьем, то есть коренной Россией. И вскоре после этого начинаются один за другим пленумы ЦК КПСС по делам Нечерноземья, крестьянам начинают платить гораздо больше денег – правда, это единственное, что советская власть могла Нечерноземью тогда дать, но хоть так.

Основная идея Солженицына в этом тексте – оставьте коммунизм Китаю, с которым всё равно придётся воевать, обратитесь к русским национальным началам, оставьте власть в Политбюро как власть, осуществляемую от имени этих русских национальных начал и правьте дальше. Но уже не во имя коммунизма-марксизма-ленинизма, а во имя Православия и русской народности. То есть – перестаньте конвергироваться с Западом и отвернитесь от него как можно дальше. В принципе, ничего неосуществимого в этом проекте нет. Анекдот в том, что как раз Китай, которому рекомендовалось оставить коммунизм, пошёл, в значительной мере, по этому пути. Именно там компартия, в значительной степени, осталась формальной национальной олигархией, при этом не слишком будируя собственную коммунистическую идеологию и тем более коммунистическую экономику. В этом смысле парадоксально, но по солженицынскому пути в этой паре пошёл Китай, тогда как в России сначала коммунизм продолжался, а потом сменился совершенно нерусским антикоммунизмом. Основные базовые тезисы также были высказаны в сборнике «Из-под глыб», где были сформулированы основные тезисы против конвергенции, против слепого демократизма, против русофобии. Было введено понятие «образованщина» – действительно очень важное в рамках всей дальнейшей антилиберальной полемики. Это такое базовое солженицынское направление русского консерватизма и национализма, с которым обязательно следует быть знакомым.

Что делает Солженицын, оказавшись на Западе, когда его высылают, фактически выкидывают под контролем людей Андропова? Он превращается в ястреба холодной войны – очень резко подстрекает Запад и западные элиты на ссору с Советским Союзом, а также на прекращение конвергенции. Теперь он Запад, другую часть просвещенческой дуги, толкает к разрыву этой связки, которая может оказаться роковой. Он побуждает Запад вытолкнуть СССР из этого совместного проекта – и это ему удаётся, к сожалению, лучше, чем выталкивание советских вождей. Понятное дело, что для плавности исторического развития России было бы лучше, если бы удалась программа Солженицына из «Письма вождям», а не из его лекции перед американскими профсоюзами. Но, тем не менее, программа реализовалась – Рейган и компания принимают солженицынскую программу неспонсирования радикального коммунизма и советской власти западными деньгами. И, действительно, коммунизм в России рушится, но на этом они не останавливаются, они очень жёстко с постсоветской, посткоммунистической Россией и та, просто оттолкнувшись, начинает двигаться в сторону всё большей национализации и всё большей самости. Россия, именно благодаря тому, что её Запад оттолкнул, начала становиться самой собой и для неё Солженицын оказался архиактуальным идеологом. То, что Запад двинулся по этому пути, Солженицын понял очень рано. Есть целый пласт очень редко почему-то у нас переиздаваемой антирусофобской публицистики. Есть прекрасный трёхтомник публицистики Солженицына, выходивший ещё при его жизни в Верхне-Волжском книжном издательстве, где, соответственно, под его контролем опубликованы все ключевые тексты, например, «Чем грозит западу плохое понимание России?» Это полемика с такими русофобскими идеологами, как Ричард Пайпс. Солженицын именно там скрывает тот факт, что западные русофобы больше симпатизируют Советам и советскому проекту, революции, чем традиционной царской России – потому что они ненавидят именно русское в советском, а не коммунистическое, которое они считают западным, хорошим и своим. То есть, вот этот пласт антирусофобской публицистики Солженицына для нас очень важен и достоин изучения и переиздания. Подробнее об этом своём западном опыте он написал в своих воспоминаниях. Первый том – «Бодался телёнок с дубом» посвящён его существованию в литературной среде от выхода «Ивана Денисовича» до высылки из СССР. Там русской национальной теме уделено не так много места. Основная тема там – борьба русского

человека, русского писателя и творческого интеллигента за свободу, против коммунистической системы. Там есть и этот очерк о борьбе Чалмаева и противостоянии «Нового мира» и Молодой Гвардии» достаточно подробный. Это был первый звоночек, что Солженицын выступает как последовательный национальный славянофильский консервативный публицист. Второй том – «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» содержит воспоминания с 1974 по 1994 годы об опыте столкновения с Западом. Огромное внимание там уделено и размышлениям о западной русофобии, и размышлениям о русофобии третьей волны эмиграции. Огромное внимание уделено пониманию того факта, что русским фактически грозит выбраться из-под обломков коммунизма именно потому, что нам не дадут подняться. У русских на Западе друзей нет, собственной территории нет – и как вот в этой позиции выживать нормальному русскому человеку между Сциллой коммунизма и Харибдой либеральной русофобии, совершенно непонятно. Поэтому и название – в том числе и обобщение опыта той травли, с которой он столкнулся на Западе после своей знаменитой Гарвардской речи 1978 года.

Эта речь была действительно эпохальным событием. В ней Солженицын действительно выступил как главный консервативный мыслитель, не только русский, но и всемирный. Фактически это основная фигура во всём мировом консерватизме второй половины XX века. В Гарвардской речи он чётко формулирует тезис Данилевского о самостоятельных исторических мирах, о том, что западный путь отнюдь не универсален. В тот момент теория универсализма, что весь мир модернизируется и идёт по западному пути, была базовой для западной социологии. Только потом, после Солженицына, они начали это всё усваивать, причём, жулик Хантингтон, который был преподавателем Гарварда и присутствовал при произнесении этой речи, уж точно её читал, ухитрился написать «Столкновение цивилизаций» без единого обращения к Солженицыну. Но все отлично знают, что этот цивилизационный локалистский тренд на Западе был перезапущен именно Солженицыным, опирающимся на идеи Данилевского. Этот цивилизационный тренд против глобализаторского тренда был ещё одной темой его борьбы против просвещенческого-конвергентного глобалистского проекта. Также он подверг там критике западный либерализм за отступление от христианских основ, от собственных же первоначальных идеалов, за весь этот потребительский торгашеский, юридически-крючкотворский дух. В этом смысле он выступил как классический американский крайне-правый «из общества Джона Бёрча», как тогда говорили. Поскольку это было незадолго до прихода Рейгана, то его восприняли как такого предрейгановского идеолога. Конечно, действительно, во много победа Рейгана была бы невозможна без той компрометации коммунизма и советизма и дружбы с ним, которую произвёл Солженицын. Просто на тот момент на Западе шли по другой ветке – неоконсерватизма, а не того консерватизма, который представлял Солженицын и такие родственные ему фигуры, как Патрик Бьюкенен. Так или иначе, действительно, главная тема Солженицына была уже не столько свалить коммунизм, который, по его представлению, должен был и так свалиться, сколько о том, что будет дальше, как сохранить и возродить национальную Россию.

В этом смысле он уходит в такой своеобразный затвор, отказывается, по большей части. Выступать в качестве лица, духовно санкционирующего борьбу против Советского Союза, совершенно не потому, что помягчел по отношению к нему. Его главное дело – это написание очередного узла романа «Красное Колесо» под названием «Март Семнадцатого». Именно этот узел имеет для нас особое значение в теме истории русского консерватизма, потому что он последовательно антифевралистский. Он писался Солженицыным именно таковым как манифест, как картина того, как общество сходит с ума и свергает монархию, отказывается от традиций, погружается, всасывается в революцию всё глубже и глубже, как его прекраснодушные либеральные мечтания уводят, в итоге, в сторону красных упырей. Пишет он это всё как книгу-предупреждение и читает потом избранные главы «Марта Семнадцатого» по «Голосам» – я сам их в то время там слышал. Это предупреждение России эпохи перестройки с просьбой не слушать этих февралистов и кадетов нового образца. Но, тем не менее, к сожалению, их все послушали, потому что таким возвышенным средством лечить полное безумие, которое наступило в России в эпоху перестройки, было абсолютно невозможно, наивно было так считать. Конечно, Солженицыну, следовало бы в эту эпоху выступать таким же активным и агрессивным политиком, как он выступал в 1970-е, но этого, по тем или иным причинам, не сделал.

В период перестройки он выступает в 1990-м году со знаменитым текстом «Как нам обустроить Россию». Честно скажу, что этот памфлет мне не очень нравится, потому что он политически достаточно наивный и в нём слишком чувствуется вот этот характерный для тогдашней прессы дух самобичевания: «наша несчастная Россия». В целом, Солженицын мог бы выступить как более жёсткий патриотический идеолог, чем он выступил в этой брошюре. При этом там проговорены важные вещи – предупреждение о том, что не всякая демократия хороша, что слепой рыночный фундаментализм может быть нехорош, призыв всё-таки сплотить славянское ядро –Россию, Украину и Белоруссию – в единый славянский союз с тем, чтобы компенсировать неизбежный распад СССР, который объективно уже был неизбежен, потому что ленинская атомная бомба под советский строй никуда не делась. Солженицын отлично понимал, что удержать Советский Союз – это нереально. Держать восточные окраины – Кавказ и Среднюю Азию – без Прибалтики было бы ещё большим безумием. Это вообще была бы гибель России. В этом смысле сплочение этого ядра из России, Украины и Белоруссии было единственным средством против этого убийственного полного распада всего. Солженицын здесь выступает как человек, который предупреждает о том, что будет, и призывает к этому готовиться заранее. Когда начало распадаться уже вообще всё, то он выступает в качестве идеолога русского национального ирредентизма –это удивительный факт, его не все знают. 30 августа 1991 года Солженицын отправляет Ельцину письмо о том, что ни в коем случае не нужно соглашаться на РСФСР в текущих границах, нужно поставить вопрос о Крыме, о Нарве, о Южной Сибири и Южном Урале перед Казахстаном, поставить вопрос о восточных областях Украины и если они хотят независимости, то пусть голосуют «с кем быть» по областям, а не в целом по стране. Понятное дело, что это всё был не в коня корм – Ельцин в этот момент находился в Сочи в запое после августа 1991-го. Я думаю, что он этого письма даже никогда и не читал, а публиковать его тогда Солженицын не стал, только через несколько лет – и всё равно начались истерики в его адрес.

Вскоре он возвращается в Россию. Это было такое довольно эпическое возвращение через всю страну, начиная от Магадана. Он общается с людьми, смотрит на происходящее и пишет, по итогам, книгу «Россия в обвале». Это, собственно, такой итоговый его национальный манифест – фактически, главный манифест русской патриотической оппозиции 1990-х годов, к сожалению, не вполне услышанный, в том числе потому, что к тому моменту уже начиналось такое проедание мозгов неокоммунизмом. Про Солженицына в этой связи начинаются разговоры, что он якобы «развалил Советский Союз», «одиозная фигура» и в том же духе. «Россия в обвале» – это базовый русский манифест этой эпохи, где чётко проговариваются все основные болезненные проблемы: несправедливости границ и ирредента, дискриминация русских в национальных республиках, типа Татарстана – он поставил их фактически первым. Достаточно жёстко он говорит про Чечню, тогда, когда многие ещё, в общем-то, среди интеллигентной публики чеченствовали. Потом он также жёстко ставит вопрос о русских беженцах, которые оказались в координатах никому не нужных, беженцах из Средней Азии – соответствующая глава называется «Иностранцы в 24 часа». Он говорит о крахе науки, об индустриальном распаде. Если до этого он был ужасным антииндустриалистом, вплоть до того, что верил во все эти сказки Римского клуба о пределах роста, то тут он становится индустриалистом, вплоть до того, что в одном из своих двухчастных рассказов изображает фигуру положительного советского красного директора, который такой очень честный и хороший, настоящая опора общества. В том же рассказе у него появляется ещё и государственно-мыслящий гбшник, что ещё более интересно. Что любопытно, Солженицын в этом тексте даже не то, что мягчеет по отношению к Сталину, скорее он старается использовать апелляции к тому, что вот даже Сталин был в определённый момент за русских, чтобы убедить нашу антинациональную элиту, что быть за русских всё рано придётся, никуда от этого не деться. Действительно, последний такой масштабный идеологический документ, вышедший из-под пера Солженицына, это такая последовательная по всем темам повестка русского национального возрождения в России.

Но, в общем и целом, этот солженицынский проект удался. Хочу, кстати, также порекомендовать книгу «Русский вопрос на рубеже веков» Солженицына, в которой собраны все основные его тексты на эту тему – «Письмо вождям», «Как нам обустроить Россию», статья в «Новом мире» «Русский вопрос на рубеже веков» и «Россия в обвале». Третий текст тоже очень интересен. Это такая критика

русского имперского опыта с точки зрения солженицынского национал-изоляционизма и доктрины сбережения народа (этот термин первым употребил граф Шувалов при Елизавете Петровне). Эту доктрину он ставит во главу угла своей идеологии, и она потом перекочёвывает в идеологию самого Путина, по крайней мере, в его демографическую программу. В общем и целом, принцип сбережения народа, нерастраты народных сил в каких-то больших, не факт, что нужных, проектах, войнах и так далее, он для русской идеологии в начале XXI века становится очень и очень существенным. Вот этот принцип «тётушка Федосеевна до чужих милосерда, а свои не евши сидят» теперь припоминается постоянно при оценке абсолютно любой внешнеполитической акции. Вот этот внутренний ограничитель на интервенционизм и на растрату народных сил, который встроил Солженицын в русскую национальную идеологию, теперь, видимо, будет стоять там постоянно. У нас теперь есть, по сути, такой солженицынский предохранитель. Если определённый проект не соответствует принципу сбережения народа, если он выстроен по принципу тётушки Федосеевны, то он никогда не сработает, а просто напряжение по этой линии автоматически отключится. Это то, с чем столкнулась армянская публицистика в ходе карабахской войны осенью 2020 года, когда не встретила у нас практически никакого сочувствия в патриотических кругах – вовсе не потому, что кто-то сочувствовал туркам, не потому, что не жалко было армян, не потому, что считали Карабах частью Азербайджана, а потому, что всё, что здесь можно сделать – это растрата народных сил во имя людей, которые, в значительной степени, ведут себя как чужие, что очень чётко показало поведение армянской диаспоры. Тогда как СВО встретила практически всеобщую поддержку именно по той причине, что это было однозначно воспринято как поддержка и защита своих, мероприятие, совершаемое в интересах русского народа.

Ещё интересно в этой же самой книге в данной статье «Русский вопрос» воскрес абзац, который отсутствовал в публикации «Нового мира» и в следующих перепечатках, а это был очень важный абзац – о том, что, всё-таки, Императорская Россия воспринималась как русское национальное государство, а Советская Россия уже таковым восприниматься перестала, что произошло национальное отчуждение. Вот это выставление программы русского национального государства, сделанное Солженицыным, в своё время какой-то цензурой пропущено не было и вот восстановилось уже только в современной публикации данной статьи. То есть. В этом смысле, конечно, интересно то, что Солженицын, чем дольше в нём копаешься, тем в большей степени он обнаруживается как национальный политический идеолог и чем дальше, тем больше будет его фраз и формул, которые нас правильно идеологически форматируют. Он очень рано, притом, что всегда осознавал себя полуукраинцем (его дед говорил, в значительной степени, на таком суржике – он цитирует его в поэме «Дороженька»), понял и осознал всю эту неприемлемость украинского сепаратизма и превратился в их глазах в одного из главных врагов. Он рано осознал всю серьёзность Крымского вопроса. Он, фактически, до сих пор не осознан нашей властью всерьёз, его постановка вопроса о национальных автономиях – жёстче, чем Солженицын, эту тему никто не анализировал. Внезапно обнаружилось, что он выступал даже против 282-й статьи – там, правда, был тогда какой-то другой номер в составе старого УК, но статья какая-то уже была. То есть, Солженицын действительно для нас парадигматическая фигура, не говоря уж о том, что он действительно является такого рода ладаном, от которого разбегаются всевозможные неокоммунистические черти.

Фигура, тесно связанная с Александром Исаевичем Солженицыным, при этом, как не странно, вызывающая, почему-то, отторжения у умеренно-левых патриотов и национал-сталинистов, это академик Игорь Ростиславович Шафаревич. Почему они его любят, а не любят Солженицына, как бы абсолютная загадка, но, кажется, в основном, потому, что он с ними лично общался, встречался, публиковался. Идеологически они почти стопроцентные единомышленники, одноядцевые близнецы, то есть идеология Солженицына и идеология Шафаревича, в общем-то, совпадают, совпадают темы – трактат Шафаревича «Русофобия» является прямым продолжением солженицынской антирусофобской статьи «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» и всех прочих. Шафаревич интересен как очень крупный социальный мыслитель, его огромная работа о социализме, как явлении, пронизанном волей к смерти, продиктованной таким принципами энтропии. Он глубоко прочувствовал и продумал Токвиля – что всё это стремление к уравнению, в конечном счёте, ведёт к тепловой смерти в соответствии с законами термодинамики. Действительно, социализм,

как уравнительная идеология, в конечном счёте, ведёт к социальной смерти. Столкнувшись вместе с Солженицыным с этим явлением русофобии, которая распространялась в 1970-е годы известной частью еврейской диссидентской и псевдодиссидентской интеллигенции. Там были такие персонажи, как Александр Янов (скончался в феврале 2022 года в США), который активно выступал и публиковался и в наше время, притом, что это был изначально какой-то агитпроповский инструктор. Тем не менее, он продолжал писать совершенно бессмысленные русофобские тексты про русскую идею и русский национализм (причём, в своей ненависти к русскому национализму он активно опирался на Владимира Соловьёва). Этих авторов Шафаревич подробно разбирает в своём трактате «Русофобия», ставшим одним из основополагающих для русской национальной идеологии в 1980-е – 1990-е и до нашего времени. Он очень короткий, очень чёткий. Он опять же посажен на очень красивую социологическую идею, исходный вариант которой и термин «Малый народ» Шафаревич заимствует у французского консервативного историка и мыслителя Огюстена Кошена, трактующий этот «Малый народ», точнее «Малый град», эту кучку просвещенцев и философов, которая подготовила, а потом осуществила Французскую революцию. Шафаревич очень творчески Кошена развивает – нельзя сказать, что он просто заимствовал и скопировал эту теорию, на самом деле, он её очень хорошо разработал. Так что «Русофобия» – это трактат-библия, по сути, обязательный к прочтению. О Шафаревиче можно найти мою статью о нём на сайте «100 книг» и есть ещё прекрасная статья в солженицынском номере «Тетрадей по консерватизму» Аркадия Юрьевича Минакова «Двудюжий Шафаревич». И есть ещё статья о нём Константина Крылова, знавшего Шафаревича лично, опубликованная также в сборнике «Друзья и недруги». Шафаревича отлично переиздал Олег Платонов – было выпущено полное собрание сочинений, вплоть до его математических работ, даже они туда включены. Для нас важны его антирусофобские работы и работы, связанные с установлением основ национальной идеологии и консерватизма, в частности, он удачно развил солженицынскую идею «двух крыльев» Просвещения – и ввёл понятие «двух дорог к одному обрыву». И социализм, и либерализм являются, по сути, двумя дорогами к одному обрыву, грозящему русскому народу. Это тоже очень важный тезис и очень важная работа, которую обязательно нужно прочесть. Также Шафаревич активно занимался исследованием еврейского вопроса и еврейской темы, опять же явно подтянул к этому Солженицына, который уже после шафаревичевской «Тысячелетней загадки» начал выпускать «Двести лет вместе», книга, которая антиантисемитам сильно не понравилась. Я никогда не считал концентрацию на еврейском вопросе сколько-нибудь важно, исходя из очень простого тезиса – на самом деле, даже если убрать всех еврейских и околоеврейских русофобов, то врагов у русских не сильно убавится. К сожалению, общность врагов русских и общность врагов русских еврейского происхождения совпадают не в такой серьёзной степени, чтобы само по себе урегулирование этой распри принесло нам какое-то серьёзное облегчение. А значит концентрироваться преимущественно на этой группе противников… Им сейчас и так непросто приходится, потому что сейчас активно возобладали пропалестинские симпатии, характерные для обамовско-байденовской фракции, находящейся у власти в США, антисемитские и антиеврейские. Это Трамп как-то обслуживал интересы Израиля, даже в какой-то чрезмерной степени. А байденовцам мусульмане и палестинцы роднее. Да и в исламизированной Европе быть евреем стало опасно, а уж с осени 2023-го – тем более. И если эта тема исчерпается, то вот история всемирной русофобии – неисчерпаема, к сожалению. В этом смысле еврейская интеллигенция в России является только одним из носителей, на которые эта идеология записана. Но этот носитель вполне может быть заменён на другой.

Ещё одна фигура, о которой также стоит упомянуть – Леонид Иванович Бородин, писатель, русский диссидент, последовательный антикрасный, последовательный националист, в постсоветское время возглавивший журнал «Москва». В советское время – автор многих выдающихся произведений, многих антирусофобских публикаций, человек, близкий к этому белому, солженицынско-шафаревичевскому лагерю. Его имя обязательно надо знать. Также отмечу, что он был узником брежневских лагерей, куда попал за участие в организации «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН), которая выступала за христианизацию культуры, экономики и политики. Конечно то, что недавно их заклеймили как каких-то «иноагентов» и чуть ли не

«предателей», не может не возмущать, поскольку и Бородин, и его товарищи по ВСХСОН были патриотами России и честными, порядочными людьми, достойными доброй памяти и уважения.

Гумилёв и Балашов затронули и 90-е годы, и своим идеологическим влиянием – 2000-е годы. Значительная часть их деятельности пришлась уже на постсоветскую эпоху, хотя Гумилёв умер буквально через полгода после развала СССР, но тренд он определил основной уже постсоветский. Если Солженицын и Шафаревич влияли, пока ещё была советская власть, то Гумилёв главную работу сделал впоследствии, крайне неоднозначную. А Балашов, я думаю, будет влиять многие и многие годы и десятилетия. Но к ним подробнее мы обратимся в следующей лекции, которая будет уже менее академической, поскольку будет содержать немало воспоминаний о том, что приходилось видеть, слышать и наблюдать лично.

Часть 5. Русская национальная и консервативная мысль в XXI веке.

Продолжаем наш цикл лекций. Данное повествование является финальным, поскольку мы подошли уже к нашему времени. Его особенность в том, что его значительная часть ведётся уже по следам имевших место на глазах меня, как частника, событий. До некоторой степени я и сам являюсь персонажем данной лекции и не вижу в этом ничего зазорного. Я, в данном случае, выступаю как человек, который может посмотреть на традицию не только извне, но и изнутри. Но, тем не менее, я буду говорить не только с точки зрения «бойцы вспоминали минувшие дни», хотя соответствующие моменты во всём этом тоже будут, но и, всё-таки, попытаюсь дать какое-то осмысление всего того, что происходило. Обязательно будут какие-тио оценки и библиографические наводки, которые для многих полезны.

Начнём мы с тех фигур, о которых могли бы поговорить в прошлой лекции. Прежде всего, это Лев Николаевич Гумилёв, человек, который сыграл в истории русского национализма и консерватизма достаточно значительную, но при этом неоднозначную роль. Его значительность определяется объективной величиной как мыслителя, как теоретика этноса, как историка. Даже его фамилия и происхождение в этом смысле прибавляли значения. Прежде всего, Гумилёв мощно возродил вообще понятие этноса, этнического и национального самосознания в общественном дискурсе, потому что до этого понятие «этнос» было достаточно книжным из инструментария советской этнографии, которая занималась даже не изучением этносов (то есть этнологией), а только их описанием – этнографией: «какие у дикарей смешные обычаи!» Соответственно, когда русские становились объектом этнографического исследования, то получалось, что мы тоже такие, в некоторой степени, «немного дикари». Когда Гумилёв ввёл понятие этноса, прежде всего, в своих лекциях, которые показывали по тогдашнему телевидению – они были очень простые и очень изящные, то стало понятно, что вся мировая история – это история народов, история этносов. Она может исследоваться через эту призму и, соответственно, в том, чтобы быть этносом русским, как и любым другим народом, ничего зазорного нет. Конечно, здесь правильно было бы слово «нация». Советская этнография, в лице её главы Юлиана Бромлея, работы которого совсем не столь бессмысленны, как это может иногда показаться – в них есть какое-то здравое зерно, конечно, сильно испорченное марксизмом, но, тем не менее, – употребляла термин «нация», но как-то это тоже с русским народом не соотносилось, и никто этой схоластикой не интересовался. А тут вся всемирная история у Гумилёва оказалась историей этносов, то есть историей народов, историей этих общностей, которым он придавал достаточно биологическое начало. На самом деле, Гумилёв гораздо меньший биологист, чем может создаться о нём впечатление.

Если очень внимательно почитать такой весьма важный его документ, как «Словарь терминов и понятий этногенеза», то там одно из ключевых мест занимает понятие этнической традиции. Внимательно разбираясь в гумилёвской теории этногенеза, мы обнаруживаем тот факт, что именно этническая традиция является той фабрикой, которая создаёт или не создаёт представителей того или иного этноса. Если этническая традиция жива, то, соответственно, процесс идёт. Если же она умирает, то ничего хорошего. А вот то, что наполняет её жизнью, это то самое, в значительной степени,

мистифицированное Гумилёвым понятие «пассионарность». Потом всё 1990-е и 2000-е, только сейчас уже немножко поутихло, все, кому не лень, каждый, кто прочитал хотя бы полстрочки в газете, обязательно рассуждал о пассионарности, о том, что надо добавить русским этой самой пассионарности. Некоторые рассуждали в том ключе, что для этого, надо завезти побольше мигрантов, правда вот, каким образом они будут добавлять пассионарность – совершенно непонятно, потому что сейчас в Россию идёт миграция, в основном, представителей этносов, которые находятся на гораздо более упадочной гумилёвской стадии, чем русские. От того, что таджики и киргизы дерутся друг с другом, пассионарность не добавляется, это очень важно понимать. Пассионарность по Гумилёву – это не криминальная агрессивность, наоборот, её он, как всякий сидевший по политическому делу человек, отчаянно ненавидевший урок, определяет совершенно справедливо как субпассионарность. Различия между пассионарием и субпассионарием очень просты. Пассионарий – это тот, кто превозмогает свой инстинкт самосохранения во имя более значимых целей: во имя религиозной истины, во имя нации, во имя жажды власти, во имя жажды денег – во имя неких ценностей (в английском смысле – values). Субпассионарий – это тот, кому просто не хватает инстинкта самосохранения, и он живёт по принципу «чужая душка – полушка, а своя шейка – копейка». Соответственно, нет большей противоположности, чем пассионарий и субпассионарий. Они, просто-напросто, тянут этнос в разные стороны. Очень важно понять, что даже у Гумилёва, при внимательном его прочтении, несмотря на весь псевдофизикализм его графиков, который связан, прежде всего, с тем, что это вообще была очень физикалистская эпоха, когда всё это писалось – 1960-е – 1970-е годы (неслучайно Гумилёв пытался сделать соавтором своей теории академика Тимофеева-Ресовского и в связи с этим несколько раз приезжал к нему в Обнинск – вообще этот город в плане истории русского консерватизма оказался неожиданно богат: сюда приезжал Гумилёв, приезжал Солженицын и хотел поселиться, а теперь и я, грешный, что называется). Но, на самом деле, эта теория отнюдь не физикалистская, то есть пассионарность не является неким постоянным зарядом этноса, который разряжается. В этом смысле все гумилёвские графики являются немножко такой обманкой, попыткой приспособить к уровню восприятия этих позднесоветских физиков, которые не лирики, классические теории Данилевского, Шпенглера, Тойнби и прочих, с которыми он был отлично знаком. Собственно, Гумилёв в своём трактате пишет, почему он не согласен с Данилевским, почему не согласен со Шпенглером, притом, что советскому человеку и имён-то таких знать было не положено, а они их вводит в нить своего рассуждения – потому что, на самом деле, его теория жизни этноса это такая классическая локалистская теория цивилизаций, которая, по сути, в общем-то, от теории Данилевского «одноразового плодоношения» не очень-то и сильно отличается, но, соответственно, он излагает эту теорию, с которой я категорически не согласен. Про Гумилёва у меня есть очерк в книге «Игра в цивилизацию», где я всё это достаточно подробно изложил.

Во всяком случае, «Этногенез и биосфера Земли» была книгой очень полезной именно в плане усвоения понимания того, что существует этническое самосознание, что существует этнос, что всё это имеет довольно серьёзное отношение к нам. Почему это было очень важно? Потому что в этот момент существовала совершенно независимая от Гумилёва тенденция. Когда в 1990 году трактат был напечатан, существовали уже всевозможные народные фронты в советских республиках, весь этот сепаратистский антирусский цирк уже вовсю существовал. Соответственно, все эти этносы возрождались, а русские вроде как не понимали – этнос они или нет. Роль Гумилёва была именно в том, что он сказал: этносы – все, значит и мы тоже. Это был один из составляющих факторов того, что, действительно, в 1990 – 1991 годах, на закате перестройки, определённые ощущения того, что русские начинают мыслить себя как этнос, причём, не только люди ВООПИиКовского круга, общество «Память» и так далее, Гумилёв, несомненно, сыграл.

Ещё одна, другая его роль, другая его ипостась, гораздо более спорна, в общем, практически отрицательна – это гумилёвское евразийство, которое ещё, к тому же, было превращено в такой, своего рода, формат респектабельной, для патриотов, истории России, что особенно выразилось в его последней книге «От Руси до России», которую сплошь и рядом цитируют как такой чуть ли не нормативный учебник истории. Это, конечно, абсолютно неприемлемо. В принципе, Гумилёв в своём евразийстве заходит гораздо дальше, чем создатели евразийства в начале XX века. Они интересовались

наследием Чингисхана и номадическим началом, но им не приходило в голову использовать это евразийство для критики русских, для исторического осуждения русских по сравнению с монголами. А Гумилёв в своей номадофилии перешёл именно эту черту. Его произведения уже с 1970-х годов, чем дальше, тем больше, содержат в себе такую отчаянную апологетику монголов, что это такое, фактически, полноценное их превознесение за счёт русских. Русского Ваньку взяли и начали пинать, причём, за вымышленные какие-то вещи, абсолютно вымышленные. Весь этот миф, созданный Гумилёвым, оправдывающий монгольское завоевание Руси тем, что якобы монголы мстили за своих убитых послов. Я неоднократно разбирал абсолютную лживость всего этого мифа, который не подтверждается источниками, наоборот, его психологические основания – монголы так возмущались убийством послов на метафизическом уровне, что кушать не могли – опровергаются абсолютно наглядно историей Рашид ад-Дина про прадеда Чингисхана, Хабул-хана, который абсолютно таким циничным образом убил послов императора Цзинь, причём, это ставилось ему в героическое богатырское достижение. Если в предыдущей книге Гумилёва «Древняя Русь и Великая степь» всё это растворялось в каком-то море необязательных рассуждений, к ней можно было относиться как к роману, то вот этот гумилёвский псевдоучебник «От Руси до России» стал использоваться всюду – в этот момент вообще было мало написано ярких книг по русской истории в общепопулярном формате, с какой-то симпатией к русским. Несмотря на немногие патриотические стороны, которые в ней были, книга ужасная. Я как-то взялся проверять её фактуру и обнаружил, что это, фактически, как Борис Акунин – каждое предложение на каждой странице содержит ту или иную степень неточности или же прямой выдумки или вранья. Особо осудить Льва Николаевича тут нельзя, он был уже старый человек, явно всё излагал по памяти. Там три корабля превращаются, приблизительно, в три эскадры и всё в том же духе.

В этом смысле проблема Гумилёва остаётся, к сожалению, непреодолённой за счёт достаточно массового хождения тех или иных созданных им мемов в массовое сознание. Такая апологетика его в качестве патриота, запущенная в своё время ещё Вадимом Валериановичем Кожиновым тоже осталась, причём здесь имел место такой момент – как многие помнят, «Древняя Русь и Великая степь» такая книга, как орали на западных «голосах» «тяжело антисемитская», поскольку там была выражена вся эта тема Хазарии, хазар как этнической химеры – и, соответственно, всё это нашему патриотическому сообществу очень сильно нравилось, потому что у нас как-то так установилось, что если ругает евреев, то, значит, русский патриот, а если не ругает, то значит чужой, значит евреев боится, продался или что-то ещё (а то и вообще – сам скрытый еврей). Я евреев не боюсь и, соответственно, когда нужно, могу на эту тему высказаться, но мне кажется, что сама по себе квалификация «ругает евреев – значит русский патриот», всё-таки, недостаточна. Должны быть ещё какие-то заслуги перед русской идентичностью, чтобы человека оценивать, хотя в обратную крайность впадать тоже нельзя. Одно время у нас был такой приступ cancel culture: всех тех, кто антисемит, либо что-нибудь ещё такое, не будем просто считать рукопожатными русскими националистами – и тогда нас позовут на «Эхо Москвы». Только вот туда звали, по-прежнему, Захара Прилепина, а их -= нет. Так что, это история тоже не очень нужная. Но, так или иначе, эта книга «Древняя Русь и Великая степь» с очень такими антихазарскими кусками. Она изначально писалась как книга «Зигзаг истории», посвящённая Хазарии, а вторая часть – как «Влияние монголов». И вот всё это Лев Николаевич соединил вместе и дал ей такое название.

Но там, конечно, введены для публики два очень важных и очень правильных его понятия – этническая химера и антисистема. Этническая химера появилась ещё в его более ранней книге «Хунну в Китае» – это такая очень страшная, очень эпическая книга, настоящий историографический шедевр, где показывается, что это такое. Прежде всего, отмечается тема систематических смешанных браков. Я тут недавно встретил цитату из мемуаров – оказывается ещё в 1930-е годы молодой Лев Гумилёв рассуждал о смешанных браках: как же так, зачем же они женятся, скоро же Советская власть падёт и тогда, соответственно, всех этих полукровок вообще не будут считать за людей. Это достаточно рано выработавшаяся его концепция. Суть её в том, что существует определённый механизм соединения этнических традиций, при которой такие представители смешанных браков, либо каких-то таких культурных комплексов не наследуют ни одной из традиций, либо же наследуют их так, что лучше бы

не наследовали. Вначале он приводил это на примере хуннских правителей в Китае, у которых отец был хунну, а мать – китаянка. В итоге они от обеих сторон наследовали худшие стороны и никем, по сути, своими не считались. Эта тема химеры, на самом деле, очень продуктивна – понятно, откуда именно она выросла, именно из взгляда на тогдашние советские коммуналки, когда действительно скрещивались русское крестьянское, русское практически уничтоженное городское и ашкеназски-местечковое, все они жили практически рядом и всё это было достаточно травмирующим. Насколько травмирующе было жить в таком контексте, Константин Анатольевич Крылов много по опыту своему много рассказывал. Гумилёва был такой же опыт, только помноженный на то, что он помнил ребёнком старую нормальную Россию. Но самое ужасное происходит тогда, когда люди с таким химерическим, едущим сознанием попадают в антисистему. Антисистема, на самом деле, не имеет никакого отношения к каким-то конкретным этническим и межэтническим корням. Это принципиальная мироотрицающая жизненная установка, о которой Гумилёв говорит достаточно много. То есть, это ненависть к жизни, которая проявилась в таких феноменах, как манихейство, богомильство, маздакизм и так далее. То есть, это, в принципе, ненависть ко всему, что связано с материей, с живым началом и самовоспроизведением. Ну и, разумеется, к этносу, как к одному из феноменов этой жизни. Обычно это мировоззрение исповедуют те или иные закрытые секты. Гумилёв опять же пишет о них с исключительной ненавистью и вполне придерживается такой инквизиторской точки зрения, что их просто надо уничтожать как раковые клетки, поэтому он совершенно одобряет уничтожение богомилов, павликан маздакитов и альбигойцев, потому что эти антисистемные образования могут расширяться только путём съедания здоровых людей. Понятно, что они, в значительной степени, вкручиваются в представителей химерических общностей, то есть тех, кто лишён собственной этнической традиции, дальше это всё ширится, ненависть к жизни, ненависть к этносу, к условно своему этносу как форме жизни, имеет достаточно большое значение для этих антисистем. В этом смысле, конечно, в теории химеры и антисистемы она, вне зависимости от того, как это всё прилагается конкретно к русско-еврейскому случаю в XX веке, объективно теоретически общезначима, потому что вот эти феномены наблюдаются на протяжении истории и, конечно, сама память о том, что такой феномен, как радикальное жизнеотрицание, и та же радикальная русофобия вполне может проявляться, как одна из радикальных форм этого жизнеотрицания.

Здесь, кстати говоря, надо вспомнить в связи с этим евразийством и номадизмом некоторых критиков Гумилёва, в частности, Аполлона Кузьмина, преподавателя Московского государственного педагогического института, достаточно влиятельного историка, тоже временами достаточно своеобразного, как и Гумилёв любившего придумывать всякие не вполне подтверждающиеся теоретические конструкции, но, тем не менее, он выпустил достаточно большое количество патриотически настроенных учеников-историков – Фомин, Перевезенцев и других. Впрочем, не все его ученики удержались в этом русском поле, но, тем не менее. В этом смысле я рекомендовал бы его книгу «Мародёры на дорогах истории», которая, в частности, посвящена и критике Гумилёва, а также он там жёстко разбирает такой фантом псевдорусского сознания, как «Велесова книга». Он, конечно, человек такого не национал-монархического, а, скорее, такого национал-эсеровского типа, тоже с такими выраженными антисемитскими нотками. Но, тем не менее, Кузьмин для понимания контекста эпохи, конечно, значим. Если говорить о Гумилёве, то, конечно, обязательно следует ознакомиться с книгой уральского автора Сергея Белякова «Гумилёв сын Гумилёва». Это действительно очень полная, очень тщательно прописанная биография Гумилёва как личности, биография Гумилёва как мыслителя – то есть, Беляков достаточно хорошо понимает материал, достаточно хорошо понимает очень многие теоретические аспекты того, что Гумилёв говорит, при этом как его националистический критик. В частности, у него там есть целая глава, показывающая, что никакого «евразийского братства» на самом деле не существует и очень наглядно показывает это на примере распада СССР. То есть книга очень достойная. Потом автор как-то стал несколько украинствовать и это, безусловно, печально, но конкретно вот эта книга очень достойная.

Следующая исключительно важная, даже недооценённо важная для русского национального сознания фигура – Дмитрий Михайлович Балашов. Он, до некоторой степени, может считаться идущим вслед за Гумилёвым, поскольку он всегда говорил, что его книги написаны с позиции гумилёвской теории

этногенеза, под громадным гумилёвским влиянием. На самом деле, когда я в них вчитался, я с облегчением обнаружил, что это не совсем так. У Балашова нет и следа гумилёвского евразийства. Он пишет охотно о степняках, о хане Узбеке, о Тамерлане, очень красиво воссоздаёт их психологию, пишет о резне в степи. У него сквозит во всём интуитивная неприязнь ко всему этому, а рассуждения первой книги «Младший сын» о необходимости масштабного русско-ордынского евразийского альянса принадлежат на редкость подловатому боярину, который, к тому же, ещё и гомосексуалист. Из этого видно, что интуитивно Балашов самую вредную часть гумилёвской теории категорически отвергал. А что вместо этого он создаёт? В чём особенности, в чём заслуга Балашова перед русским национальным сознанием? В том, что он написал грандиозный русский исторический эпос «Государи Московские», по-настоящему грандиозный – это история подъёма и развития русского национального государства от времени смерти Александра Невского в середине XIII века до начала XV века, начала правления Василия II и попытки захвата престола Юрием Звенигородским. Это без малого два столетия. И они описаны тщательно, так, как будто сам автор их видел. Балашову удалось создать поразительный эффект – эффект телесериала. Он вообще человек, на самом деле, чисто стилистически в чём-то похожий на Джорджа Мартина, притом, что его «Младший сын» вышел в 1975 году, а первая книга «Песни Льда и огня» «Игра престолов» – в 1996 году (а работа началась в 1991 году). Там много плоти, много крови, много ярких сцен, довольно много сисек и всего такого прочего. Это такая живая, очень плотная, очень увлекательно изложенная история, но при этом историографически достаточно точная. У Балашова могут быть неверные акценты – по загадочным причинам он не любит некоторых персонажей, которые даже в исторической традиции остались как святые, он иногда приписывает им очень авторский подход к их мотивациям. Но, тем не менее, у тебя ощущение, что ты всех этих людей видел, причём видел на своём месте, что они тебе теперь как родные. При этом Балашов – совершенно несоветский писатель. Это ещё одно выдающееся достижение для автора, который половину своего цикла написал ещё при советской власти – то, что он именно писатель несоветский. Он совершенно свободный от всех этих диких штампов из серии «классовая борьба», «эксплуататоры и эксплуатируемые», «вечно страдающий народ и вечно угнетающие его князья». Наоборот, там очень ярко показана роль русского, московского боярства в возвышении Московского княжества – дело в том, что это самый важный фактор, который в принципе нужно знать о возвышении Москвы, заключается в том, что его никогда бы не произошло, если бы она не стала точкой притяжения большого количества служилого боярства, тех, кто действительно готов был сражаться и за это получал землю, осуществлял всевозможные управленческие функции. Советская историография это всё как-то практически вымарала, у неё получалось так, что вот, были князья, которые иногда были хорошие, потому что объединяли русские земли, и был простой народ, а вот эти бояре непонятно, зачем были нужны, один от них только вред да эксплуатация и если бы их не было, то было бы очень хорошо. Балашов прекрасно показывает управленческие функции и роль боярства и дворянства. То есть, в нём действительно видишь полноценную механику управления средневековым обществом и то, как она работает. У него огромное внимание уделено Церкви – и как общественному механизму, и как управленческому, и как интеллектуальной силе, и как средоточию Духа.

При этом очень важно, что Балашов абсолютно чужд примитивизации – у него есть такие северорусские диалектизмы, которыми он любит поиграть, но, в целом, в Кремле постоянно переписывают книги, священники и монахи постоянно ведут дискуссии о Григории Паламе. Русь Балашова – богатая, яркая, интересная, высокоинтеллектуальная, с очень сложной психологией тех людей, которые в ней осуществляют политику. Опять же поэтому его книги могут претендовать на то, чтобы сформировать у молодого человека образ Руси как таковой. При этом очень важно то, что это последовательно националистический <…> Понятно, что из того, что я сказал, более-менее ясно, почему Балашов консервативен, но он ещё и глубоко националистический автор. Для него главная тема всего его цикла – это создание русского национального государства. Причём это русское национальное государство представляется как высшая ценность. Там главная моральная коллизия, по крайней мере, первых книг, посвящённых Ивану Калите и Юрию Даниловичу, это то, что объективное историческое призвание русского национального государства не всегда сочетается с человеческой хорошестью. Москвичам приходится делать много подлостей. Юрия Даниловича они более всего подлости, связанные с похотью власти. У Ивана Калиты уже сознательная установка на строительство

государства. Наоборот, тверские князья, в общем, очень благородны – стоит вспомнить, что Михаил Тверской канонизирован как святой, нет оснований в этом сомневаться. Но, тем не менее, то, что делает Москва, именно то, к чему призвана Москва – это создание национального государства. И вот Тверь это не тянет, в том числе потому, что она слишком близка к Литве. А вот Москва – тянет. Поэтому надо строить национальное государство и молиться, чтобы он простил грехи, которые при этом совершаются. Это действительно такой полноценный учебник русской политики, в котором никакой тени унижения русских перед татарскими ханами нет, есть расчётливая политика. Мне больше всего нравится начало балашовского цикла – романы «Младший сын», «Великий стол», «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени» и «Отречение». Дальше следует такой большой трёхчастный роман «Святая Русь». В нём, в общем, тоже всё очень и очень неплохо, за исключением странной балашовской нелюбви к Дмитрию Донскому. Вообще какая-то общая, какая-то странная нелюбовь, какой-то мерзкий посткостомаровский чёрный миф о нём, совершенно безосновательный – всё это, конечно, очень печально. Хотя даже там описание эпического события русской истории – Куликовской битвы – с этими мелкими выпадами против Дмитрия Донского, оно очень сильно испорчено. Но, при всём при этом, основная часть романа весьма добротна. Конечно видно некоторое балашовское тяготение, по крайней мере, человеческая симпатия к представителям опрокинутого в прошлое национал-демократического типа – к тверским князьям, к Юрию Звенигородскому. Но, в общем, с учётом того, что Балашов осознаёт, в принципе, миссию Москвы и её значимость, хорошо это показывая, эти его огрехи, кажется, вполне себе можно простить. В общбнем, мне кажется, что Балашов – это то, что каждому русскому человеку стоит прочесть от начала до конца и мыслить в этом контексте.

Интересный момент биографии Балашова – поездка в 1992 году в Приднестровье в составе группы патриотических писателей во главе с Александром Андреевичем Прохановым. Понятное дело, что уже в 1991 году всё вокруг разваливалось, всё вокруг рушилось, было понятно, что Советский Союз пытаются расколоть на части к максимальной невыгоде России, русского народа, русского этноса, но уже началось определённое движение сопротивления, которое, в частности, обозначилось в редактируемой Прохановым газете «День», начавшей выходить в конце 1990 года. Потом она взяла подзаголовок «Духовная оппозиция». И, действительно, уже определённая духовная оппозиция начала проявляться. Незадолго до августовского путча появилось «Слово к народу», в котором прямо чётко были обозначены какие-то основные пункты русского протеста против всей этой перестройки. Под ним подписались генерал Варенников Проханов, Валентин Распутин, Людмила Зыкина, ещё тогда никому практически неизвестный Геннадий Зюганов, Юрий Бондарев, Вячеслав Клыков и другие. Одним из инициаторов этого документа был такой известный деятель Эдуард Володин, который, как выяснилось, был реальным автором патриотических книг, подписанных именем Зюганова и вышедших в 1990-е – начале 2000-х и привнёс туда те идеи, которые уже сейчас Зюгановым были намертво перечёркнуты. Конечно, Александр Андреевич Проханов на протяжении 1990-х годов играл огромную и, в общем, глубоко положительную роль. Вообще я Александра Андреевича очень люблю, несмотря на все его неосталинистские закосы и мистические фантастические конструкции, в которых получалось, что солдаты Великой Отечественной войны – большие святые, чем новомученики Российские. Несмотря на это всё, я его очень люблю, потому что он душевно, инстинктивно очень русский человек на уровне 100%-го узнавания и опознавания. Когда включается определённая интеллектуальная конструкция, то там всё неоднозначно. На уровне идеолога он, безусловно, сложный и назвать его совсем ненационалистическим и неконсервативным нельзя – консервативным только в смысле антилиберальности и антиперестроечности, националистическим – только в исходной некритической русскости, которая у него, несомненно, присутствует и она всегда в нём глубоко прошита. Каждый раз, когда мы с ним встречаемся, то это ощущается. Но главное даже другое – то, что он со своим талантом, в том числе издательским и публицистическим, с такой лёгкой хорошей сумасшедшинкой, не боялся делать то, что он делал в газете «День», а потом в газете «Завтра» все 1990-е годы. Я об этом немножко писал в книге «Рцы слово твердо», что, для того, чтобы противостоять вот этому либеральному аду 1990-х, нужно было быть немножко ненормальным, шизиком и фриком, потому что вся «нормальность» требовала быть читателем газет «Коммерсант» и

«Сегодня». «День» и «завтра» можно было издавать с этой вот лёгкой сумасшедшинкой, иногда даже с нелёгкой. И Проханову это совершенно замечательно, на мой взгляд, всегда удавалось.

Важным направлением в русской национальной мысли 1990-х годов был православный национальный консерватизм разных оттенков. Самая крупная фигура – конечно же, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), которому принадлежит знаменитая книга «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» и ещё ряд других. Это такое изложение основ, на самом деле, того, что было выработано в православной эмигрантской публицистике, прежде всего. Русской Зарубежной Церкви. Одновременно это такая установка на Самодержавие, на русское национальное начало, на выражаемую в нём самобытность, апология русской истории, направленной, прежде всего, к духу и к державности через дух. Всё это было для той эпохи чрезвычайно важно. Хотя фигура, образ митрополита Иоанна тоже были чрезвычайно важными, однако достаточно скоро стало известно, что тексты этих книг он только одобряет и выпускает под своим именем, а пишет их Константин Юрьевич Душенов. Он автор сам по себе непростой и неоднозначный, поэтому и в эти книги он тоже внёс неоднозначность – в частности, последовательную апологетику Ивана Грозного, из которой, исходя всё-таки из аутентичной православной традиции, невозможно исключить убийство святителя Филиппа Московского и игумена преподобномученика Корнилия Псково-Печерского. Однозначная апологетика Ивана Грозного, с точки зрения православной традиции, невозможна и, в общем-то, не нужна, просто на него не надо навешивать лишнего, о чём неоднократно совершенно справедливо говорилось. Душенов, в этом смысле, конечно, всегда был человеком крайностей. Хотя, при этом, как раз именно его отношения с русским национализмом были у него достаточно сложными – на Ютубе можно найти их дискуссию с Константином Крыловым и посмотреть, кто там русский националист. К сожалению, для Душенова, как и для Михаила Назарова, в принципе, характерен такой ультраправославный ультраконсерватизм с полным непослушанием священноначалию и с неуважением к нему, с отсутствием живого церковного сознания и попыткой выдуманную лично ими некую «православную» идеологию поставить выше соборного разума Церкви. Я тоже этим болел в молодости, но, по счастью, что именно тогда мне удалось достаточно рано от этого выздороветь, надеюсь, что навсегда и безговорочно. Они ушли в какую-то антииерархическую маргинальщину, причём, Душенов чуть ли не был главным идеологом этого диомидовского раскола, нанесшего много нашей Церкви вреда. Это, конечно, всегда очень печально, но, тем не менее, опять же, напомню тот принцип, который я неоднократно уже повторял на протяжении всех этих лекций – важно помнить, прежде всего, тот позитивный вклад, который внёс тот или иной человек. Душенов под своим именем и под именем митрополита Иоанна вот эту радикально-православно-монархически-самодержавную идеологию возродил, заразил достаточно большое количество людей, которые в этой парадигме продолжают выступать и, в общем, ничего плохого в этом нет. Я совершенно не отношусь к числу тех русских националистов, кто считает, что главная их дача и призвание в том, чтобы бороться с фофудьёй, как они называют, с этим комплексом ультраправославных, ультрасамодержавных и ультраконсервативных воззрений. Единственное, что неприемлемо – это когда представители данного воззрения делают какой-то кульбит и впадают в многонациональчку и начинают внезапно рассказывать, что истинная православная империя – это то, где нет никакого места национализму, потому что якобы русский национализм «недостаточно духовный». Но когда начинается такая тема, то всё это непозитивно. Константин Душенов скончался 13 февраля 2024 года.

Второй представитель данного направления – тоже весьма глубокий и оригинальный мыслитель Михаил Викторович Назаров, автор, в частности, замечательной очень толстой книги «Вождю Третьего Рима», где все такие базовые принципы истории русской православной цивилизации, в достаточной степени, антибольшевистски отстроенные и разложенные. Книга, опять же, для понимания всего того контекста и дискурса, в котором мы жили и живём, очень существенна. На немалое количество людей он оказал большое влияние. К сожалению, все помнят его, в основном, по скандалу с т.н. «Письмом 5000», когда в ответ на массовые преследования русских националистов в районе 2004 – 2005 годов по 282-й статье, в частности, за антисемитизм, Назаров предложил такую стратегию нападения на противника через «а давайте поищем 282-ю статью в «Шулхан Арухе» и во всех прочих еврейских изданиях». Всё это подписало достаточно большое количество депутатов

Думы, особенно много от «Родины», а также и от КПРФ, потом ещё довольно большое количество общественников, в том числе и достаточно неожиданных, вроде бывшего чемпиона мира по шахматам Бориса Спасского, который вообще достойный человек, монархист, защитник русских от 282-й, белый патриот. (На тот момент Спасский ещё проживал во Франции, но в 2012 году он вернулся в Россию и с тех пор живёт на Родине). Но эта тактика была неудачной, потому что, конечно, этим людям, которые тогда раскручивали тему 282-й статьи и «антифашистскую» кампанию, только этого и надо было. Они всегда сидят в засаде для того, чтобы кричать: «Аааа, антисемиты!!» И, разумеется, тут они тоже начали кричать. Соответственно, всё это стало инфоповодом для того, чтобы «замочить» партию «Родина», которая могла бы быть политическим средоточием наших национал-патриотических сил. Это, конечно, была ошибка, но, я думаю, что ошибка добросовестная, а вовсе не какое-то провокаторское действие. Назаровская книга «Вождю Третьего Рима» это, действительно, такой настоящий учебник, компендиум имперского православного ультраконсервативного направления. Она полна громадного количества достоинств, но не лишена определённых недостатков. Причём характерно, что все эти недостатки заключаются в выставлении в качестве позитивных свойств нации и Российской Империи тех, которые позитивными совершенно не являются и считаться не могут – что вот, Россия не эксплуатировала свои окраины, наоборот, всегда им отдавала, вот такой мы замечательный и душевный народ. Задаёшься вопросом – что же тут хорошего? Стоит ли этим гордиться в контексте Третьего Рима, поскольку таковой ничего подобного не предполагал, а предлагал хранить самих себя.

Ещё один человек, которого мы уже неоднократно упоминали на протяжении всего лекционного курса, прежде всего, как издателя – Олег Анатольевич Платонов, директор Института русской цивилизации. В 2020 году он был приговорён к условному сроку «за отрицание Холокоста». Заметьте, опять же всё те же препинания на том же месте. Холокост – это не наша проблема, сейчас на нём уже никаких дивидендов не получают, наоборот понаехавшие в Европу арабы травят евреев на чём свет стоит, в частности, в кипе на улицу там уже не выйти. А после октября 2023 года понеслось по полной и уровень антиизраильских и антисемитских настроений существенно вырос. К чему нам заниматься апологетикой Гитлера, притом, что в России на эту холокостную валюту ничего не купишь. Мы просто тратим свои силы, которые можно потратить на что-то полезное. Таковым полезным является издание Платоновым трудов по истории русского национализма, монархизма и консерватизма в «Институте русской цивилизации». Это гигантский подвиг перед русским народом, тут даже спорить не о чем. Собственный труд, «Терновый венец России», является таким многотомным разоблачением масонских интриг, ведущихся против России, в начале XX века приведших к революции, и продолжающихся сейчас. Это такая русская история и русская историософия с позиции классических дореволюционных русских правых, правее Столыпина, которого он критикует с той же позиции, с которой того критиковали Шарапов, Дурново и прочие, за разрушение русской общины, с чем я опять же не согласен. Это, пожалуй, самый такой вредный пункт в славянофильской доктрине – культ русской общины, на самом деле, не очень соответствующей русской национальной психологии, довольно индивидуалистической, с потребностями того момента, в начале XX века. Для Платонова характерна такая вещь, как апологетика Григория Ефимовича Распутина, которая сейчас уже довольно широко распространена, поскольку все уже убедились в том, что чёрный миф о Распутине ничего общего с реальным историческим героем не имеет. Это большое и не всегда подъёмное чтение, но, тем не менее, там много интересных и разумных вещей. Большое количество людей принимало участие в изданиях ИРЦ, это очень важный и значимый для нас круг.

Был тогда и русский национализм православного толка, такого более умеренного характера. Это, например, работы протоиерея Владислава Свешникова «Заметки о национализме подлинном и мнимом». Эта книга почему-то потом не переиздавалась, притом, что она очень хороша и очень интересна. Хорошо бы её найти и переиздать. Это такое возрождение ильинского извода русского национализма в реалиях 1990-х – начала 2000-х годов. Отец Владислав вообще очень хороший человек, мыслитель, соратник таких людей, как протоиерей Димитрий Смирнов и протоиерей Александр Шаргунов. Это всё были люди примерно одного круга. В своё время хвалили моего «Русского националиста», причём <…>. Были тогда ещё такие коллективные теоретические сборники,

которые издавали Андрей Савельев и Сергей Пыхтин, скончавшийся в 2011 году, очень хороший и замечательный человек, собиратель национально-консервативного интертекста. Он, например, делал такой консервативный интернет-журнал «Золотой век», где перепечатал всё хорошее, что <…>. И так, в общем, всех, так что, через «Золотой веке» мы читали друг друга или друг за другом. Он как-то очень рано скончался и это очень большая, очень грустная потеря. Савельев и Пыхтин тогда издали два совершенно прекрасных сборника – «Неизбежность империи» и «Русский строй». В них обоих было много ценных, хотя и очень неупорядоченных материалов, но это было свидетельство того, что такой русский национальный и имперский дискурс постепенно пробуждаются и вступают в свои права. Тут, кстати, можно по ассоциации со словом «сборник» можно вспомнить ещё один – «Империя. Сделай сам» (Москва, 2001). Его издавал Дмитрий Михайлович Володихин, замечательный наш историк и писатель, автор книги, которую я неустанно всем рекомендую – «Смертная чаша», посвящённая битве при Молодях. Тогда был такой клуб «Бастион», куда входили наряду с самим Володихиным супруги Елисеевы, Ольга и Глеб, тоже замечательные историки и писатели, ещё один человек, которого нам очень не хватает с 2008 года, Сергей Валентинович Кизюков, издававший просто фантастический для своего времени и для нашего, на самом деле, тоже интернет-журнал «Русский Удод», писавший под псевдонимом Вадим Нифонтов. Он скончался от сердечного приступа прямо в здании МИДа на Смоленской, где он работал – он был достаточно перспективным дипломатом, таким Константином Леонтьевым нашего времени, но только представитель не такого подчёркнуто аристократического консерватизма, а, скорее, такого бюргерского национал-консерватизма. В этом же сборнике был и писатель-фантаст Эдуард Геворкян, там же есть статья Крылова – меня, как всегда, не позвали, но это не беда.

А человеком, в котором в наибольшей степени, воплощалось эта интеллектуальное имперство, был, конечно, Владимир Леонидович Махнач, человек очень яркий, очень нежно нами всеми любимый, очень рано ушедший (умер в 2009 году), оказавший огромное влияние и на националистов, и на национал-консерваторов, и на православных консерваторов. Это был, действительно, человек, в котором эта имперская идеология, имперская логика воплощалась, пожалуй, в наибольшей степени. Это был прекрасный лектор, один из московских учеников Гумилёва. Мой школьный учитель Сергей Георгиевич Смирнов всегда говорил, что я ему напоминаю молодого Махнача. И, действительно, когда мы потом с Владимиром Леонидовичем познакомились, то у нас оказалось немало общего. Махнач был изумительный оратор – я не знаю, сохранились ли где-то аудио- или видеозаписи его лекций, надеюсь, что где-то какие-то сохранились, к сожалению, из-за этого, преимущественно ораторского начала, издавали его мало и плохо. На Предтеченских встречах, устроенных Виталием Аверьяновым в 2005 году, было сделано фото отца Иоанна (Ермакова), Константина Крылова и Владимира Махнача – все тогда ещё были вместе и были живы (впрочем, отец Иоанн жив и сейчас). Есть некоторые издания, например, «Империя для русских. Как построить «Русский Мир»», выпущенное «Алгоритмом» – по счастью, они сейчас издают не только аллилуйю во славу Сталина, но и такие книги, где главное внимание уделяется русским началам. Для Махнача имперское и русское никогда не противоречили между собой. При этом он всегда был жёстко белым. Он был одним из наиболее бескомпромиссно антикоммунистических людей в ту эпоху, когда многие, как я, например, грешили каким-то национал-сталинизмом. Махнач в этом смысле был маяком и, конечно, его сейчас очень не хватает. Ещё он всегда был, конечно, героическим градозащитником и именезащитником. Он выпускал книгу-справочник всяких <…> которых поназывали российские улицы, о том, кто они такие на самом деле. Это он ввёл такой термин «презумпция невиновности исторической застройки» – о том, что, если не доказано обратное, историческая застройка всегда права и никто не смеет её сносить, уничтожать и переделывать. В этом качестве его тоже сейчас не хватает. Ещё очень хорошая его книга, написанная совместно с моим учеником по школе Сергеем Елишевым, «Политика. Основные понятия». Это такой словарь-справочник для адекватного, совершенно консервативного, правого начинающего политолога. Если хотите знать значение основных политических понятий не в либеральной трактовке, а в русской имперской консервативной, то как раз словарь-справочник Махнача и Елишева нужно обязательно читать.

Ещё из представителей белого консервативного лагеря, кончено, нужно назвать Сергея Владимировича Волкова, от него никуда не деться. Это замечательный автор выдержавшей уже несколько изданий книги «Почему РФ – не Россия», которая первоначально называлась «Почему РФ ещё не Россия». Потом решили добавить жёсткача, хотя, на самом деле, в нём появляется уже некоторая двусмысленность, почему я всегда против этого дискурса «нероссийства», что Россия умерла в 1917 году, потому что из этого получается, что за Россию сегодня бороться нельзя, бессмысленно, поздно. Поэтому самой формулой, что «РФ не Россия», я бы пользовался осторожно. Можно говорить – «недостаточно Россия», «на 40% Россия», «на 60% Россия», «пока не Россия», давайте будем бороться и двигаться в этом направлении. Но все основные огрехи конструкции современной РФ с точки зрения русского имперского национализма, последовательного белогвардейского национализма показаны, работа по их выявлению в книге проделана великолепно. Волков также и автор замечательных работ о белом офицерстве, где он опроверг чушь и фантазию, что, якобы, большинство царских офицеров пошли служить большевикам. Он, правда, живёт в таком немножко своём отдельном мире, в результате чего, у него в книге есть пассажи о том, что русский национализм –это не очень хорошо, потому что, а вот Соловей…. И дальше следует дикая чепуха от провокатора Соловья и, получается, что это якобы русский национализм. А вот хороший русский национализм – это «Спутник и Погром», вот они так верны идеям и наследию Императорской России. Тут мы, читавшие все безумные тексты Егора Просвирнина о Православии, хватаемся за голову. Человек, интенсивно занимающийся активной научной и мыслительной деятельностью совершенно не обязан следить за всем текущим политическим дискурсом, поэтому это простительно. А базовая идеологическая основа книги Волкова, это то, что нужно знать и выучить наизусть. То, что он там перечисляет, это не повод плюнуть в сегодняшнюю РФ, какой бы она ни была, но это повод, чтобы строго по этому списку в ней всё поменять.

Дальше, если говорить о последовательно белых, то можно назвать имя Леонида Петровича Решетникова, генерала разведки, до недавнего времени – одного из лидеров «Двуглавого Орла», в котором начались какие-то организационные трудности, в результате чего все мои друзья перессорились. Это я уже столько раз видел в своей жизни, что у меня на этом месте <…> Факт остаётся фактом, что его книга «Вернуться в Россию», которая многократно издавалась и переиздавалась, это, вне сомнения, очень важная для понимания основ русской национальной белой монархической идеологии. Хотите почитать про современный белый монархизм как в учебнике в кратком изложении, то прямо берите книгу Решетникова и её последовательно прорабатывайте. Также снова вспомним про Михаила Борисовича Смолина, ещё одного деятеля «Двуглавого орла», а теперь – общества «Царьград». Опять же огромное количество он выпустил книг других авторов, о чём я говорил в самой первой лекции, и продолжает выпускать. Он и сам тоже много и плодотворно пишет, причём, не только, как историк русского консерватизма и национализма, но и как теоретик. Его работы – это такой эталон белого монархического национал-консерватизма. Например, книга «Монархия или республика? Имперские письма к ближним», написанная на основе программы «Белое слово», которая как раз в своё время выходила на «Царьграде».

От белого фланга переходим к красному флангу в русском национализме, русском консерватизме, не всегда красному, но смотрящему в эту сторону. Здесь самое большое и самое огромное явление – национал-большевизм. Он связан с именем одной из таких сильных и парадоксальных фигур, как Эдуард Лимонов, создавший, прежде всего, привлекавший большое количество левой и контркультурной молодёжи продукт. Для этого привлечены были Сергей Курёхин и Егор Летов, с совершенно безумными теориями и безумным драйвом. Большую часть идеологии там исходно, конечно, разрабатывал Александр Гельевич Дугин. В чём его особенность? В том, что он выступил таким совершенно грандиозным транслятором западной ультраправой традиции, сформировавшейся за XX век и которую мы совершенно не знали. На тот момент, когда он начал выпускать свои книги, лекции и статьи, то, кто такой Карл Шмитт, кто такой Эрнст Юнгер, кто такой Ален де Бенуа – все эти лица были абсолютно в нашей общественности, в нашей тусовке никому неизвестны. И вот Дугин из этого изготовил такой совершенно огромный «коктейль Дугина» по аналогии с «коктейлем Молотова», бросил в толпу и всё это как-то интеллектуально вспыхнуло. К сожалению, мне этот

«коктейль» как-то не кажется очень удачным, потому что в нём было опять же много модного тогда евразийства, его и сейчас там много. И в этом евразийстве как-то терялась уникальность России, вымышлялись всё время какие-то геополитические коалиции. Причём, в «Основах геополитики», что мне стразу не понравилось, было предложено подружиться с Германией, отдав ей Калининград, и с Японией путём подарка ей Курил. Как-то это всё там звучало тогда – логика геополитических союзов через размены, но только мне казалось, что все эти размены получатся односторонними: мы отдадим, а нас, как всегда, облапошат. Но этот пафос борьбы континентов против Америки в нём, несомненно, опять же, поскольку Америка в 1990-е годы была объективно главным врагом, весьма ценен. Всё это к 1999 году, после бомбардировок Сербии, дошло до предела. Это всё было тоже абсолютно логично. Но, ко всему прочему, это давало колоссальное расширение сознания. Благодаря Дугину люди узнавали десятки новых имён, сами начинали что-то читать, понимали, что существует какой-то новый, достаточно интересный, нелиберальный мир. А тогда самое главное было уйти от «конца истории», от этого тезиса, который сформулировал Френсис Фукуяма, гласившего, что никакой идеологической смысловой альтернативы либерализму в принципе нет. Грубо говоря, Григорий Явлинский и Виктор Шендерович – это предельная точка развития человечества в пределах бывшей русской равнины. У них там, конечно, есть другие точки развития, в виде Билла Клинтона и Моники Левински, а у нас вот только так и ничего другого не жди. И тогда востребованность некоего иного была достаточно высока. Скажем, Глеб Павловский, который был неким оппозиционером ельцинщине – такая либерально-консервативная одесская оппозиция – выпустил такой трёхтомный сборник «Иное», где печатал многих неожиданных людей, вроде Махнача об Империи, Галковского и так далее. Дугина, правда, печатать не решился, но, тем не менее, «Иное» – это было противоположностью «иного не дано». Если в перестройку выпускали материалы в этом духе, то Павловский попытался иное обозначить. Однако, поскольку это тоже была такая либеральная интеллигенция, то выглядело это слабовато.

А тут – совершенно мощное другое, совершенно параллельный мир. И хотя бы ту функцию, что он вырывал из этого пошлого либерального мира и пересаживал в этот мир «мистического фашизма». Это производило с людьми громадные впечатления, серьёзную психологическую операцию. Поэтому при всех несовпадениях, при всём при том, что периодически Александр Гельевич относился ко мне довольно плохо, я тоже к нему относился аналогично, в целом же, он для меня всегда оставался важной фигурой, хотя, скажу честно, большую часть его трудов я не читал. Но, тем не менее, мы с ним регулярно оказывались рядом. Есть очень сногсшибательная фотография, на которой есть Константин Крылов, Кирилл Фролов (заметный участник нашей национальной православной тусовки, активно топящий на тему русской ирредены и совершенно не знающий в этом тормозов, говоривший об этом тогда, когда нам это казалось практически невозможным), Аркадий Малер (один из важных философов РПЦ, тоже интересный и яркий персонаж, к тому же, незадолго до этого расставшийся с Дугиным и его влиянием), Павел Зарифуллин (на фото в красном), Валерий Коровин (один из близких тогда к Дугину людей, до сих пор интенсивно выступающий как консервативный эксперт), Владимир Карпец (на заднем плане за Дугиным, тоже один из идеологически близких к нему людей, что, конечно, Дугина не красило), сам Александр Гельевич, Дмитро Корчинский и я. Меня часто спрашивают, что на этой фотографии с нами делает Корчинский, поэтому я объясняю – в 2005 году, после Майдана, его пытались у нас привить к нашей нац-полит-тусовке в качестве типа «правильного» антимайданного украинца, потому что Корчинский тот первый Майдан не понимал, он для него был недостаточно разбойничьим, слишком либеральным. И поэтому в 2005 году Корчинский всё время ошивался в Москве, показывался на дугинских мероприятиях. Знали бы, во что дальше это выльется, пришибли бы кружкой на месте. Мне этот персонаж не нравился всегда, я с ним старался никогда не ручкаться – так что, что я делаю на этой фотографии рядом с ним, вообще вопрос некорректный. Между прочим, это мероприятие сентября 2005 года – это был митинг, посвящённый дню Куликовской битвы, мероприятие, на котором тестировался будущий Русский Марш.

Возвращаюсь к Дугину. Самое важное в нём –картографирование нелиберальной конструкции политического и ментального пространства. Отмечу его работу «Философия политики». Совершенно

необязательно принимать большую часть дугинских идей, надо знать, что можно на те или иные вещи посмотреть вот так.

Его взгляд тоже не всегда удачен, на мой взгляд в нём, что называется, слишком много метафизического монизма. Это то, на чём расходимся и не совпадаем, при совпадении во многих других вещах – то, что мы персоналисты. Индивидуальное, личное важнее некоего общего, коллективного. Дугин в этом смысле всегда исходит из того, что в основе всего некое первоначало, единое, которое может трактоваться платонически, может хайдеггериански. И по сравнению с этим единым всё остальное – эманации. В результате этого эманативного восприятия реальности, конечно, у Дугина есть такая проблема, что его, фактически, неполитическая вселенная, а мультивселенная – какие-то красные, белые, чёрные дискурсы, какой-то одновременный русский национализм и империализм, евразийство, происламизм, всё это так сложно перепутано. Понятно, что это, действительно, не совсем одна политическая доктрина, это, скорее, определённый сгусток доктрин, выстроенных против общего врага, которыми он может манипулировать, например, Ленин и Николай II, которые у него внезапно могут оказаться на одной стороне – эманации подлинного бытия, как он написал однажды: «Сталин – великое «Да» бытия». Лишь бы против Буша, Клинтона и Обамы (вместе с Байденом).

Но, при всём при этом, опять же есть вещи, которые определяются поступками. Позиция Дугина по Русской Весне в 2014 году, которую он, впоследствии, никак не изменял – она была последовательной и чёткой, русской националистической, у меня фундаментальных вопросов тут к нему нет, хотя я могу быть со многим не согласен. Либерализма, честно говоря, я в таком мире не уловил, потому что если центром является такое евразийство, которое как-то мистически уравнивает русский народ и всё это посткочевое глубоко упадочное азиатское пространство, то тогда это плохая идея. Если мы ставим в центр Православие как абсолютную онтологическую реальность, тогда есть о чём говорить. Если мы ставим Евразию как некую мистическо-географическую реальность, то для меня это, конечно, категорически нет. Но факт остаётся фактом – огромное количество русских консерваторов Дугин из-за этой своей политической мультивселенной в разные стороны и в разных градациях любят.

И, пожалуй, надо пару слов сказать про Лимонова. Он, конечно, не теоретик, совсем не теоретик. Единственная книга, такая вот, теоретическая, о которой можно говорит – «Дисциплинарный санаторий». Лимонов – именно практик русской национальной политики. Но, поскольку, центром этой его практики является ирредентизм, то он, тем самым, имеет определённое теоретическое место, потому что, конечно, в координатах 1990-х годов, человека, который более ярко, более чётко, более часто говорил о русском ирредентизме, просто не было. Если Солженицын только обозначил эту позицию, если Лужков играл исключительно на теме Севастополя и немножко Крыма, то Лимонов говорил об ирредентизме всего, что так или иначе связано с Русским Миром. Его мученическая история с Казахстаном, когда из-за попытки отделения части его территории с русским населением, которая привела к посадке на два года, это чётко подтверждает. Формулировка «Наши МИГи сядут в Риге» появилась не потому, что там живут латыши и их надо срочно присоединить к Империи, а именно потому, что там огромная дискриминируемая латвийскими этнофашистами русское население, поэтому там нужны МИГи. К сожалению, эта дискриминация там продолжается, активистом правозащитного русского движения подвергают судебному преследованию и репрессиям. Террор против русских в Латвии всё набирает и набирает свою мощь. И вот как человек, последовательно говоривший всегда и везде, что нужно, в том числе, силовое воссоединение Русского Мира, и как человек, готовый к определённым практическим акциям, в этом отношении Лимонов имеет в истории русского национализма совершенно огромное значение, потому что так получилось, что он сделал в этом направлении куда больше, чем многие из чисто теоретизировавших русских националистов. Подробнее о Лимонове читайте в моей книге «Рцы слово твердо», там я достаточно интересный текст о нём написал. Галина Иванкина в «завтра» написала, что текст написан в «очень лимоновском духе», как такая стилизация – и если это так, то это очень приятно.

Дальше имеет смысл несколько слов сказать об этнонационализме, то есть о тех, кто, в общем и целом, настаивают, что русские – это такая определённая расово-биологическая общность и, соответственно, наши права вытекают именно из этого, с большей или меньшей жёсткостью и аккуратностью. Здесь нужно вспомнить про Андрея Савельева, он много и плодотворно на эту тему писал и пишет. Чисто стилистически, в последнее время, он впал в какой-то странный карикатурный мистический фашизм – партия «Великая Россия» с такой откровенной гестаповской символикой, нарукавными повязками и всем таким же прочим. К чему это нужно – мне лично не очень понятно. Были на этом направлении и откровенные самозванцы, например, брат и сестра Валерий и Татьяна Соловей. Татьяна, в общем, неплохой академический этнолог, а вот Валерий – это чистой воды политический предприниматель с известными провокаторскими установками. Было очень забавным обнаружить его в качестве русского националиста, причём такого самого решительного, яркого и радикального. Вспоминаю, как в 1999 году мы с Крыловым встречались с директором Библиотеки Конгресса Джеймсом Хедли Биллингтоном. Там же, на той же встрече, присутствовал Соловей, представлявший тогда Горбачёв-Центр и рассказывал о том, что весь русский народ как один хочет социал-демократии. Это было время, когда всюду висели плакаты «Русский ответный удар» – «Ява золотая». Это было время, когда снимался «Брат-2», когда митинговали перед американским посольством, протестуя против бомбардировок Югославии – конечно же, социал-демократии тогда прямо очень не хватало. И вдруг, где-то году в 2007-м Соловей появляется вместе со своей сестрой в качестве «главных русских националистов», причём, что самое поразительное – это именно вот это «главный»: что вот они сейчас нам объяснят, что такое русский национализм. Книга «Несостоявшаяся революция» посвящена именно тому, что русский национализм «не получился», что всякие там холмогоровы это «псевдонационалисты» в силу своей провластности. Как всякий человек, приближённый к АП, он всех обвиняет в «провластности», кроме самого себя. Это была такая конкретная жёсткая попытка захвата площадки, причём сразу с такими нечестными заходами. Первый – попытка вывести всех, кто до него, кто этим занимался, кто вытащил на себе русский национализм как востребованный политический дискурс. Второй – попытка обойти всех остальных через радикализм. То есть, основной фишкой Соловья была тема «национализма крови», что вот национализм определяется кровью, что это такая абсолютно биологическая, кипящая в человеке, субстанция, а всё остальное – неважно. Тем самым, фактически, эта ловушка была поставлена для того, чтобы подманивать к себе молодых либералов, при этом не утруждая их никаким знакомством с какой бы то ни было русской исторической традицией, православной традицией, культурной традицией, а вместо этого разрешить себе весь этот абсолютный, стопроцентный нигилизм и этнофобию по отношению к своему же собственному русскому началу, но называть всё это «русским национализмом». Типа – «у нас кипит русская кровь и мы не любим кавказцев и среднеазиатов, а на всё это ваше православие и всю эту вашу державность и всё прочее нам плевать». То есть вот – «сбросим Пушкина с корабля современности», одним словом. Собственно, какое-то количество таких вот говорящих, что они русские, манкуртов, действительно, под эту программу Соловьёв удалось тогда вырастить. Потом они все куда-то растворились – либо вернулись назад в либералы, либо поумнели, но, в целом, свой вредоносный след в виде такой санкции на русский национал-нигилизм под именем русского национализма Соловей свою роль сыграл. После этого конкретно уже стало понятно, что он провокатор, фактически, в уголовном смысле, когда Крылову приходилось срочно ко мне приезжать чуть ли не в то время, когда я пошёл куда-то выпить и концерт послушать – и тут вдруг звонит Костя: «А ты где? Давай я срочно приеду, мне надо с тобой поговорить. Тут завтра Соловей хочет от имени русских националистов устроить штурм Госдумы. Если нас поубивают, то знай, что мы не при чём, это провокация». – «Не бойся, никто нас не поубивает, и я думаю, что ничего не будет». Определённый вывод был сделан. Свою разрушительную роль это всё, к сожалению, сыграло.

Ещё, если говорить опять же о таком этноцентрическом русском национализме, то очень важно упомянуть книгу Александра Ивановича Вдовина «Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России». Она несколько раз переиздавалась, наверное, лучше всего последнее издание – а может быть и нет. Но эта книга очень важна. Там собрана масса материалов про положение русских в XX веке в Советской России и она сама по себе тоже такой памятник определённому изводу русского национализма, на мой взгляд, слишком красного, слишком

снисходительного по отношению к сталинизму, то есть всё та же логика: «гонения на космополитов, выселение неправильных народов с Кавказа – значит уже русский национализм», что, мягко говоря, не совсем так. Но, тем не менее, это очень значимо для воздействия на людей, шедших в фарватере Вдовина, и как раз изучавших положение русских именно с этой политической точки зрения уже в XXI веке, что тоже довольно существенно.

Пожалуй, самый выдающийся представитель нашего этноцентризма – это Александр Никитич Севастьянов. С чем бы я не был бы с ним в каких-то вещах не согласен, скажем, из-за некоторого скептицизма в отношении к Русской Православной Церкви, однако он человек-глыба, человек, конечно, отстаивавший такой национально-демократическую, национально-капиталистическую, не красную программу русского этнического национализма все 1990-е годы и, соответственно, в последующие годы тоже. Человек очень внимательный, чуткий по отношению к всему, что в русском национализме происходит. Его собственный труд, достаточно значимый для изучения, «Основы этнополитики» - это не провокаторский, а искренний национализм крови и в этом смысле всегда очень тонко рефлексивный, с пониманием конкретного политического контекста. В этом смысле, конечно, данную книгу непременно следует читать. Можно ознакомиться с его сборником актуальных политических работ «Трудные вопросы русского национализма», где подробно разбирается положение русских в России и РФ применительно к сегодняшнему политическому состоянию, в частности, вопрос статуса в Конституции. Есть ещё такая довольно любопытная книжка «Русское движение за тридцать лет. 1985 – 2015», где Александр Никитич раздаёт персонажам свои авторские характеристики, с которыми я не всегда согласен. На мой взгляд, Михаила Витальевича Ремизова он очень сильно недооценивает. Понятно, что ему не нравится такой формальный язык ремизовской политической философии, такой очень абстрактной. Но, тем не менее, мне кажется, что тут он не прав. Меня он наоборот очень хвалит, говорит, что никогда ни в чём со мной расхождений не имеет и мне это очень приятно слышать. Очень тепло он пишет о Косте Крылове. На самом деле, как определённая попытка пособия с точки зрения Севастьянова к тому, о чём я говорил в данной лекции, эта книжка обязательна для ознакомления. В Интернете её текст есть в наличии.

Ещё один персонаж, который тоже, в общем и целом, находится в логике близости к национализму крови – Дмитрий Евгеньевич Галковский. То течение, которое он создал, я обозначил как хайп-национализм, хотя, конечно, когда он это делал, понятия «хайп» ещё не было популярным. Основная проблема Галковского в том, что он написал действительно исключительную книгу «Бесконечный тупик». Исключительные там, собственно, размышления о русских, о положении русских в советском культурном космосе с опорой на традицию XIX века – начала XX века, на Розанова, на Достоевского, на Меньшикова и прочих. Вот этот его посыл был потом обобщён в отличном меме «русских людей обижают». Основной посыл монолога Галковского – это то, что это монолог тяжело обиженного человека, поскольку, как вы знаете, наверное, будучи знакомыми с моей работой «Категории русской цивилизации». Там я пишу про эффект обиды, который считаю одним из базовых русских основных, посему ничего в обиженности по определению плохого я не вижу. Я вижу, что проблемой является то, как человек с этим работает, а Галковский работает с ним совершенно ужасно. Он свою обиду на обижающих русских нерусских вымещает на других русских. Скажем, в далёком 1998 году он почему-то отчаянно меня возненавидел, решив, что я подхожу ему в жертвы и, соответственно, на протяжении десятилетий, старался всячески отравить мне жизнь, иногда небезуспешно. Крылову немножко менее небезуспешно, но его он тоже ненавидел, правда, как он ненавидит всех. Меня он ненавидит несколько больше, наверное, поэтому у меня есть основания предъявлять ему особый счёт. В чём была суть? В том, что Галковский для своего времени очень последовательно и очень ярко выразил самоощущение нашего обиженного русского гуманитарного интеллигента, который оказался в месте, где вокруг одни рабиновичи и все они напевают что-нибудь из серии «критика буржуазной философии», что кто-то в очередной раз в этом духе перепевает Хайдеггера или школу анналов, «а ты, Ванька, сиди, грызи гранит марксизма, тебе нельзя быть умным, тебе нельзя быть интересным, тебе нельзя быть тонким, тебе нельзя заниматься своим, а либо заграничным, либо нашим тусовочным». И вот эту обиду и ненависть угнетённого русского гуманитарного интеллигента Галковский выразил, конечно, очень сильно и очень ярко. Поэтому для люди, более-менее, его поколения он вообще «святой», несмотря на

любые его гнусности, потому что он выразил эту их эмоцию, которая мне уже понятна только на уровне школьника, который что-то такое ощущал, на уровне теории, потому что на практике уже в 1990-е ситуация стала более многополярной.

В «Бесконечном тупике» он выразил именно такую предельно агригированную русскую ксенофобию по отношению ко всему этому захватническому, новоиопскому кагалу – в веках останется его термин «новиоп». Он чётко показал, некоторым образом, морально разрешил их ненавидеть. Вот если бы он при этом не бросался ещё на всех прочих, если бы он постоянно не пытался привлекать к себе внимание всевозможными скандалами, гадостями и подлостями, обладал бы хотя бы каким-то базовым чувством стыда, потому что его некрологовые записи о Константине Крылове являются образцом какого-то бесстыдства, а не просто злобы – самая большая проблема у Галковского, то для всех было бы гораздо лучше, и он остался бы в истории гораздо более ярким персонажем. К сожалению, в нём эта бесстыжая злоба взяла верх, плюс он оказался таким сектостроителем, то есть человеком, который не может без секты. Я, например, секты категорически не выношу и панически боюсь выстроить вокруг себя любую секту, из-за чего иногда даже с людьми меньше общаюсь, чем следует, иногда их отпугиваю, потому что статус вождя секты для меня невыносим. А Галковский без него, наоборот, не может существовать – эта секта должна его кормить, служить, восхищаться. Сейчас стало в этом плане потише, после того, как он женился. Чтобы кормить секту, нужны силы и средства, нужны лже-знамёна – от сравнительно безопасного «СССР – криптоколония Англии» до совершенно небезопасного и катастрофически невежественного «берестяные грамоты – это подделка». Впрочем, на эту тему я достаточно высказался в моей книге «Миражи лжеистории», рассмотрев эту тему с берестяными грамотами. И вот этот вот хайп – нужно либо непременно доказывать, что «12 стульев» якобы написал Булгаков, почему-то считая, что это комплимент, хотя, конечно, если бы это было так, то очень сильно уронило отношение к Михаилу Афанасьевичу, поскольку это очень гнусная вещь. Но. По счастью, это не так и это очень хорошо видно. В общем, к сожалению, Галковский это такое не просто продолжение розановского эго-консерватизма и эго-национализма, это продолжение такого очень больного эго-консерватизма и эго-национализма. Непонятно, можно ли вообще это называть консерватизмом. «Бесконечный тупик», конечно, книга консервативная, а вот дальнейший Галковский – непонятный. Насколько может считаться националистом человек, который пытается подорвать национальную традицию всякой псевдофоменковщиной – это тоже большой вопрос. Но вот позитивное ядро, даже в случае Галковского, даже при всей к нему моей неприязни, которое стоит в нём выделить (вот у Соловья такого нет, всё ядро, которое там есть – глубоко вредное), заключает в себе заявление прав русской национальной гуманитарной интеллигенции и категорическое неприятие новиопства и всех новиопских приёмов. Конечно, с этим термином Галковский в историю русского национализма войдёт.

Ещё один человек, стоявший, собственно, вне русского национализма, может быть, как течения, но, тем не менее, к нему очень близкий, очень на него серьёзно повлиявший – Вадим Леонидович Цымбурский, крупный геополитик, крупный теоретик русского национал-изоляционизма. Ему принадлежит доктрина «Остров Россия», который должен заниматься собой, продолжая Солженицынскую мысль об обращении к северо-востоку, и не должен лезть в Европу, не должен покупать её хорошее отношение, виляя хвостом. Всё это для своего времени было очень важно. Тут я снова за текстом о плюсах и минусах Цымбурского отошлю к своей книге «Игра в цивилизацию», где о нём есть довольно большой очерк. Здесь что важно? То, что. в принципе, во всех геополитических построениях Цымбурского последовательно проводится тезис, что Россия – это страна русских, что русские здесь живут, что для них это естественная среда обитания, что если там встречаются прочие, то они немножко недоразумение, что никак правам русских противоречить не может. Ко всей этой многонациональности у Цымбурского был довольно американский взгляд, как по отношению к индейцам. Конечно, при этом, теоретическая беда Цымбурского была в том, что он очень сильно преувеличивал естественность для нас этого исторического пространства и его границ. Для него территория нынешней России со включением в неё Новороссии и Крыма – важно, что он тоже одним из первых говорил о них, как о части русской цивилизационной платформы, он подчёркивал, что без Левобережной Украины геополитическая игра для России проиграна – пространство, естественно

заселённое и принадлежащее русских без всяких сопротивлений. На самом деле, и за Поволжье нам и за Поволжье приходилось повоевать, и за Сибирь повоевать, и за Дальний Восток, и уж тем более за Дикое Поле и Крым. По сути, никакой естественной платформы, если ты за неё непрерывно не дерёшься, невозможно. Изоляционизм, на самом деле, не спокойная позиция, это позиция ещё более боевая, чем вхождение во всякие всемирные альянсы и союзы. Понятно, откуда это было у Цымбурского, оттуда же это было и у Гумилёва с его Евразией, и у Дугина с его версией Евразии. Это была такая попытка, когда в условиях 1990-х история была деконструирована, в условиях, когда, фактически, русских дискредитировали, что русские как действующее начало не выступают, всё-таки сохранить русское пространство как естественно нам принадлежащее. Отсюда эта попытка такой мнимой естественной геополитической кодировки, против которой я полемизирую – у меня есть такая статья «В поисках утраченного Царьграда. Цымбурский и Данилевский», где сравниваются их позиции, отталкиваясь ещё от одной книги Цымбурского, фундаментального труда по истории русской геополитической мысли, «Метаморфозы российской геополитики». В своей статье я подробнее о Цымбурском и сомнительности этого естественного геополитического кодирования и говорю, что без истории и без борьбы, на самом деле, ничего не получается. Прочное – результат хорошо удавшейся борьбы и крепко реализованного исторического пути и никак по-другому. Статья эта опубликована в «Тетрадях по консерватизму» и на сайте «100 книг».

За последнее время я много говорил о Константине Анатольевиче Крылове, что, конечно, трудно сказать что-то новое, но, тем не менее, в рамках этих лекций невозможно не повторить ещё раз то, что уже было сказано. Отмечу, что о Константине Крылове в «Добрых русских людях» есть статья, в самом конце книги. Его памяти я посвятил «Рцы слово твердо», завершив книгу очерком о Лимонове, а вот «Добрые русские люди» посвящены памяти Просвирнина и завершаются как раз статьёй о Крылове. Эта же статья опубликована в качестве предисловия к сборнику «Прошлое. Настоящее. Будущее». Константин Анатольевич Крылов в самой середине 1990-х открыл новую эру в истории русского национализма, в значительной степени потому, что, бывает, когда ты изобретаешь велосипед, а потом оказывается, что это совсем не велосипед, а уже мотоцикл Harley Davidson. В крыловском случае это как нельзя более точное сравнение – они в 1990-е изобрёл некий велосипед русского национализма, не очень интересуясь соответствующим контекстом вокруг себя, не читая особо ни Проханова, ни Дугина, ни Лимонова, ни Севастьянова (с Галковским они ещё на каком-то этапе были знакомы) и даже не читая старую русскую националистическую традицию, тем более, что её значительная часть тогда ещё не издавалась. Зато он читал Гегеля, Платона, Аристотеля, китайскую «Книгу Перемен» и много чего ещё. И вот из этого, достаточно сложного и хитрого философского космоса, который наложился на естественное русское национальное чувство, которое ещё было обострено миром этих самых коммуналок, где, как признавался Константин Анатольевич, он очень поздно узнал, что русские составляют в СССР большинство, сложилось абсолютно оригинальное видение русского национализма.

Оригинального в нём был естественный талант, унаследованный от работы с мамой в известных учреждениях, от написания работ по аристотелевским категориям – это талант классификации. Собственно, его первая работа, которая до сих пор остаётся легендой, которая долгое время ни разу не была нигде напечатана (в 2023 году она наконец-то была издана в сборнике «Быть русским»), «Русские и россияне», с которой он пошёл в Белый дом в октябре 1993 года, но уже опоздал – интересно, что было бы, приди он туда на несколько дней раньше, – конечно, такой теоретический текст особо никому не был нужен. Но самим фактом написания такого текста, конечно, мы, отчасти, пытаемся как-то смыслократически повлиять на пространство. Он уловил нечто очень важное – что, действительно, эти россияне, те самые, которых Галковский потом назовёт новиопами, это, действительно, такая спаянная, агрессивная этническая группировка, которая борется с русскими за <…> ландшафт, притом относясь к русским, как к аборигенам, хотя у русских аборигенов практики весьма специфические – индустриальное производство, ВПК, точные науки. Вот эта базовая оппозиция «русские – россияне» для русского национализма конца 1990-х – начала 2000-х оказалась чрезвычайно важной. Стало понятно, что делать с огромным количеством всех этих постсоветских и постельцинских людей, которые категорически не приемлют русский национализм, которые сознательно или бессознательно

русским вредят – их смогли обобщить через крыловскую категорию «россиян». Тем более, что через эту категорию их пыталась обобщить власть, но только она пыталась обобщить их и с нами, а мы смогли ей противопоставить свою. По крайней мере, стало ясно, что делать. Через это, заметьте, произошла такая удивительная вещь – то, что россиян удалось отменить. От того их напора, который наблюдали в 1990-е, ничего, практически, не осталось. Сейчас россиянин по Крылову – либо действительно новиоп со сложным букетиком кровей, либо какой-то очень маргинальный и очень выхолощенный политический тип: какой-нибудь единоросс или чиновник хотя, надо сказать, и среди них людей с более-менее пробуждённым, в том числе, усилиями Крылова, русским национальным самосознанием, становится всё больше. Неким <…> первый такой <…> ещё достаточно элитарный <…> было у Крылова «Традиция». Без него ни Крылова, ни русского национализма начала XXI века попросту не понять. Был такой журнал «Волшебная гора», который издавал такой симпатичный человек, как Артур Медведев, который в 2009 году скончался, будучи очень молодым, едва за 40. Он издавал традиционалистский журнал мамлеевско-головинского извода, то есть это был традиционализм, ориентированный на Генона, но, в общем и целом, помимо Дугина. Дугин был в одном измерении традиционализма, «Волшебная гора» же – немножко в другом. Про всех прочих представителей Южинского кружка я специально не стал рассказывать, поскольку напрямую к истории русского консерватизма это отношения не имеет. Они не имели каких-то чётких политических классификаций. Это был второй, недугинский извод южинского консерватизма. Там периодически собирался такой традиционалистский семинар в МГУ профессора Болдырева, на котором мы, собственно, с Крыловым и познакомились. В «Волшебной горе» печатали ставших, так или иначе, потом деятелями русского национального движения, и совсем не ставших людей, откровенно скажем, противных, типа Гейдара Джемаля. Но это было некое общее интеллектуальное пространство людей вне этого либерального упрощённого контекста.

Именно там Медведев решился, как говорят, после страшных скандалов, которые устраивал Джемаль, требуя ничего подобного публиковать, поместить текст Крылова «Традиция». Это была запись доклада, который был им прочтён как раз на семинаре у Болдырева в 1997 году. Тот факт, что уже там звучат слова «нерусь» и «нежить», тот факт, что там чётко формулируют тезис, что традиция – это память о всём сделанном против нас зле, всё это был тот момент, в котором новый русский национализм современного этапа и родился. Он родился именно из крыловской идеи, что. вообще-то, этническим врагам зло надо помнить. Простить – это сознательное деяние, ты как бы осознаёшь, что против тебя сделали зло и ты лично можешь его простить, а уж после этого забыть. Этническому, национальному врагу забывать ни в коем случае не нужно. Собственно, традиция этноса, нации, если вспомнить, что Эрнест Ренан назвал её «непрерывным плебисцитом», это непрерывный плебисцит по поводу того, кого мы сейчас считаем врагами и какие действия против нас мы записываем в перворазрядные обиды. Это действительно так, я думаю, Ренан с этим бы согласился, потому что жил во Франции, где на Площади Согласия была завешана чёрным траурным покрывалом аллегорическая статуя, обозначающая Страсбург, оккупированный немцами. Французы 44 года помнили о том, что у них отняли часть их земли и в своё время за нею пришли, после чего всё-таки вернули её себе. Этот пафос традиции – а вы понимаете, что это непрерывность? – как памяти, причём, не только о хорошем, но и, в первую очередь, о плохом. Так получается, что в человеческой психологии (Крылов был очень силён анализом подлинных человеческих мотиваций – он иногда ошибался при этом с анализом людей, но с теорией человеческих мотиваций, человеческого поведения он не ошибался никогда) память о плохом, на самом деле, делает тебя ещё более индивидуальным, чем память о хорошем. Все те страдания, которые ты пережил, всю ту боль, которую ты пережил, всё то отчуждение, которое ты пережил, они делают тебя в ещё большей степени личностью, чем всё то хорошее, что с тобой случалось. Хорошее с нами случается, а плохое мы именно переживаем. И вот, после того периода, когда от русских требовали, чтобы всё то чудовищное зло, которое было сделано нам за XX век, в первую очередь, которое нам делается в прямом эфире (потому что в 1997 году прошло два года после теракта в Будённовске в прямом эфире, год – с капитуляции перед Чечнёй) – «Да ты, Вань, забудь, да ты зла не держи, ты хороший человек» и на этом фоне звучал непривычный голос: «Нет, я тебе всё это запомню!», всё это было устанавливающее этническое самосознание событие, в том числе, и для меня. Вообще, я русским националистом был практически всегда, это естественным образом проистекало из

изучения истории XIX – XX веков. Когда ты в 16 лет читаешь биографию Бисмарка и его мемуары, а также биографию де Голля, то очень трудно не вырасти националистом. Но это, всё-таки, было что-то такое абстрактное политическое чувство, что при этом иногда надо ненавидеть, но уж точно не нужно давать гаду делать то, что он делает в отношении тебя и твоей нации, конечно, это определённое метафизическое задание, что вот это традиция, как отвержение зла, как несогласие принять зло. Не знаю, читал ли Крылов к этому моменту уже «О сопротивлении злу силой» Ивана Ильина или ещё нет, но, по сути, конечно, он продолжатель этой ильинской традиции, именно в том отношении, что зло не должно быть ни в коем случае допущено в бытие как некое равноправное ему самому явление. Конечно, понятное дело, что на обострённость данной теории влиял очень сильно крыловский зороастризм – в этом отношении, при всей грустности того факта, что Константин Православие не то что не принял, но так и никогда не осознал толком, при всём при этом, то, что его сознание было отформатировано дуалистическим изложением зла, конечно, было для своего времени очень значимо. Без этого многое повернулось бы, наверное, иначе.

И всё это отразилось, в конечном итоге, в прекрасном труде «Поведение», который был успешно переиздан в 2021 году, а также она есть и в сети. Когда я прочёл «Традицию», то понял, что с этим человеком мне надо познакомиться. Нас познакомил общий приятель Володя Кисляков, с которым мы тогда издавали труды Флоровского. Тогда же на первой встрече Константин подарил мне «Поведение», потом я его кому-то отдал, кажется, какой-то даме, от которой мы тогда пытались добиться, чтобы она помогла Крылову защититься, но этот процесс как-то, в итоге, не реализовался, к сожалению. Это одна из самых главных русских книг в истории, несмотря на такой неряшливый вид издания (не совсем за счёт автора, это ассоциация ветеранов «Альфы» помогла), непрезентабельный, но это важный этикологический трактат. Что в нём сделал Крылов? Он прекрасный аналитик теории человеческого поведения именно потому, что не исключает из анализа зла. Его этика не предписывающая, а описывающая. Именно через неё сумел построить строго формальную этическую систему, абсолютно законченную. Этого не делал практически никто в мировой философии. Формальная этика, в принципе, не очень частая вещь, но самым крупным достижением является «Критика практического разума» Канта, который, несомненно, на Крылова очень серьёзно повлиял. Но выстроить строгую исчерпывающую систему формальной этики удалось только Крылову. Именно поэтому он, я полагаю, наряду с Несмеловым, должен быть объективно отнесён к числу крупнейших русских философов. Крупнейший русский философ это не тот, кого признают таковым в тусовке, а тот, кто сделал то, чего ещё до него никто не делал. Это формальная этика, которая построена на исчерпании возможных логических схем взаимодействия себя и других. Определённым образом я поступаю по отношению к другим, определённым образом другие поступают по отношению ко мне. Выясняется, что здесь есть всего четыре равновесных решения, уравнения – а Крылов, будучи физиком и математиком, прекрасно всегда владел этим математическим аппаратом – и два неравновесных. Четыре равновесных решения, чеытре этические системы следующие:

1). Как другие поступают по отношению ко мне, так и я буду поступать по отношению к другим.

2). Как другие не поступают по отношению ко мне, так и я не должен поступать по отношению к другим. Это классическое «золотое правило этики».

3). Как я поступаю по отношению к другим, так пусть и другие поступают по отношению ко мне. Это категорический императив Канта. Одно из величайших философско-исторических открытий Крылов – это то, что категорический императив не ещё одна вариация «золотого правила этики», а полная его противоположность, индивидуалистическая. В «золотом правиле этики» точкой отсчёта являются другие, а в точке императива Канта точкой отсчёта является Я, чтобы другие могли поступать также, как я. Если я этичен, если я поступаю очень плохо – то значит и другие могут поступать очень плохо. То есть это полностью противоречит «золотому правилу этики».

4). Как я не поступаю по отношению к другим, так и другие не поступают по отношению ко мне.

Два неравновесных варианта:

1). Я буду поступать так, как поступаю, а другие пусть поступают так, как поступают. Это нулевой вариант.

2). Как другие не поступают по отношению ко мне, так я буду поступать по отношению к другим. Это уже крайний вариант.

На мой взгляд, Константин не учёл, что у этого неравновесного варианта могут быть два противоположных этических знака. Этой формулой может быть описано и евангельское представление, и крайне варварское поведение. Но всё сводится только к варварскому поведению. Тем не менее, для понимания общих основ поведенческих систем эти этические системы оказались достаточно важными, тем более, что он, опять же, по логике изобретения велосипеда, в результате которого получается Harley Davidson, переоткрыл Данилевского, кажется, опять его не особо читая и, может быть, даже о нём не особо слыша. Он эти четыре этические системы превратил в четыре цивилизационных блока – Юг, Восток, Запад и Север соответственно. Причём, Юг, Восток и Запад, как реально существующие, были описаны, настолько узнаваемо по отношению к соответствующим регионам. А этика Севера, гласящая, что «я не допущу, чтобы другие поступали со мной так, как я не поступаю с ними», звучала настолько великолепным заданием для русских на XXI век, что мне оставалось только поражаться.

Я сидел тогда и сторожил Институт физкультуры на вахте, читал эту книгу и просто задыхался от восторга. Я думал – как вот так вот? Притом, было видно, что человек не изучал десятилетиями эмпирическую историю, как это делал я в университете, что у него нет в голове такого огромного разнообразия фактов, цитат и так далее. К сожалению, когда Константин брался за какой-то вопрос, это сказывалось – когда он брался, то делал всё прекрасно, как талантливый историк и биограф, но когда делал общие суждения, то они были совершенно дикие, ложные и поверхностные. Но вот эта интуитивная философия, социально-философская чуйка просто, конечно, сшибала с ног. И вот то, что русские должны не просто помнить что-то, как нация, а должны основать новый цивилизационный порядок, который будет основан на том, чтобы не допускать по отношению к себе то <…> 1990-х годов, когда все делали в отношении русских, то, чего русские в отношении них не делали. Мы их кормили, строили им заводы, освобождали от рабства – в ответ нас морили голодом, заводы разрушали, брали в рабство, взрывали, брали в заложники, унижали. Это неравновесное поведение Крылов чётко в цивилизационном смысле определил как варварство. Если поведение «что я делаю, то я делаю» он определяет как поведение диаспоры, то поведение «я вам сделаю того, чего вы даже представить не можете» он определяет именно как варварство. Опять же в контексте чеченских войн, всё это ваххабитство, взятие заложников, отрезание пальцев по телевизору, всё это было политически сверхактуально. Это была интерпретация мира на здесь и сейчас. Это то, что описывало Россию в эти годы. В каком-то смысле, это была ещё и практическая философия Второй Чеченской войны, которая как раз началась в 1999 году, но она была дана чуть раньше – и заключалась в том, чтобы всё-таки укротить варварство и, худо-бедно, по большей части откупом, это удалось. Собственно, как мы помним, Константин Анатольевич пострадал за акцию «Хватит кормить Кавказ!» Опять же, его очень некрасиво подставили – деньги взяли другие люди: а деньги там были, потому что в этом были сильно заинтересованы некоторые ведомства, которые не хотели переплачивать – а подставили при этом Крылова, очень некрасиво. Во всяком случае, крыловское «Поведение» действительно оказалось неким значимым историософским документом, некой программой, зданием для меня и большого количества людей. Я не очень понимаю, почему впоследствии он его недостаточно ценил, не стремился к переизданию – но это часто с гениями бывает, когда они сами же недостаточно ценят свои же собственные величайшие достижения.

Что ещё следует обязательно читать у Крылова? У него есть великолепный сборник «Прогнать чертей». Там несколько очень важных его текстов. Там есть довольно большое количество текстов по текущей политологии, но это было такое стандартное оппозиционное националистическое неприятие текущих постельцинско-путинских порядков. Поскольку мы всё равно в этих порядках продолжаем жить уже больше 20 лет и ничего с этим сделать не удалось и не факт, что если бы удалось, то было бы лучше, то, соответственно, мне всегда казалось, что это пустая трата времени. Есть там вещи, которые были совершенно не пустой тратой времени – это вещи, которые, опять же, связаны с фундаментальными основами поведенческой этики, в частности, национально-поведенческой. Я никогда не забуду, например, статью «Плачет киска в коридоре», посвящённая тому, как зло бьёт на жалость, ибо это самое простое чувство, которого может для себя добиться зло, потому что во всех остальных отношениях оно противно, гадко и никто бы, конечно, никаких других чувств к нему не

проявит. А вот на жалость оно стремится бить нас всегда. Поэтому не надо на эту жалость покупаться ни в коем случае. Когда рассказами про милую девочку-наркоторговку оправдывается наркоторговля как то, чем занимаются милые девочки <…>. Это была очень значимая формулировка, равно как и ещё одна статья, тоже очень важная, «Пробуждение от идиотизма», посвящённая феномену современных идиотократий, политических строек, режимов <…> республиканские, коммунистические, либеральные <…> в том, что <…> не соотносит её с собой и является идиотом в античном смысле слова, человеком, который, что называется, живёт вне социума за его пределами. Там ещё целый ряд интересных текстов и рассуждений, но эти, пожалуй, самые теоретически значимые и важные. Заметьте, они все проходят по одной линии, которая, собственно, у Крылова самая центральная, самая важная, самая максимальная точка его вклада – последовательное недопущение зла в отношении своего народа, самого себя, порядка бытия, такое последовательное анти-зло. Опять же это совершенно не такая банальная вещь, как может показаться, потому что сейчас мы все против зла, за дистиллированное добро – а тогда было много разговоров о том, что нужен путь левой руки, перейти на сторону тьмы. В этом смысле этический дихотомизм Крылова оказал на русский национализм как на интеллектуальную систему огромное влияние, исключительно важное.

И здесь, пожалуй, можно вспомнить одного мыслителя, которым и он, и я всегда очень интересовались – советский историк Борис Фёдорович Поршнев, который в своё время для своей очень странной, парадоксальной, совершенно фантастической, в смысле выдуманности по материалу, но очень интересной по концепции, работе «О начале человеческой истории», выдумал понятие контрсуггестии. У него есть хорошая небольшая работа, где всех этих выдумок про снежных людей нет, «Контрсуггестии и история». Её стоит прочитать, чтобы понять и мой национализм, и национализм Крылова. В представлении Поршнева, в какой-то момент существуют на каком-то этапе эволюции (поскольку я в эволюцию не верю в этом обезьянном смысле, то мне было смешно) появилось такое явление как суггестия – умение при помощи голоса, при помощи звуков, при помощи слов подчинять себе волю другого. Весь язык, в значительной степени, построен на суггестии – мы говорим кому-то с просьбой или повелением что-то дать или что-нибудь сделать и его первым естественным движением является исполнить то, что мы просим и что говорим. Научиться говорить «нет!», как подчёркивает Поршнев, надо искусственно. Это тот самый механизм контрсуггестии, прерывания суггестии, который и сделал человека человеком. В его мифологии получилось, что неандертальцы были такими суггесторами и людоедами, которые вырастили Homo sapiens-ов как свою еду и приманивали их своим голосом как дудочкой. А вот сапиенсы приучились наконец этот сигнал прерывать и делать не то, что хочется суггестору, а то, что соответствует его интересам, потребностям или хотя бы инстинктам. Потом поверх этого Поршнев строит этаж контр-контр-суггестии – всевозможные идеологии, религиозные системы, системы регуляции поведения, чтобы всё-таки убедить человека сделать что-то, что он не хочет – выработать в нём более сложную этику, чем этика самосохранения. Действительно, такая контрсуггестия имеет место в истории, национализм является одной из её форм, потому что важное послание национализма – это послание «Умри за тех, кого ты не знаешь!» (поскольку они такие же русские как ты) Но у нас, к сожалению, это послание национализма редуцировалось на два этажа ниже, просто на суггестию: «– Умри за крестьян в Гренаде! – Почему? – А потому что мы тебе так говорим!» Вот русские были тяжело засуггестированы за XX век и тяжело от этой суггестии пострадали и страдают до сих пор. И вот крыловский извод национализма он весь был национализмом контрсуггестии, он весь был национализмом, который учит говорить: «Нет!»
Более важного урока, чем это умение говорить «нет!» злу, не примиряться со злом, со злом, сделанным тебе, в наследии Крылова нет, это номер один у него.

Разумеется, при всём при этом, нельзя забывать о Крылове как о практическом политике и идеологе русской национал-демократии, каковым он был всю вторую половину 2000-х и все 2010-е годы. Наиболее выдающийся в этом смысле его труд – «Семнадцать ответов», когда Павел Данилин задал ему и целому ряду людей вопросы о русском национализме. Вопросы там были довольно странные – типа «как вы собираетесь взаимодействовать со сторонниками Власова?», довольно провокационные. Я поэтому даже отвечать на них не стал. А Крылов последовательно и педантично на всё это ответил. И, действительно, один из сильнейших практико-теоретических документов, по крайней мере, его

национал-демократического извода. Это всё было издано тогда брошюрой. Потом в помещении РОДа полиция всё это изъяла, что-то они там сожгли, но, в конечном счёте, какое-то количество этих брошюр осталось. Потом в довольно полном виде всё это переиздали Александр Котов и Андрей Иванов в хрестоматии «Национализм: pro et contra». Там, конечно, «17 ответов» не целиком, но достаточно много, чтобы получить ясное понятие о том, что такое русский национализм Крылова. Я там не со всем согласен, как я всегда был не согласен со всем этим национал-демократическим дискурсом, мне всегда он казался немножечко исторически беспочвенным, не учитывающим вековую русскую традицию в её позитивном аспекте. Конечно, у Крылова был этот перекос, что он из-за отрицательного понимания традиции как отрицания зла, сделанного прежде, он несколько недостаточно уделял внимание положительным аспектам русской традиции, точнее, уделял очень фрагментарно. Вспоминается, например, его эксперимент по соединению «французского с нижегородским» и получению шампанского с квасом, каковым он на одной из своих лекций даже угощал своих слушателей. И мы сами с ним неоднократно в «Пушкине» его пили. Но, в целом, в этом смысле, с положительным содержанием русской традиции у него, конечно, имелись пробелы, тогда как в смысле отрицательного таких пробелов не имелось. Но, тем не менее, «17 ответов» в этом смысле текст очень важный.

Также отмечу и ещё одну его статью из журнала «Вопросы национализма», первоначально опубликованную в журнале «Отечественные записки», куда сначала меня пригласила Татьяна Малкина, а затем уже я привёл Крылова, который ей даже больше понравился, потому что он был прикольный, а я – скучный и неприкольный. В результате он, под псевдонимом Игорь Чернышевский написал там несколько великолепных текстов, часть из которых вошла в сборник «Нет времени» 2006 года, который я здесь не упоминаю, потому что он какой-то, практически, аполитичный – причём, как я понимаю, издательство боялось, что их побьют за крыловскую политику. В итоге, там национализм Крылова был выражен только косвенно. А вот в статье, вышедшей в «Отечественных записках, собственно, определяется что такое нация и национализм. Нация – субъект <…> большого времени, взятая как <…> крыловский сборник «Русские вопреки Путину». Большая часть сборника – это опять же истории о том, как мы не любим Путина, как Крылов любил его всё меньше и меньше, а власть ему, в этом смысле, платила взаимностью. Все мои попытки установить какое-то хотя бы перемирие ни с одной из сторон так и не увенчались успехом. В этой книжке, вышедшей в «Алгоритме», есть его текст об определении национализма и он, конечно, теоретически очень важен и блестящ.

***

Тут я немножечко перейду от фигур, лиц и мыслителей к определённой контекстовой истории движения, потому что оно тоже важно и тоже имеет значение. То есть познакомились мы с Крыловым где-то в сентябре или октябре, точно не помню, 1997 года, очень быстро подружились. Где-то в феврале он завёл себе интернет, сделал там собственную страничку, где выложил всё на тот момент самое важное из своих трудов и, соответственно, в тогдашнем очень небольшом и ограниченном интернете тут же начали появляться фанаты, причём общительные и активно деятельные, а не те, которые, что называется, читают годами, а потом, если что-то ты им скажешь и им не понравится, то они сразу отписываются (чаще всего те, кто говорит «я от вас отписываюсь» никогда и не подписывались). В этом интернете мы постепенно решили что-то сделать. Сначала сделали сайт doctrina.ru, но там Крылов пригласил третьего соавтора, не очень удачного, Матросова, из-за которого вся эта история развалилась. Потом Крылов учредил сайт «Традиция», я – сайт rossia.org, но я тогда, к сожалению, занимался ещё довольно много всякой такой сектантской деятельностью в рамках «альтернативного православия» – не самая радостная страница моих воспоминаний – и часть сил на это уходила. Но где-то постепенно начали устанавливаться какие-то социальные связи, социальные контакты, какой-то определённый круг и уже в 2000 году мы начали мы все начали писать в такой еженедельной газете «Спецназ России». Крылов с Ассоциацией ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» работал ещё с 1997 года. Собственно, те лекции, которые легли в основу «Поведения», были прочитаны первоначально именно для них. Был такой замечательный человек Вадим Николаевич Ширяев, который был, собственно, идеологом всей этой ассоциации и организовал данную газету. Он

всё это активно поддерживал, ему всё это было интересно. Уже в 2000 году, даже по-моему, ещё в 1995-м, он решил, что надо такую газету издавать, чтобы прямо зажигала. Где-то в начале 2000 года Крылов пригласил в газету ещё и меня, Светлану Лурье, потом ещё несколько человек подтянули из своего круга общения. На какое-то время, особенно 2000 – 2002 годы, пока у нас вообще не было никаких издательских и медийных альтернатив, «Спецназ» был прямо, что называется, культовым изданием в патриотической среде. На неё подписывались православные епархии, какие-то политические люди, какие-то клубы бойцов, разумеется, ветераны всех были подписаны. Причём, понятное дело, здесь большую роль играла шапка. Понятно, что если это всё издаётся под маркой Ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», то, в этом случае, соответственно, так просто не придерёшься. Нельзя просто вот прийти и возбудить дело по 282-й статье, что нельзя так вот просто запугать, закрыть, изъять газету. То есть, у нашей волны русского национализма появилась, что называется, «крыша». И это действительно было такое серьёзное достижение газеты «Спецназ России», тем более, что мы там, в самом деле, жгли напалмом. Ширяев был человеком таких очень широких воззрений, лишь бы русское и лишь бы действительно жгло, а так это могла быть и аллилуйя Сталину, и восторженная статья о Мигеле Краснове, помощнике Пиночета в ходе его антикоммунистической революции, и многое другое. Не помню, были ли там статьи про казаков Паннвица и что-то такое в том же духе, но, в принципе, с Лёши Аванесова, который очень любил эту тему, вполне сталось бы. Так что, всё интересное, что мы могли дать в рамках националистическо-патриотического дискурса, мы там выдавали. Понятное дело, что во всём этом был некий пафос восторга перед темой чекизма, но, опять-таки, в координатах молодого Путина 2000 – 2002 годов было понятно, что система госбезопасности это не давящие всех по 282-й статье упыри, не Дзержинский и не красный террор, а это именно те, кто придёт и щас наподдаёт всей этой либеральной слякоти и укрепит государство. Крылов написал туда какое-то количество перворазрядных статей. Вот, например, номер за февраль 2002 года – статья Крылова «Принцип национальностей», статья Егора Холмогорова «Наследие Октавиана Августа». Это история о том, что Путин и внешне похож на Октавиана и, по сути, формирует режим принципата. Что интересно, потом наша унылая политология додумалась до того, что Путин формирует режим принципата где-то в году 2007-м, тогда как я написал об этом уже в 2002-м.

«Спецназ» был, как бы, и формой высказывания, и формой выживания, чтобы не умереть с голоду и формой первичного привлечения к себе общественного внимания и признания. Понятное дело, что у нас к 2001 году уже у всех были Живые Журналы, Крылов вообще входил в число самых первых русских пользователей, я – где-то в число первых 50-ти. В ЖЖ мы свою повестку транслировали, тем более, что первое время, когда такая обстановка была довольно местечковая, либералы вполне нормально с нами дружили, общались и так далее, то есть вещание было не только на свою тусовку, но и на сопредельную. Ну а «Спецназ» давал возможность высказываться в больших форматах. Мои статьи оттуда были объединены, по большей части, в книгу «Русский проект. Реставрация будущего», в которой почти половина текстов из «Спецназа», некоторые оттуда более-менее удачные, как, например, «О национальной гордости великороссов», некоторые совсем неудачные. В целом книжка, понятное дело, с большими неосоветскими прихромами, поэтому особой радости у меня память о ней не вызывает, но, тем не менее. Это был такой мощный драйв и разгон, который идеально ложился в тогдашний медийный контекст – Путин, реванш ГБ, ГБ как государственники, антиамериканизм и русская тема как составляющая всего этого: мы воспрянем, мы же русские. Конечно, большую роль в этом «Спецназ» сыграл.

К 2003 году некая наша медийность, если так можно выразиться, приобрела уже такие устойчивые формы. Мы публиковались в очень солидных изданиях – «Отечественные записки», в половине случаев под псевдонимами, но тем не менее, всё-таки и моя фамилия, и фамилия Крылова там появлялись. Нас печатали всякие такие либерально-консервативные околосетевые издания, типа GlobalRus.ru Александра Тимофеевского, такого дуайена московских ЛГБТ-эстетов, сравнительно консервативно направленных (скончался в апреле 2020 года). У них был там такой кружок – Тимофеевский, Татьяна Толстая, Евдокия Смирнова, которая тогда ещё вовсю себя везде именовала Дуней. И вот они, в какой-то момент развели молодого нефтяного магната Вячеслава Лейбмана на

издание газеты, потом что тот встречался с Собчак, а потом с ней поссорился, забрал у Собчак какие-то свои бриллианты, та написала на него заяву в милицию и на него завели уголовное дело. И тут-то ему Тимофеевский и сказал: «Знаешь. Слава, медиамагнатов никто сажать не будет» – конечно, после Гусинского, это было очень странное утверждение, но, тем не менее, они его развели на покупку такой либеральной «Общей газеты» прямо вместе со зданием и начали издавать газету «Консерватор». В исходном варианте эта газета была такой очень умеренной, не антипутинской, консерватизм всей этой либеральной тусовки, что называется, «нам не по дороге с демшизой». В таком виде они её поиздавали 2,5 – 3 месяца, потом у них всё начало разваливаться, Лейбман ко всему этому интерес потерял. Прежнего главреда он уволил, потому что это было слишком дорого, ну и потому что вообще получалась какая-то ерунда. Нас никого в этот «Консерватор» не позвали, причём Тимофеевский мне честно так и сказал в телефонном разговоре, что нет, нас не могут пригласить, мол, не доросли ещё, недостаточно рукопожатные и хорошелицые, чтобы нас звать в такое место, как газета «Консерватор». Я подумал: «Ужо ж тебе!» И когда у них начало всё разваливаться, то Тимофеевский решил добить Лейбмана, посоветовав ему в качестве главного редактора Митю Ольшанского, который в 2001 году прославился текстом «Как я стал черносотенцем», текстом идеальным, с точки зрения того, как он написан: упромысливать, гнобить и не петюкать, выводить на снег и расстреливать и всё в том же духе. Это, в общем, такая классика русской литературы, как не посмотри. И Ольшанский был достаточно одиозным фашистом, с которым, соответственно, дружили Крылов и Холмогоров, который с ними дружил и, соответственно, это его тоже отдельно уже ужасно компрометировало. Соответственно, Лейбман, назначающий Ольшанского главредом своей газеты – это такой, как любит выражаться Олег Кашин, «выстрел в член». Это действительно была такая попытка самоубийства.

Но в этот момент один из сотрудников Тимофеевского, Андрей Громов, сказал мне, поведав всю эту страшную интригу, чтобы я убедил Митю, чтобы он ни в коем случае не соглашался. «С чего бы это?», подумал я. Наоборот, я подкатил в аське (ICQ, такой древний менеджер) к Мите, который радостно мне сообщил, что ему предложили быть главредом, что он зовёт меня обязательно писать в замечательную газету «Консерватор». Я начал его спрашивать, кого он хочет назначить главой отдела политики. Митя называет какую-то абсолютно серую личность из тогдашнего стандартного журналистско-либерального тусняка. Я ему говорю: «Митя, но это же не зажигательно, это абсолютно не зажигательно! Возьми Крылова, ты понимаешь, что это будет ядерный взрыв? И вот тогда газету действительно начнут читать». «Да», согласился со мною Митя. «А вот кого ты хочешь на отдел общества?» Он опять называл кого-то невыразительного. Я говорю: «Надо ещё поискать». Он: «Ну давай ты возглавишь?» У меня тогда была как раз по сектантской линии работа у Павловского, достаточно приносившая деньги, а ко всему этому «альтернативному православию» я давно уже охладел, потому что стало понятно, что это не борьба за чистоту церковности, а очередная борьба за свои амбиции. Я подумал, что, в принципе, если будет хорошая зарплата, то я готов перейти в «Консерватор». Договорились. Потом также придумали ещё целый ряд ключевых сотрудников. Пашу Святенкова, с которым мы как раз тогда только через ЖЖ познакомились, тоже привлекли. В общем, чрез какое-то время укомплектовали какой-то интересный набор газеты. Тут обо всём этом либеральная тусня узнала, они дико завизжали. Они начали забрасывать Лейбмана на ту тему, что Крылов – это «фашист». Лейбман сказал, что фашистов нам не надо. Ольшанский от всего отказался, заявив, что без Крылова не пойдёт – Митя в этом плане очень лояльно себя повёл. В итоге там, как не странно, проявился такой персонаж Авром Шмулевич, такой тогдашний евразиец с идеями полярными Израилю (сейчас это какой-то мерзкий совершенно русофоб, который вместе с адыгейцами накатал на меня доносы в прокуратуру), который написал письмо Лейбману, подписавшись раввином (не знаю, на самом деле он раввин или же нет), что типа мировая закулиса ничего плохого о Крылове не думает. После этого некий компромиссный вариант, опять же моими усилиями, был найден – я тогда вообще все нулевые годы, в ущерб, может быть, собственной творческой активности, тратил силы на то, чтобы выступать таким медиаменеджером. И тут тоже, когда все в последний момент в обсуждении 31 декабря 2002 года чуть не поругались о том, кто будет главредом, предложив главредом стать Лейбману, а Ольшанскому – его заместителем.

В итоге мы начали выходить. Газета «Консерватор» честно провыходила с января по май 2003 года. И это, конечно, был взрыв и прорыв. Мы взяли серьёзное, официальное, не многотиражку, как выражались в отношении «Спецназа», издание – всё-таки, газету, как не крути. Причём, в общем-то, осуществили её рейдерский захват у этой либеральной тусовки – а это совсем страшные люди, если они могут у либералов осуществить рейдерский захват. Тогда, конечно, была серьёзная атмосфера рейдерских захватов, как раз весной 2002-го Йордан и Кох окончательно отжали НТВ и выгнали оттуда весь «уникальный творческий коллектив», всех этих шендеровичей, киселёвых и прочих. Но всё-таки это Йордан и Кох – а тут какие-то Холмогоров-Крылов-Ольшанский и примкнувший к ним Быков (ныне – иноагент), то есть, что, эти тоже могут осуществить рейдерский захват медиа? Ну и они начали, конечно, как-то смотреть на это с некоторым, я бы сказал, уваженьицем, не то, чтобы уважением, но уваженьицем, не то, чтобы с опаской, но с опасочкой. И вот в этой атмосфере опасочки и тщательно подогреваемого скандала мы издавали газету до мая, пока у Лейбмана совсем не закончились на это дело деньги, всё-таки, у него было, куда их потратить, без странной газеты с сумасшедшими ребятами. Он всё пытался её кому-то перепродать, но не получалось. Опять же Павловский очень страстно всем этим заинтересовался, потому что ему хотелось политтехнологически сконструировать интересный консерватизм и национализм, а потом выступать в Администрации Президента как человек, который является менеджером всех этих ребят. Все нулевые годы основная задача была сбежать от всевозможных менеджеров, которые пытались на всё это дело сесть. Дальше мы сбежали, конечно, но, в итоге, и пройти нам особо никуда не дали. Но Павловский, при всём при этом, был человеком субъективно хорошим и лояльным. По крайней мере, честно поддерживал и помогал. Но вот только он распиарил эту газету тогдашнему главе администрации Александру Волошину, как выходит наша передовица о «Единой России» с названием «Принцесса на Волошине». Понятное дело, что на нас страшно обиделись.

На самом деле, мы хулиганили и жгли. К сожалению, у меня не осталось ни единого номера «Консерватора» – в Интернете он сохранился в таком довольно обрывочном виде. Я потом думал, в какой-то момент, что вот что мы там могли в каком-то 2002 году издавать, наверняка это была какая-то плоская, пресная ерунда. Но вот через машину времени Интернета я туда заглянул, хотя бы на заголовки – и у меня глаза на лоб полезли. Там заголовки, типа «Воссоединение. Что такое ирредентизм?». Статья Дугина – «Украина не является суверенным государством». И далее – «Галицкое Возрождение. Намерение и результаты», небось, это была вообще какая-нибудь публикация Кирилла Фролова. «Россия не хочет платить за любовь украинской элиты» – и это правильно. Ольшанский объяснял, кто такой Солженицын и почему это хорошо. Крылов с ним тогда ругался, потому что он тогда был ещё довольно просоветски настроен. Мы опубликовали знаменитую речь муфтия Таджуддина с призывом к джихаду против Америки по случаю агрессии против Ирака, за которую на него чуть не завели уголовное дело. Мы поддерживали разгром выставки «Осторожно – религия!» Ольшанский написал совершенно бесподобную статью на эту тему, за которую его вызвали в Союз журналистов, но разбирательство не состоялось. На самом деле, объективно, «Консерватор» жёг. Где-то к апрелю ЖЖ-шные девочки начинали писать что-то из серии «как обычно начала утро с нового номера «Консерватора»». Газета была еженедельной. По сути, если бы не кончились деньги, то мы бы попали в определённый тренд, потому что, как вы помните, через пару месяцев началась государственная охота на Ходорковского, причём, уже в последнем номере «Консерватора» был опубликован сокращённый вариант доклада «Государство и олигархия», к сожалению, из-за меня не в полном виде. Дело в том, что уже несколько раз до этого Митя приносил эти доклады Совета национальной стратегии Белковского и они не выстреливали. Я подумал, что этот тоже не выстрелит и решил дать краткую выжимку – однако вот именно этот-то и выстрелил. И вот в период охоты на Ходорковского, конечно, а потом и в период деятельности партии «Родина», издание «Консерватора» было бы востребовано. Но вот чуть-чуть не дотянули. Это вечная наша беда, точно также, как и с «Реакцией Вассермана» - мы буквально 8 месяцев не дотянули до Русской Весны. Если бы нас продлили на второй сезон, то потом на украинской теме одессит Вассерман и автор собственно термина «Русская Весна» Холмогоров могли бы прожить до 2016 года. Но увы, увы, увы…

В общем, «Консерватор», при всём при этом, стал событием. Выяснилось, что существует определённая медийная идеологическая и политическая группа, с которой надо считаться, с которой пришлось считаться даже после того, как «Консерватор» прекратил своё существование. Меня пригласили сначала работать на радио «Тройка» – очень неплохая была программа «Политика», а потом вообще на радио «Маяк». Там, конечно, сказать что-то особо было сложно, но, тем не менее, факт оставался фактом. По крайней мере, против оранжевой революции до какого-то момента можно было агитировать. Потом постоянно печатали в «Русском журнале» Павловского, на всяких прочих его ресурсах – и меня, и Крылова – достаточно активно. В общем, это создавало некий определённый контекст, всё-таки, набора медийного политического веса. Ну а уж что сказать по существу – у нас всегда было.

В 2005 году всё это имело определённые последствия в виде конкретного политического ивента, который, опять-таки, создал я. Не потому, что я хочу себя похвалить, а просто в 2000-е я был таким медиа- и ивент-менеджером. Я всё время придумывал, что бы такое ещё замутить, чтобы всё-таки повысить как-то влияние и узнаваемость нашей идеологии и позиции. И вот, после того, как случилась на Украине оранжевая революция, получувствовалась такая определённая паника в кремлёвских кругах, что сейчас подобное повторится у нас – а там уже начали Яшин и прочие создавать по образцу украинской «Поры» и сербского «Отпора» свою организацию – «Оборона» (с тем же характерным поднятым вверх кулачком в качестве символики). Я предложил тогда людям нашего круга встречаться и разговаривать в рамках такой структуры, которую мы назвали «Консервативным совещанием», потому что к этому моменту уже существовала такая попытка прикормки наших людей таким политтехнологом Станиславом Белковским. Сейчас это, соответственно, абсолютно одиозная гнида, которая в 2014 году предлагала натовцам бомбить ядерными бомбами Севастополь. А тогда он пытался продать себя в качестве идеолога политической практики чекистов и в качестве альтернативы Павловскому, потому что тот оставался в такой либеральной струе при Волошине и «Семье», соответственно, нужен был какой-то радикальный персонаж. И Белковский усиленно пытался навязать чекистам в этой роли себя. Оттуда возник этот доклад «Государство и олигархия», к которому мы никакого отношения не поимели. Потом он создал Институт национальной стратегии, а при нём сайт Агентство политических новостей (АПН), первым директором которого был Михаил Витальевич Ремизов, безусловно, важная фигура в теории русского национализма. Начали собирать какие-то совещания, но во всём этом чудился какой-то такой жульнический, местечковый дух – вот настолько мне тогда казалось, что это будет как Павловский, только в сто раз хуже, в итоге же оказалось в пятьсот раз хуже, потому что Белковский всех за собой утащил в оппозицию и маргинальщину, откуда люди не могли выбраться годами, а то и десятилетиями. И я тогда подумал, что нам надо бы как-то собираться без всех этих политических надсмотрщиков и самим что-то делать. И эти встречи были в «Консервативном совещании». Я с Андреем Притворовым, главой издательства ДИ ДИК, которое издавало всякие интересные карты и атласы, договорился и нам дали помещение у метро «Авиамоторная». Ну как у метро «Авиамоторная» – выходишь из метро и через мост ещё по шоссе Энтузиастов идёшь ещё километр. И что удивительно – притом, что ни у кого не было машин, ни у кого не было ничего, все собирались у метро, покупали пряники и через этот мост еженедельно чесали зимой, чтобы во всех этих дискуссиях принимать участие. Удивительное, конечно, было в этом смысле время. Дискуссии были очень продуктивные, это было настоящее интеллектуальное пиршество и в какой-то момент вызрела идея, что надо из всех этих дискуссий вывести некое резюме в виде доклада, что если Белковский в своё время стартовал с докладом, то чем мы хуже?

И вот, как резюме нашей дискуссии, Крылов сконструировал концепт «Контрреформации» и написал первоначальный текст. Я его потом политологически обвесил, потом некоторые другие коллеги его испортили, причём, некоторые серьёзные националистические куски были вырезаны при участии такого впоследствии ушедшего в радикальные антипутинисты, а тогда путиниста, Владимира Голышева. Он тогда вырезал прямо кучу совершенно откровенных националистических моментов из доклада, а потом, спустя несколько лет, начал заявлять, что Холмогоров там якобы проталкивал… концепцию многонациоалочки. Ну это откровенное бесстыдство, конечно. Так или иначе, «Контрреформация» это, в общем-то, один из фундаментальных документов в истории русской

консервативной мысли, не побоюсь этого слова. Почему? Потому что в нём последовательно проведён очень важный тезис, в принципе уничтожавший всю реформаторскую парадигму, начиная с Петра Великого. Были взяты воззрения славянофилов, но из них выточена изящная политологическая форма – что все российские реформы состоят, на самом деле, в том, чтобы добиться отчуждения русских от русскости. Поскольку было установлено изначальной петровской культурной революцией, что истинный человек есть европеец, а русский человек есть ложный, неправильный, безосновательный, дикий, непросвещённый, то, соответственно, вся деятельность по реформам, которые приближают этого «неправильного» русского человека к идеалу европейца, состоит в дерусификации. Русским раз за разом отказывал в полноценном антропологическом статусе и всеми мыслимыми и немыслимыми способами переделывали и называли это «реформами», в результате чего русские представали ещё меньше и меньше русскими. Но при этом каждый раз реформа не удавалась, потому что в конечном счёте выяснялось, что истинная причина неудачи всех реформ и этой «нечеловечности» русских состоит в том, что мы – русские. То есть, окончательным успехом реформ, всего этого реформистского проекта могло бы быть только прекращение существования русских в принципе, наше слияние, если дозволят, то с румынами. Вот этому тезису и противопоставлялся наш тезис, что нам не нужны реформы, нам не нужны контрреформы, которые являются, в общем-то, теми же самыми реформами, но только на обратном ходе, нам нужна Контрреформация – системная смена парадигмы, которая не станет рассматривать русских как нелюдей, которая перестанет рассматривать русские проблемы как a priori нерешаемые, потому что они русские, которая перестанет рассматривать, соответственно, русскую нацию как препятствие на пути к успеху России. Вот мы об этом последовательно проговорили – и, что удивительно, как не странно, после этого, базовые посылки этого дискурса, по крайней мере, в политическую практику власти вошли в том смысле, что очень скоро после этого перестали говорить о реформах. Заметьте – уже почти два десятилетия никто о реформах, как о чём-то положительном не говорит. Реформы теперь, практически, это отрицательное слово. Вместо реформ при позднем втором сроке Путина и при Медведеве появились национальные проекты, а это, согласитесь, две большие разницы. В принципе, доклад «Контрреформация» реформистский дискурс в российской политике убил и если он когда-нибудь вылезет снова, то можно будет снова достать этот доклад, который, конечно, достоин всяких хрестоматий, и им, соответственно, лупить по голове. История этого доклада описана с разных точек зрения в подборке к десятилетию, которое было в 2015 году, на сайте politconservatism.ru. Там есть моя статья ««Контрреформация»: жизнь без маятника», есть статьи других участников, в том числе и Крылова. В них, правда, в большей части, прослеживается одна и та же ошибка, какая-то задняя отмена памяти – почему-то все они, включая Крылова, были почему-то уверены, что это был какой-то политический проект, что это были какие-то договорённости с Администрацией Президента, что всё это должно было как-то сыграть, привести к каким-то контрактам и всему в том же духе. А дальше – разные были версии, самую популярную развивал такой подручный Белковского Виктор Милитарёв, который тогда активно с нашим кругом пасся и всё время какие-то разводки устраивал, что типа из-за Холмогорова, из-за его злости и жадности, всё не состоялось. На самом деле ситуация была прямо противоположной и, по сути, это была абсолютно моя авантюра, которая могла только удастся при определённом стечении обстоятельств. Но поскольку вместо него началось раскручивание белковской кампании политического уничтожения, то, соответственно, как некий совместный проект ничего и не удалось. Однако, как документ на века «Контрреформация» совершенно несомненно удалась.

Был ещё один интересный документ того времени, который создавался практически одновременно с «Контрреформацией» – «Русская Доктрина». Её инициатором был Виталий Аверьянов. Кроме меня и его соавторами были Андрей Кобяков и Михаил Ремизов. Заказал её один екатеринбургский предприниматель по своей инициативе – не знаю, принесло ли ему это какие-то выгоды и моральное удовлетворение или нет, но текст оказался неслабый. Карьере Аверьянова на своём фланге это точно принесло определённую выгоду. Сначала был Институт динамического консерватизма, потом Изборский клуб – всё это произошло оттуда. Чем была хороша «Русская Доктрина»? Прежде всего, названием, потому что в 2005 году слово «русский» использовалось не очень часто. Фактически, кроме на с Крыловым, его практически никто не использовал, тем более никто не говорил, что «мы – русские националисты». Я, по причинам, которые описывал раньше, как человек, выросший на чтении

мемуаров Бисмарка, не мог понять, что такого плохого в слове «национализм» и почему его нельзя употреблять. Поэтому я его начал употреблять всегда и с самого начала и Крылов меня в этом как-то очень решительно поддержал. Поэтому бренд «русские националисты» в этом контексте закрепился именно за нами, притом, чтобы были Севастьянов и многие другие до этого. В более-менее разрешённом дискурсе слово «русский» практически не употреблялось в положительном смысле – а тут целая «Русская Доктрина». Причём сначала её хотели назвать «Сергиевская Доктрина», но потом, по счастью, причём, чуть ли не в процессе дебатов на Консервативном совещании, мы смогли убедить в том, чтобы назвать её Русской. Там политическая часть такая не очень однозначная, но при этом достаточно интересная – её значительную часть написал я, кстати, с такой, что называется, полибиево сочетаемой системой управления, где есть элементы монархии, аристократии и демократии. Ещё там чуть ли не сословия появлялись. Есть общий пафос суверенитета, потому что как раз был спрос на понятие суверенитет, в итоге, вылившийся в формулу Суркова «суверенная демократия». Но не он был производителем этого спроса. Исходно, после волны оранжевых революций, идея суверенитета была базовой. Там есть блок такого, что называется, технороматизма, от Максима Калашникова, который такой на 100% неосовок и шарлатан, но тогда, тем не менее, все его трели про советские вундерваффе очень хорошо заходили именно в том ключе, что давайте технически и военно перевооружаться. Там были какие-то элементы крыловского «Поведения», там был очень мощный индустриалистско-протекционистский блок, произведённый под кураторством Кобякова и журнала «Русский предприниматель», с которым мы тогда активно сотрудничали. Собственно, вообще наличие у националистов огромной развёрнутой экономической доктрины для 2005 – 2006 годов это было совершенно исключительно важно. Оказывается, нам есть много чего предложить в этом плане. Соответственно, «Русская Доктрина» была тоже очень удачным, очень хорошо сработавшим в этот момент документом. Сейчас, конечно, она имеет, по большей части, чисто историографическое значение и историографический интерес, но для своей эпохи она была довольно важна. Ремизов на презентации «Доктрины» представлял «Конституцию ИНС» – тоже любопытный документ той эпохи. Там были хоть какие-то, что называется, смыслово-цивилизационно-суверенитетные элементы, но, к сожалению, это всё убивалось тем фактом, что это Белковский. Имело значение, что это способствовало политическому пиару самого Михаила Витальевича Ремизова, что, собственно говоря, вообще было очень хорошо.

Той же весной появилась, кстати говоря, у Павловского моя книга «Русский националист», опять же неровная. Там есть достаточно удачное программное введение о том, что такое национализм, конечно, в большей степени публицистическое, но для своей эпохи важное. Там есть, на мой взгляд, довольно глубокие тезисы о консерватизме. Там есть, на мой взгляд, очень поверхностная философия русской истории как смены четырёх проектов, в которые на равных вписывался советский. То есть, вообще, когда я ругаю людей, которые сейчас рассказывают про важность неосоветизма, про необходимость его, про «державность» Сталина, про то, что нам нужна вся наша история целиком, не нужно ничего вычёркивать, то я, на самом деле, очень хорошо понимаю, о чём они говорят, потому что весь этот бред у меня тоже болтался в мозгах между 2002 и 2006 годами. Я тогда читал Кара-Мурзу и Кожинова, статьи во славу Сталина писал. Но вопрос уместности во времени есть – в 2005 году сказать «слава великому Сталину и Великой Победе!» означало укрепить тогдашнего обывателя в мысли, что наша страна не совсем дерьмо, что кое-что мы можем, что мы способны на величие и вот наглядное доказательство – наши деды воевали. Когда мы говорим то же самое в 2020-е годы, то вот этот вот советизм «великая победа по воле товарища Сталина» это санкции на террор против нас, это санкции на апологетику, направленную против исторической России против Российской Империи – это, в общем-то, глубоко антирусская, глубоко деструктивная пропаганда, потому что момент, когда Сталин тянул вверх, давным-давно закончился. Честь и хвала тем, когда он тянул вверх, что за эту ниточку они хватали, но, в любом случае, он уже закончился. И сейчас, когда пишут «слава великому Сталину!», то это значит, что тянут вниз. В общем, эти неосоветские мотивы в этом тексте и некоторые досоветские – попытка представить революцию как некую неизбежность, некоторая такая заявка на суд над русской историей, конечно, мною почёрпнутая, не мною самим выдуманная, а почёрпнутая из патриотической публицистики эмигрантского времени и даже доэмигрантского, всё это было не очень. Но, опять же, многие люди для своего времени говорят, что эта книга их перепахала. Некоторых

перепахали даже «Русский Проект» и «Реставрация будущего», для некоторых определённое значение имела изданная Павловским «на сдачу» книга «Защитит ли Россия Украину?» – хоть какой-то политический месседж из Москвы для тех, кто боролся за Россию и за русскость на тогдашней Украине. Наверное, свои полпроцента вклада в Русскую Весну эта книжка, довольно неудачная, всё-таки, наверное, сыграла.

Осенью 2005 года произошло такое важное событие, как Русский Марш, самый первый, прошедший 4 ноября. Исходно было поручено его проводить Дугину, который назвал это «Правым Маршем» и позвал всех остальных – Белова-Поткина из ДПНИ, Игоря Артёмова из РОНСа, Александра Севастьянова и многих других. В итоге собралась очень внушительная туса. День был хороший, солнечный, погожий. Всё это происходило в самом центре. Во всём этом не было такой гонимости, наоборот, была атмосфера некоторой базовой разрешённости этого события. В результате собралось большое количество людей – и выстрелило. Случались маленькие чудеса – например, подхожу я к колоннам, ищу где бы пристроиться и тут подбегает Кирилл Фролов и говорит: «Вот, Егор, икона, ты должен её нести!» Я, честно говоря, не понял – от кого должен, кому должен, но почувствовал, что есть Божье благословение. Это была икона Казанской Божией Матери – а ведь дело происходило в праздник этой иконы. А это значит – берёшь и несёшь. И я взял и понёс. И это, в общем, оказалось тоже неким значимым и духовно освящающим моментом Русского Марша. Там ещё впереди были девочки-барабанщицы, потом, как я понимаю, их звали практически каждый год, по крайней мере, на Марш в Люблино. Марша под барабаны это, конечно, было красиво, хотя они, бедняжки, страшно пугались, потому что тогда, во время первого Марша начали антифа его закидывать шашками, те испугались, что это стреляют, побежали куда-то вперёд, Белов за ними бегал и, в итоге, всё вернулось на место. Первый Русский Марш опять же был таким эпохальным событием 2005 года. И вот «Контрреформация», Русский Марш и всё прочее, везде как-то Холмогоров на первом плане – и тогда меня очень жёстко начали мочить, в том числе и разводя с друзьями, именно потому, что кому-то где-то приглючилось, что есть вот теперь такой новый политтехнолог Холмогоров, который оттесняет Павловского и Белковского. Павловский был умнее, он, конечно, так это не воспринимал, наоборот, старался дружиться, но вот Белковский прямо конкретно требовал от всех своих сотрудников (и некоторые на это согласились), чтобы они меня мочили до полного уничтожения как конкурента. И, в своей логике, вроде как уничтожили – но заодно и как человека, который как-то пытался, по крайней мере, всё это сообщество, которое к тому времени уже получило прозвание «младоконсерваторов», держать вместе.

И мне тогда пришлось чем-то заниматься самому. И тут снова мы зажгли. На дворе был 2007 год – и тогда появился «Русский Проект» «Единой России». Весной 2007 года прекрасный православный русский человек Иван Демидов, работавший в тот момент в таких единороссовских структурах, возглавлявший «Молодую Гвардию», решил запустить «Русский Проект» «Единой России» наравне с либеральным и консервативным. Начали искать главного редактора для сайта. Не подумайте, мне никто не предлагал. Но, поскольку, ставший, со временем, абсолютным крымненашистом и демшизой, Александр Шмелёв по каким-то причинам отказался, то, в итоге, руководство всем этим предложили Наташе Андросенко, которая туда подтянула уже меня, Костю Крылова, Михаила Диунова, людей, которые стали, со временем, далеки от нас, типа Александра Дюкова (который, впрочем, сейчас активно борется против литвинизации в Белоруссии и активно разоблачает ленинскую большевистскую национальную политику с её коренизацией и прочим). Несколько раз там публиковался некий Е. Просвирнин – правда, не помню, под фамилией или под псевдонимом, по-моему, всё-таки, под своей собственной фамилией. В общем, опять же, пока через несколько месяцев не осознали, что происходит, на высшем уровне Мировой Жабы, мы под дементорским крылом жгли. И опять же это реально был отжиг. К сожалению, сейчас этого не посмотришь, потому что сразу как нас вытеснили, сайт фактически стёрли. В машине времени интернета явно недостаточно он представлен и сохранился только в виде этакой таблицы, а не нормального сайта. Но хотя бы из того, что там вылезала такая шапка, как в газете «Правда» было с лозунгом про пролетариев, «Хозяин земли Русской – есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это всё одно) – и так будет навсегда» (известная цитата Достоевского), вы можете понять, что, в общем, всё это тоже центр «Сова»

нервировало. Они тогда просто страшно взвились, лили ядом, вся либеральная пресса тоже лила ядом – как так? «Единая Россия» посмела сотрудничать с «нацистом»! И всё это, в итоге, прихлопнули, уже к февралю 2008 года. Ну, собственно, всё это было под выборы ещё – и, соответственно, от этого ничего не осталось. Но за это время мы успели учредить такую вещь как «Русский Клуб», что называется, с едой и закуской, с посиделками на территории молодогвардейцев, но приглашая, опять же, всю ту же нашу, за редкими изъятиями, тусовку с «Консервативного совещания». На одной фото лета 2007 года можно увидеть меня, Машу Сергееву, которая тогда работала в «Молодой Гвардии» и была, что называется, лицом бренда, Михаила Ремизова, Константина Анатольевича Крылова. Судя по обстановке это была та знаменитая дискуссия, где Крылов ругался с Орханом Джемалем. Довольно много было в 2007 – 2008 годах, чуть ли уже не в 2009-м, этих «Русских Клубов», а я писал их коммюнике-резюме. Это было такое насыщенное собрание для поддержания, что называется, атмосферы общения и дискуссии.

Потом, в 2008 году, после закрытия «Русского Проекта», уже в качестве такого неофициального издания, появился новый наш сайт в Интернете. Это был такой случай, когда все говорили, что вот, когда нам наконец-то даст денег Администрация Президента – и, наконец-то, этот момент свершился, когда нам дали денег на легальное националистическое издание «Русский Обозреватель». В 2008 – 2010 годах мы, действительно, очень активно его делали, в общем, проводя всю националистическую повестку, изредка исполняя очередную трель на тему «Слава Великому Путину – за стабильность и возрождение государства!» Но по большей части мы систематически проводили именно, что называется, true-националистическую повестку в плане обсуждения основных политических аспектов – например, почему не должно быть никакой неравноправной федерации, никаких «суверенных татарстанов» и всего прочего. Вписывались вообще во все скандальные сюжеты, связанные с правозащитой, с деятельностью Русского Общественного Движения – убийство Ани Бешновой и много что ещё. Фактически, в каждом случае мы оказывали такую мощную медийную поддержку. Но потом средства кончились. И до недавнего времени, в отличие от других исчезнувших проектов, «Русский Обозреватель» был в сети. Можно было покопаться в его старых архивах, в частности, в статьях Крылова. Во всём этом был ещё важный аспект – в том, что на протяжении всех этих нулевых, получив доступ ко всем этим финансовым ресурсам, старались подкармливать друг друга, потому что кушать надо и, если человеку нечего будет кушать, то, наверное, и русским национализмом ему некогда будет заниматься. А то и вообще он может уйти зарабатывать на каких-то других площадках, каких-то других идеологиях – этого тоже нельзя было допустить. Поэтому всё время, пока у меня были какие-то доступы к каким-то ресурсам, я всегда старался, что называется, всех, кто из нашей команды, обеспечивать и поддерживать хоть каким-то образом. Сейчас уже, к сожалению, ни доступа нету, и все как-то разбежались в разные стороны.

Вообще, весь этот круг младоконсерваторов довольно хорошо исследован. Можно лучше, но, по крайней мере, некоторые первичные исследования сделаны. Есть, например, интересные статьи Михаила Диунова, есть огромное количество статей Натальи Петровны Андросенко, которая смотрела на всё это и изнутри, и извне, и как исследователь, и как включённый наблюдатель. Я бы, например, порекомендовал журнал «Коммуникология», там есть её статья «Публицистика младоконсерваторов в современном коммуникативном пространстве России» – о том, как мы ломали ситуацию в сторону консервативных медиа, потому что я, разумеется, вам рассказал далеко не всё. Сейчас даже во Франции какие-то исследователи этих сюжетов появились, на английском языке довольно много.

Рассказав о том, что делал я, обращусь к тому, чем занимались другие соратники. Прежде всего, Наталья Леонидовна Холмогорова и Константин Анатольевич Крылов, которые создали настоящую организацию русской правозащиты – Русское Общественное Движение. Если не ошибаюсь, первое её дело было дело Иванниковой – девушка, которую армянский водитель попытался изнасиловать в такси, воткнула в него нож и тот вскоре умер. Её, соответственно, надо было защищать. Мы подняли достаточно громкий хайп и её защитили. Соответственно, Наталья Леонидовна, в целом, человек достаточно закрытый и интровертный, внезапно нашла своё общественное призвание в этом и действительно много лет, пока были хоть какие-то материальные и организационные возможности,

РОД функционировал. Например, сайт rod-pravo.org до 2020 года обновлялся, но и по сей день существует. Наталья Леонидовна никогда особо не теоретизирует, но, при этом, она достаточно много пишет о русском национализме и это всегда такой последовательный национализм чувства и здравого смысла со стороны умного и очень добросердечного человека, поэтому, соответственно, когда вы хотите понять, что чувствуют русские националисты по тому или иному поводу, то в соответствующих случаях, я думаю, можно читать её публикации.

Дальше из РОДа в 2012 году выросла такая вещь, как Национально-Демократическая Партия. Понятное дело, что это был некий проект, создававшийся под медведевские послеболотные обещания разрешить какую-то партийную жизнь. Были соответствующие финансовые возможности, скромные, но всё-таки были. И вот, соответственно, для молодой и прогрессивной националистической интеллигенции Крылов создал НДП, которую, разумеется, постигла трагическая непрерывная нерегистрация, но, тем не менее, НДП, как такой партийный полюс русского национализма, в общем, по крайней мере, в медийном пространстве самосознания состоялась, довольно много к ней людей привлеклось, которые, может быть, на какие-то другие более консервативные идеологии не привлеклись бы. Участвовали в правозащитной детальности, в массовых мероприятиях, в Русских Маршах. В конечном счёте, поскольку НДП выступило в качестве одной из партий, поддерживавших Русскую Весну и помогавших Донбассу, всё это вполне, нельзя сказать, чтобы закончилось. Наверное, формально эта незарегистрированная партия и сейчас существует – но, конечно, без Константина Анатольевича немножко не то. Надежда Шалимова, его вдова, что-то как-то продолжает. Составной частью этого проекта, поскольку это была не запрещённая партийно-политическая деятельность, а в целом скорее, всё-таки, разрешённая журналистско-интеллектуальная, и поэтому она в общем, хорошо удалась, был журнал «Вопросы национализма», о котором я говорил в самом начале первой лекции и отмечал, что его нужно обязательно читать. В нём, конечно, всегда был некий фон, задаваемый, в общем, его научным редактором Сергеем Сергеевым, человеком, не лишённым некоторого национал-нигилизма, но, в целом, «Вопросы национализма» это просто такой гигантский компендиум по русскому национализму и по русскому восприятию западного национализма. Там, в общем, некоторые мои фундаментальные статьи вышли, например, «Предчувствие Орды» – попытка теоретически показать всю вредоносность темы, связанной с миграцией. До сих пор ни в какой книжке она, к сожалению, пока не выходила.

Конечно, самым важным событием были не митинги на Болотной площади, а митинг на Манежке в декабре 2010 года, потому что тогда действительно власть испугалась, тогда она действительно почувствовала, что за националистами стоит реальная уличная сила, которая может отлиться в определённую политическую форму и, действительно, в этот момент власть вполне была готова разговаривать, тем более, что, в общем, мы предупреждали за полгода до того, как случилась история с гибелью Егора Свиридова после убийства Юрия Волкова чеченцами летом 2010 года. На одном совещании у Суркова, которое оказалось чуть ли не последним, потому что я наговорил не очень нравившихся ему вещей, я чётко сказал, что если вот так вот будут резать людей, то через полгода это просто закончится массовым взрывом. В итоге, через полгода это действительно закончилось массовым взрывом и тут до жирафа начало что-то наконец-то доходить. В этом смысле Манежка была огромным успехом – на неё можно было прийти, как это сделал Крылов или Владимир Тор, на неё можно было не приходить и даже говорить, что «нет, я вас призываю порядка не нарушать», но при этом радостно потирать ручонки, когда всё произошло, как это делал я. Важно то, что некий момент публикации, который власть предпочла сказать «я с вами, русские, а не с вашими врагами», состоялся и его надо было использовать и развивать. Довольно скоро за всем этим последовал Русский Новый год, когда мы заявили, что будем патрулировать и вылавливать нелегальных мигрантов – в результате Тора схватила полиция и посадила на 15 суток, но при этом Красную площадь в этом году очистили, что называется, от мигрантов и действительно провели некоторые массовые проверки. Это был редкий случай, когда Красная площадь не превращалась в Москвабад. То есть, в принципе, ощущение, что есть такие самостоятельные и сильные националисты, возникло именно после Манежки. Причём, действительно, там, на Русских Маршах и на Манежке, были одни и те же люди. Отмечу, например, фото человека из Союза православных хоругвеносцев – не самая такая, скажем,

ультранационалистическая организация, скорее, православно-имперски-консервативная. Но, тем не менее, её представитель был задержан на Манежке (к тому же ещё и был побит), а также принимал участие в Русском Марше. Это значит, что, в общем и целом, ощущение некоторой концентрации появилось.

Вместо этого, действительно, начались какие-то хождения на Болотную. Имели ли они смысл? Ну, то есть, определённым образом, обозначить себя там было нужно. Никто не давал гарантии, что политический процесс не окажется на их стороне и, по крайней мере, что называется, сделать некоторое хеджирование – кому-то туда пойти и как-то там засветиться – стоило. Но ассоциировать себя с Болотной как целым националистам себя, конечно, не следовало и это было неправильно, просто потому, что там все места были розданы и нам никто особо рад не был. Конечно, после этого с большим трудом и скрипом, создали для этого в Координационном совете российской оппозиции квоты для националистов, по которым туда прошли Крылов, Тор и некоторые другие (Бондарик, Константинов и Артёмов). После этого какое-то время по оппозиционному телевидению шла программа Тора и можно было кого-то позвать, устраивая дискуссии между Холмогоровым и Навальным по поводу Pussy Riot. Но, в общем и целом, это, конечно, было существование в режиме политического охвостья. Но принесло ли оно вред, я не могу сказать. То, что Кургинян и всевозможные персонажи националистов мочили, так они это начали делать ещё до этого, в 2011 году, когда ещё никакой Болотной не было. То, что были какие-то попытки 282-й статьи – они всё равно были бы, от них тоже было никуда не деться. Если не ошибаюсь, Крылова арестовали перед Маршем 2011 года, то есть ещё опять же до Болотной. В этом смысле, можно сказать, что его на эту Болотную выгнали и вытолкнули. То есть это, скорее, была проблема общей неготовности – ни власти к коммуникации с националистами, ни националистов к коммуникации с властью. Я с властью могу коммуницировать потому, что я выступал в роли такого, что называется, интерлокера, как сейчас говорят, человека, который общается и с теми, и с теми. Но при этом было, что системно, конечно, власть поставить на националистов не готова, а в случае Крылова это накладывалось ещё и на его просто физическое, буквально, неприятие персонажей типа Суркова. Их не я, между прочим, а Алексей Чадаев познакомил в 2005 году и было полное ощущение, что они друг друга возненавидели с первого же взгляда. Можно ли было что-то изменить, не суясь на Болотную, – я очень сильно сомневаюсь. Единственное, что можно было бы изменить, не суясь туда – ощущать себя спокойно, осознавая, что рядом со всякими навальными и прочими предателями русских в эпоху Крыма мы рядом не стояли. Но, опять же, я не ходил ни на какую Болотную и ни с кем там рядом не стоял, но даже меня, на какое-то время в 2013 году весь этот навальненский антимигрантизм, что называется, купил – я подумал, что чувак может быть как-то правда эту тему продвинет.

Здесь, в связи с национал-демократией, надо ещё упомянуть Павла Святенкова – действительно очень крупного и очень яркого политолога, человека достаточно системного, но, при этом, именно с очень яркой национал-демократической составляющей мысли в теоретических статьях, и в практическом политическом анализе. Мне кажется, что Святенков – человек недооценённый как политолог. На мой взгляд, он должен быть всюду – на телешоу, на радио, где угодно ещё, потому что у него очень светлый чёткий аналитический ум. В своё время он в теоретическую разработку национал-демократии внёс огромный вклад, хотя часть этого вклада была потом несколько Сергеевым искажена. Ещё один человек, это Александр Храмов, автор «Катехизиса национал-демократа». У него такой уже прямо совсем либеральный национал-демократизм, по крайней мере, в этой книжке. Дальше он стал несколько праветь и как-то мне это понравилось. Но тогда на храмовский текст страшно ругался в своё время Севастьянов, написавший огромную полемическую статью. Но я думаю, что этот «Катехизис», как и севастьяновскую статью, нужно читать вместе.

К 2012 году мы уже как-то вот, по крайней мере, частью младоконсервативной националистической группы дошли аж до встречи с Путиным – правда, она была единственной, но тем не менее. На сохранившемся у меня фото можно увидеть меня, Бориса Межуева, Михаила Ремизова, Глеба Павловского. Мы достаточно ярко выступали, в частности, по вопросу миграции. Я Путину сказал: «Владимир, Владимирович, а Вы в курсе, что Вас зовут Аллахом?» На его вопрос «Почему?», я

ответил: «После слов Рамзана Ахматовича Кадырова о том, что Чечне «деньги посылает Аллах» многие Вас кличут Аллахом». Мы же знаем, кто даёт деньги на самом деле. Он посмеялся, произнёс какую-то речь о недопустимости русского национализма, я сказал, что вот я сам русский националист, что мне теперь делать? Выведите меня в наручниках и расстреляете? И тут как-то Путин поменялся в лице, произнёс ещё монолог о том, что нам не нужно подрывать единство нашей страны. И тут вдруг он говорит: «Егор, вот мы с вами как русские националисты должны понимать…» Вот это был очень весёлый момент, который, в общем, мне подсказал некую важную вещь – что, действительно, если всё-таки чётко, контрсуггестивно не принимать их игру на то, что русский национализм – это табу, то их можно заставить считаться с русским национализмом как с фактом. И, действительно, это вскоре подтвердилось, потому что, например, во время событий в Бирюлёве в 2013 году все убедились в том, что, если немного погромить овощебазу, то они скорее прогибаются, чем наоборот. Ну и в 2014 году все всё прекрасно видели наглядно и здесь уже, к сожалению, часть русских националистов подкачала, причём, заметьте, не столько за счёт Болотной, сколько за счёт этого неонацистского правого интернационала, который заставил некоторых подвякивать в сторону Украины. Но факт остаётся фактом, что вот 2012 – 2014 годы были некоторым таким пиком того успеха, который младоконсервативное движение оказало на умы и политический дискурс. Вот в2013 году я, Ремизов и Крылов присутствовали на выставке «Россия. Моя история» – первой из знаменитейших и, несомненно, установочных для национального сознания, выставок, которые устроил тогда ещё архимандрит, а ныне митрополит Тихон (Шевкунов). Не могу сказать, что мне всегда нравится их содержание – оно иногда неряшливое, иногда опять же слишком просоветское, но, в целом, как некоторый интегратор, в том числе, и моих идей (использование знаменитой таблицы, где изображено, кто откусывал в СССР, а кто вносил – вносили только Россия и Белоруссия). Эти выставки, конечно, надо вспоминать с теплом, потому что это была такая полноценная икона русского национального сознания, в общем, весьма годной. На той первой выставке мы участвовали в каком-то круглом столе.

В чём значение Михаила Ремизова? Михаил Витальевич как-то в последнее время пишет довольно мало, поэтому не все это значение осознают. Прежде всего он, что называется, человек с масштабом европейского интеллектуала. То есть, он человек, который глубоко включён в современную неоконсервативную западную традицию, прежде всего. французскую, в меньшей степени – в немецкую, ещё в меньшей степени – английскую (английская больше, наверное, нравится мне – в диапазоне от Карла Шмитта до каких-нибудь современных французов, которых я уже, по большей части, не помню). Но вот он – человек с мышлением настоящего политолога, политического философа, с нужным уровнем абстракции, с нужным уровнем владения теоретической терминологией, с нужным умением устраивать такой наукообразный птичий язык. И всё это, на самом деле, очень важно, потому что, что называется, быть пусть даже архиоригинальными и святыми пророками с бородами недостаточно. Без Ремизова, без его интеллектуального потенциала, вот этого его такого холодного искрящегося кристаллического стиля, конечно, подъём русского национализма в 2000-е годы был бы невозможен. Тем более, что он систематически на разных серьёзных площадках вроде, сперва, «Русского Журнала», потом журнала «Эксперт», затем ИНС Белковского, где он стал президентом и, в итоге, забрал его у Белковского. Единственное, что можно о Белковском хорошо сказать, это то, что он честно отдал Ремизову ИНС, а Крылову – АПН, то есть, не скрысятничал, но падлой от этого быть не перестаёт.

Вот этот вот экспертный уровень русского национализма, конечно, для общего сдвига политической парадигмы имел огромное значение. При этом Ремизова самого читать одно удовольствие. В 2003 году, когда русских консервативных книжек почти не было, его небольшая книжка «Опыт консервативной критики» со статьями, может быть, отчасти, на второстепенные темы, типа нужно ли праздновать 12 июня как праздник и объяснял, почему нет – это не обретение суверенитета, а его утрата, это политически содержательная пустота, всё это «россиянство». И это было очень важно и значимо. Советую сейчас из нынешних времён это прочитать и перечитать. Дальше он давал и даёт большое количество текстов, которые посвящены неким базовым и фундаментальным вопросам – что такое нация? Что такое консерватизм? Что такое русская государственность? Имеет ли русский право на идентичность? Такая его, что называется, националистическая библия – это книга «Русские и

государство. Национальная идея до и после «крымской весны»» (конечно, я, когда увидел этот термин, придуманный для выдавливания Русской Весны, то скривился, но зато на ней получил дарственную надпись: «Пусть каждая из вёсен будет русской»). Во всяком случае, весь классический европейский правый дискурс Ремизов полностью адаптировал к нашей текущей политической повестке. Единственная, конечно, моя к нему претензия, которая была впервые озвучена в 2003 году в рецензии в «Консерваторе» на его первую книгу и которую он, отчасти, заслуживает до сих пор, когда человек 20 лет делает одно и то же, то это уже мастерство – это некоторая такая историческая абстрактность, то есть практически все формулировки и определения, которые даёт Ремизов в отношении русских, могут быть точно также применены к полякам, к немцам, к французам, к кому угодно. Возьми любую более-менее приличную нацию (кроме украинцев, поскольку они не нация), имеющую право на существование, всё то, что говорит Ремизов, за исключением наименований населённых пунктов, может быть применено к ним. В этом смысле, это некий национализм, дедуцированный сверху, вообще без учёта какой-то русской исторической специфики, связанной, в значительной степени, с тем, что Ремизов такой человек неславянофильской традиции в ещё большей, пожалуй, степени, чем Крылов. Его базовая установка следующая: а давайте вообще мы возьмём и загребём себе европейскую цивилизацию, нынешнюю консервативную и оставим – и наша оригинальность русская будет тогда в том, что мы оставили себе классическую европейскую цивилизацию, а не вот этот вот BLM с трансгендерами. Но, несомненно, такого рода мнение, такой подход тоже имеет право на существование. По крайней мере, пока жив Холмогоров, с его противоположным подходом к этому вопросу, всё-таки, базированием всего и вся на русской исторической традиции, ремизовский подход тоже имеет право на существование, от него не будет никакого вреда. В этом смысле, чем Ремизов отличается от того же, например, Сергеева с его западническим уклоном, что Сергеев пытается переинтерпретировать русскую традицию в западническом и в национал-нигилистическом ключе, тогда как у Ремизова никакого нигилизма нет и в помине, наоборот, это последовательное утверждение прав русской нации как такого, что называется, гражданского, но не в смысле вот этой вот гражданской нации из атеистов и носителей тюрбанов, как сейчас у французов вышло, а в смысле как единого цивилизационного стандарта. То есть, гражданская нация в представлении Ремизова – это нация, устроенная по единому русскому цивилизационному стандарту. Вот он говорит о суверенитете этой нации и это совершенно справедливо и это совершенно законно. В этом смысле, когда тот же Севастьянов ругается на Ремизова, что у него всё сухо, безжизненно и так далее, то это не совсем правда. Это, в общем, скорее, режущая бритва и это, фактически, убивает любую западническую критику русского национализма с точки зрения, что вот у вас тут какие-то самоделкинские рассужданцы, а на самом деле есть общечеловеческие принципы. И вот приходит Ремизов и говорит, что нет общечеловеческих принципов, точнее главный общечеловеческий принцип состоит в том, что этих общечеловеческих принципов не существует, что должно быть консервативное просвещённое анти-Просвещение, как он выразился, что должен быть цивилизационный суверенитет, что русские имеют право на то, чтобы говорить о нас на вот этом вот абстрактном языке и вот этот абстрактный язык всё равно будет точно так же выводить к суверенитету русской нации и русского государства. Не только рассуждая от Рюрика и Псково-Печерской лавры можно вывести то, что русские имеют право быть собой, но и рассуждая от Гегеля и Карла Шмитта. И в этом, конечно, есть ремизовская заслуга.

А теперь немножечко поговорим о Егоре Станиславовиче Холмогорове. Наверное, это самая скучная часть разговора, потому что все предыдущие часы данных лекций были озвучены им, но в общий теоретический контекст вот эту фигуру тоже надо вписать. Взглянем на фото с самого первого Русского Марша, где он с иконой. Как злобно потом писала Анастасия Лотарёва, несмотря на то, что внучка Ганичева, «Холмогоров размахивал иконой», что было совершенной, конечно, неправдой. Холмогоров он такой, отчасти неукладываемый в общий формат персонаж, что наглядно доказали главные стукачи и вивисекторы русского национализма из информационно-аналитического центра «Сова», такой постоянный коллективный уже более чем 20 лет действующий доносчик. Они выпустили в 2009 году такую чёрную книжечку «Радикальный русский национализм. Структуры, идеи, лица». Там был раздел «Националистические организации» и в нём строчка – «Егор Холмогоров». Я после этого подумал, что, наверное, вообще надо зарегистрироваться в этом качестве и собирать членские взносы. Ну, собственно, практически так я и сделал, заведя кошелёк сперва на

сайте Patreon (а затем и на Boosty), так что если хотите платить членские взносы за членство в организации «Егор Холмогоров», то вам туда. Эта ваша поддержка меня мотивирует больше заниматься «100 книгами», а не чем-то ещё. В общем, я такой человек-организация. Ещё понятное дело, как я уже говорил, я человек ивент-мейкер, отчасти даже человек-скандал. Из той же самой практической контрсуггестивной установки, что я их не боюсь, если нужно, то можно спуститься и Яшину врезать, будучи при этом в косоворотке. Но, всё-таки, весь этот политический акционизм достаточно второстепенен по сравнению с главными какими-то тезисами и узлами, которые я отстаиваю.

Первое – это, всё-таки, русский исторический национализм, который опирается на конкретность русской традиции. Второе – это то, что было названо «Атомное Православие». О первом опять же говорить слишком много не приходится по простой причине – потому что я выпустил книгу «Русские: Нация. Цивилизация. Государственность. Право русских на Россию», в которой сказано практически всё основное. Там есть два очерка «Русское самосознание» и «Категории русской цивилизации». Ещё есть очень значимый текст «Реставрация будущего», так сказать, политическая утопия, как это всё должно устроиться в будущем. На моём ютуб-канале есть аж две презентации этой книги. В общем, более-менее, представлено несколько ключевых вещей. Первое, из чего я исхожу, как консервативный мыслитель, это из тезиса о конкретности традиции. Традиция – это не принципы функционирования, это конкретное содержание, конкретное наполнение того, что исторически состоялось. Этот тезис в своё время был мною почерпнут у о. Георгия Флоровского, хотя он сам его в «Путях русского богословия» недостаточно, на мой взгляд, применил. Но сам принцип, что история есть не нечто случайно и нечто второстепенное, не нечто, что можно отбросить, оставив некий общий принцип, а наоборот, история – это самое основное и состоявшееся, это то, что действительно есть, то, что действительно случилось, то, что действительно сделано и в этом качестве имеет значение. Соответственно, русская история для нас – это не резервуар неудачи, а огромное количество, к сожалению, даже русских националистов, исходя из своего довольно поверхностного знания русской истории, очень часто исходили из того, что русская история – это резервуар неудачи, того, что у нас не получилось. У французов, англичан или немцев было своё национальное государство, а у русских якобы не было. Вы только посмотрите сейчас на Россию – пусть, конечно, не сахар, но в сравнении с Францией или разгромленной Германией, а то и с обезьянничающими США, понимаешь, что, наверное, на большой дистанции оценят потомки после смерти наших наций, если она случится раньше Страшного Суда. Я в отношении русских уж точно не верю. Мне кажется, что до Страшного Суда мы доживём и, как я в своё время писал у себя в ЖЖ, «моя цель – проведение Страшного Суда в интересах русского народа», выступить на нём адвокатом. То есть, русская история, те конкретные формы, факты, традиции, лица, в которых выразилось русское прошлое, это то, что увеличивает нашу самобытность и самостоятельность, создаёт наше на неё право. Это не история неудач, а наоборот – история достаточно значительных исторических успехов и это то, что может быть описано и определено. Собственно, очерк «Русское самосознание» это, прежде всего, попытка указать на то, что русские всегда, во все времена осознавали себя русскими и именно это нам придавало сил для дальнейшего исторического деяния и так просто нас не переломать. Именно на эту тему картинка на обложке – изображение знаменитой «Атаки мертвецов», она об этом и говорит. Очерк «Категории русской цивилизации» – попытка описать русских не через какие-то выдуманные общие категории типа «мы щедрые, добрые, отзывчивые», весь тот комплекс, который как раз крыловской аналитикой противодействия злу отрицается, а через реальные, исторически существующие категории и наши исторические отличия, которые ведут нас к успеху. Здесь. В принципе, в этом подходе, оказался огромный полемический потенциал, не только по отношению к внешней русофобии, не только к государственной пропаганде, отрицающей сам факт политического существования русских. Но с этим ещё в значительной степени разобралась моя первая книга «Русский националист», всё-таки какие-то базовые штуки я там снял. В «Русских» же я кое-что добавил, например, против знаменитого мифа, что «русские – это прилагательное».

Но главный пафос этого – история русского самосознания с древнейших времён. Вот сталкиваемся с очень тяжёлой поражённостью нашего национализма, особенно считающего себя «продвинутым» и

«прогрессивным» типа «мы прочли полторы иностранных книжки», который, соответственно, принимает западную антинационалистическую парадигму конструктивизма, что, мол, нации это конструкт Нового времени, что нацбилдинг это то, что можно сделать всегда и со всеми, что у русских, соответственно, нации нет и давайте мы вот сейчас займёмся русским нацбилдингом, а это значит, в частности, выкинуть Православие, большую часть русской истории, выкинуть т.н. «фофудью», то есть всё, что связано с такой народной и, в частности, христианской культуры, в общем, придумаем русских заново. Мой национализм, опирающийся, прежде всего, на воззрения Энтони Смита и этносимволистов, родственных ему, подчёркивает, что нация – это, всё-таки, не модернистский конструкт, это некая базовая идентичность и базовое «мы», которое отличается от «они», и там, где эта идентичность хотя бы в минимальном виде есть и она имеет политические притязания, мы имеем право говорить о нации. А в русском случае уже Бертинские анналы являются первым документом истории, который упоминает русских, уже там это прописано, что мы – народ по имени Рос и у нас есть князь, именующийся хакан (это присвоение самого почётного титула в том славянском космосе, в котором наши предки существовали – имени аварского владыки, хазары тут вообще не причём). Вот в этой заявке мы – Русь и у нас есть политическая организация и поэтому уже достаточно оснований того, чтобы говорить о наличии русской нации. И дальше каждый следующий наш шаг, которые на протяжении данного курса лекций мы с вами и проследили, ведёт нас к укреплению того, что такое русская нация, что. в конечном счёте, если человек со своим мышлением существует, то это говорит о том, что русская нация существует, хотя бы в лице меня самого. Но, поскольку мы отлично знаем, что я не один такой, что нас довольно большая компания людей, которые кое-что сделали, и большая компания людей, которые, по крайней мере, нас слушают, читают и наматывают на ус, то это говорит о том, что русская нация существует – и существует она с IX века. Это некий базис. А отсюда, разумеется, вытекает очевидная и много раз проговоренная проблематика того, что если мы существуем, то значит у нас есть право. Если мы существуем как народ, создавший это государство, то значит у нас есть права на него, на это государство. И это – базовая аксиома национализма, который я никогда, никак под сомнение не ставлю. А тот, кто эту аксиому под сомнение ставит, то тот уже выходит за пределы русского национализма.

Вторая доктрина, связанная с моим именем – это «Атомное Православие». Термин этот появился от названия картины группы «Фронт спокойного благоденствия» (ФСБ), это как раз был 2000 год и на всё подобное была мода. На картине изображена подводная лодка в Арктике, с северным сиянием, с оленями. И вот румб этой подлодки напоминает крест. Лодка, правда, получилась почему-то скорее американская, чем советско-российская, наши такие более гладкие, но сама суть выражена довольно точно. В какой-то момент я сказал – да, давайте отстаивать идеи Атомного Православия. Выступая в 2005 году на богословской конференции Русской Православной Церкви, когда там начались рассуждения на тему «зачем мы освящаем ядерные ракеты? Это же неправославно и неблагочестиво!», я просто взял слово и сказал, что, знаете, мы их освящаем затем, чтобы ежели что, они не улетели бы без приказа, а также для того, чтобы никто не мог насильственно заткнуть рот нашему свидетельству о Православии. Если русские, как говорил Константин Леонтьев, это самый главный последний православный народ в истории, то значит наша миссия – нести всюду именно православное неискажённое Слово Божие. Мы являемся последним элементом, опять же вспоминая то, о чём я говорил в связи с Константином (Зайцевым), инфраструктуры спасения, которая существует для этого мира. Что нужно сделать для того, чтобы это слово дошло до всех? Прежде всего – не дать его заткнули. И, соответственно, в мире ядерного оружия, в мире, где русских и так стремится любой мировой гегемон уничтожить, нам всегда нужен ultima ratio. То есть, ядерное оружие – это не эмпирическое ядерное оружие, а, в принципе, любой последний силовой аргумент, который не даст использовать последний силовой аргумент против нас. И тут мы возвращаемся к северной этической системе Константина Крылова – другие не должны делать мне того, что я им не делаю. Мы ведь им не затыкаем, соответственно, и они нам не должны. И в этом смысле ядерный аргумент в узком и широком смыслах как принцип великодержавной силы, которая не позволяет нас заткнуть, является такой основой этой Атомно-Православной доктрины как именно такого исполнения высшего служения русских перед Богом, которое возложено на нас историей. Я очень осторожно всегда отношусь к этим всем, опять же, популярным разговорам в национал-демократическом дискурсе о

том, что не надо навязывать России никакую миссию, никакой ответственности. Это неправда. Разумеется, у каждого народа должны быть некие свои высшие цели, высшие заявки, которые превосходят горизонты желания. То есть, я полностью согласен с принципом желания, с принципом сбережения народа, который является базовым, но сводить всё к ним только тоже не нужно. Если вы исторический народ, то миссия у вас непременно будет. И в русском случае это миссия несения Православия – это очевидно для меня, как человека верующего во всё, о чём учит Православная Церковь, и считающего это конкретным выражением исторической традиции, данной Святым Духом. Это Бог назначил нас на это место, это как-то не само по себе исторически случилось. И разу у нас эта миссия, то значит мы должны нести её достойно и главное, чего мы не должны позволять – это кому-то другому придумывать за нас эту миссию и кому-то другому говорить, что и как конкретно мы в рамках этой миссии должны поступать. Главное – не позволять нами, возвращаясь к принципу контрсуггестии, манипулировать от имени каких-то вымышленных за нас и вместо нас миссий.

Эта формулировка прозвучала и прозвучала достаточно ёмко и выразительно, до такой степени, что, в общем, этот блок моих воззрений стал частью не только русского медийного контекста, но и международной историографии русского национализма и консерватизма. В этом смысле характерна книга норвежца Ярдара Эстбё «Новый Третий Рим: толкования российского националистического мифа». Там, собственно, представлено четыре варианта – Дугин, Нарочницкая, Цымбурский и я. Видно, конечно, что автор меня не любит больше всех, но я, как-нибудь, это всё, за международный пиар, когда меня упоминают в Foreign Affairs, переживу. Вторая книжка – израильтянина Дмитрия Адамского «Русское ядерное Православие. Религия, политика и стратегия». Этот персонаж поступил хитрее: он взял саму форму Ядерное Православие, переприсвоил её себе, в том смысле, что он описывает весь комплекс взаимоотношений между Церковью и государством, Церковью и армией – и типа Холмогоров такой побочный идеолог. Кончено я на то, что всё это придумал, не претендую, но некоторое ощущение шаренья в карманах я почувствовал. Но эта книга имела ещё один неприятный успех – дело в том, что у нас внутренний либерал сидит в части церковной бюрократии и после выхода этой книги, после её публикации всяких помоечных персонажей чикинского круга, они как-то засуетились, начали обсуждать вопрос – а давайте отменим освящение ядерных ракет, как-то это всё неправильно. Но, по счастью, вопрос этот спустили на тормозах, а СВО вообще сняла его с повестки дня, тем более, что те, кто активно за него ратовал, оказались во вражеских рядах. Ещё раз подчеркну, что это не проблема оружия массового уничтожения, это проблема оружия, которое останавливает массовое уничтожение. Главное в ядерном оружии и в моей работе «Атомное Православие», которую я написал в 2007 году, по результатам поездки в ядерный центр в Сарове (мы тогда очень хорошо туда съездили с Борисом Межуевым), это то, что. всё-таки, главное в современном мире – принцип ядерного сдерживания. Никто никого не может прихлопнуть просто одним ударом. И будем надеяться, что дальше оно так и будет в этом смысле сохраняться, потому что когда возможности прихлопнуть тебя нет, то приходится, по крайней мере, вести разговор на языке дипломатии, на языке идеологии. И тут наша русская националистическая позиция может выиграть.

Обращу внимание ещё на несколько книг, посвящённых русскому консерватизму и вышедших на Западе, где тоже наш круг не игнорируется. Это «Русский консерватизм» Пола Робинсона, канадского исследователя, который приезжал в 2017-м или в 2016-м, брал интервью, в том числе, у меня, у Ремизова и у некоторых других, и, в общем, как-то интересно всё это описал. У него, понятное дело, главный русский консерватор – это Путин, который дружит с Патриархом. Ещё очень интересная работа «Современный русский консерватизм. Проблемы, парадоксы и перспективы», изданная такими людьми на грани – явно из русской среды, но работающими в англоязычной среде, Михаилом Сусловым и Дмитрием Узланером. Это большой сборник статей, в основном, конечно, российских авторов, но пишущих для западного читателя, в частности, статья философа Александра Павлова, посвящённая непосредственно явлению младоконсерватизма, такая, несколько, ироничная, но, в целом, полезная, поскольку весь наш круг там достаточно хорошо проанализирован и введён в оборот западной политологии. Это, к сожалению, вообще проблема, что, конечно. Запад как интеллектуальная система по-прежнему сильнее, несмотря даже на свою современную идеологическую составляющую. Они видят опасность – и они её анализируют и устраняют. Наше государство наоборот – видит у

русских националистов точку усиления и эту точку подавляет, потому что расценивает её как опасность. Притом, что за 20 лет я предложил нашему государству множество сценариев, в которых русский национализм превращался бы в точку усиления. Ну и в некоторых случаях, как в случае с Русской Весной, всё, в общем, было достаточно очевидно. Тем не менее, к настоящему времени мы по-прежнему наблюдаем помойку Кургиняна, который толкает у Соловьёва очередные речи против русского национализма.

В этом блоке, национал-демократически-крыловском, опять же следует сказать о Сергее Сергееве. Это человек, который, на самом деле, принёс довольно разрушительный эффект для русского национализма. Почему? Он хороший, достаточно квалифицированный историк. Он человек, умеющий находить цитаты, строить нарратив, умеющий писать большие книги – чего я, скажем, не умею, это моё проклятие, а вот он умеет. Сергеев – достаточно хороший исследователь некоторых аспектов русского национализма, например, Устрялова, немного писал о Леонтьеве, хотя о нём, как раз неудачно (убеждает, что у того нету уваровской триады, в то время, как её там легко можно было найти, особенно в позднем уваровском варианте, где Православие и Самодержавие являются особенностями, структурирующими общую Народность). Но вот в случае книги «Русская Нация, или Рассказ об истории её отсутствия» всё получилось совсем неудачно. Автор сам честно в предисловии сознаётся, что ему когда-то Леонид Бородин сказал, что «да Вы русофоб!» – непонятно, впрочем, сознавая себя русофобом, зачем было идти в круг националистов, но, видимо, Костя очень сильно агитировал. В чём проблема сергеевской интерпретации русской нации? Она, в каком-то смысле полностью противоположна моей. Он пишет, что «русская нация не существует», потому что она не соответствует критериям модернистской нации, что. оказывается, нация – это только там, где существуют парламент и права человека. А ещё он очень некорректно трактует идею Павла Святенкова о том, что нация – это те, кто присвоил права аристократии и суверена всем гражданам и, типа, если этого нет, то этого нет никак. А дальше, попав в плен этого тезиса, что «русской нации не существует», Сергеев начинает его софистически доказывать на историческом материале и попросту разрушает всю русскую историю, убеждая своего читателя в том, что, действительно, никаких русских никогда не было, что это некий такой произвольный фантом. И вот, едва-едва они начали возникать после царского манифеста 17 октября 1905 года и Столыпина, как тут же опять, соответственно, всё обрушилось. Это неправда. Я показывал это в своей рецензии на Сергеева, которую можно найти на сайте «100 книг». Об этом я также пишу, не называя фамилии, в своей вышеупомянутой книге «Русские». Русское самосознание – это очень чётко этническое самосознание и существует оно с древнейшего этапа, со времён «Слова о законе и благодати» и повести временных лет, о чём я говорил в самой первой лекции. Уже в Новое время ранненационалистическое сознание, вполне себе, представлено в эпоху Смутного времени – собственно, нация как самоорганизующаяся общность в эпоху Смуты была явлена в полной степени в ополчении Минина и Пожарского. И как бы сомневаться в существовании русской нации после этого, по меньшей мере, странно и глупо.

В данном случае, Сергеев, видимо, не знает достаточно материала, потому что фокус его внимания – XIX – XX века, либо же сознательно им манипулирует, причём, иногда строя совершенно некорректные теории, например, поскольку он не сильный теоретик, то, фактически, при описании Московского периода берёт схему неосталиниста Андрея Ильича Фурсова о том, что московская власть это такая надзаконная власть, которая чужда народу, которая существует вовне, которая принята от монголов и так далее – и это замечательно, и это прекрасно, это создаёт устойчивость русской власти как таковой, утверждает Фурсов. У него это такая апологетическая теория, которая подводит под фундамент Ивана Грозного, под Петра I и под товарища Сталина, Андреем Ильичом нежно любимым. Фурсов он сам по себе автор очень сильно фантастичный во многих моментах, многие его утверждения либо непроверяемые. Они хороши, когда провоцируют твою собственную мысль. Я, в этом смысле, скажем, считаю себя сам фурсовским учеником в какой-то степени. Мы с ним много общались в 2005 – 2006 годах. Но вместо этого взять эту теорию некритически русскому националисту и переписать её, просто поменяв знаки с «+» на «-» – что всё то, что Фурсов считает хорошим и свойственным русской власти, мы будем считать плохим, не подвергая это никакому фактчекингу, при котором она сразу развалится, потому что до Петра Великого власть московских

князей и царей была очень зависима от толпы, очень зависима от Москвы, от города как полиса. Происходили постоянные бунты, которые очень хорошо эту зависимость показывали и были достаточно эффективным механизмом регуляции. Собственно, об этом стоит прочитать у Поршнева в его работе «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648)», где учёный показывает, что бунт – это такой механизм коммуникации народа и власти, где за счёт казни нескольких зачинщиков требования, как правило, выполнялись. Собственно говоря, в случае с Манежной площадью именно эта парадигма очень хорошо сработала, это была такая абсолютно поршневская история. И вот по этой самой поршневской бунтовой парадигме шло существование до самого Петра Великого. А дальше просто в XVIII веке её заменили перевороты гвардии, взявшей на себя функции московского полиса. Говорить о том, что наша власть как-то субъектна и ни с кем не считается, никого не принимает во внимание, просто неверно. Использование этого тезиса для охаивания всей русской истории в целом – это ещё и очень злонамеренно. И здесь это уже просто фальсификация истории. В общем и целом, несмотря на то, что есть там какое-то количество ярких страниц и ярких образов, конечно, книга Сергеева, откровенно говоря, подрывная в отношении русского национализма со стороны человека, который русскую историю не очень любит и русских, боюсь, тоже.

К началу 2010-х годов появилось такое, что называется течение «мем-национализм», представленное, прежде всего, Егором Просвирниным. К сожалению, его проблема состояла в том, что у него темперамент блогера-публициста, но он вообще не теоретик. Ему просто для теории не хватало систематических знаний и, в итоге, он либо выдавал какую-нибудь чушь, либо какую-нибудь банальность. Но изложенную с таким сумасшедшим драйвом, что хотелось его в этот момент обнять. Однако потом он опять выдавал какую-нибудь мерзкую чушь про Православие, в котором ничего не понимал. (Впрочем, незадолго до своей трагической гибели он начинал обращаться к Православию и даже публично свидетельствовать о вере в Христа, но, к сожалению, пройти дальше ему было не суждено). В этом смысле, это действительно такой человек-мем, который троллил, который хайповал, который заводил этим толпу и, в результате, придавал некий энергетический импульс, притом, что, скажем, исходный толчок мог оказаться довольно пустым. Как-то я с интересом прочёл, как оказалось, совершенно культовый текст «Атака русских мертвецов», на который даже потом «Ария» песню написала. И вот этот текст состоит из ошибок и мерзкой чуши про то, что русских воинов вёл в атаку … сатана, потому что Бог <…> Но при этом, действительно, огромному количеству людей это придало такой мемический импульс, независимый от конкретного логического и понятийного содержания этого текста и они, соответственно, как бы опустились и зажгли. И вот, собственно, легендарный сайт «Спутник и Погром», в котором я с удовольствием в 2015 году сотрудничал и немало для него крутых текстов написал, в частности, например, «Византия и русскость», вообще один из очень важных моих текстов, о том, почему, собственно, культивировали либералы миф о византийском выборе как «ложном» для России и «ошибочном», «заведшем нас в тупик», такую вот чаадаевщину. Писал я его, в значительной степени. в том числе и для Просвирнина, чтобы он хоть немножко осознал значение Православия, но не в коня корм, ладно. Но вот эта вот система мемов, такая вот пацанская – мы за наших, мы за русских, она, несомненно, вместе с личным просвирнинским драйвом вместе с прекрасными картинками, которые делал неплохой дизайнер, работала и, действительно, целое поколение молодых русских националистов создала. Вопрос только в том, будут ли они дальше развиваться или же попросту деградировать. Главное – оказаться в нужное время в нужном месте. Вот, скажем, для «Спутника и Погрома» таким нужным временем и нужным местом, конечно, была Русская Весна, тогда их картинки-мемы, включая мегаэпическую «300 стрелковцев. Стальные русские», реально звали людей в бой. Люди, вдохновлённые данной картинкой сражались, гибли и чувствовали себя теми легендарными тремястами спартанцами нового уровня. Вот как делается этот мем – берётся некий популярный образ из поп-культуры и комбинируется с неким актуальным для русских содержанием. Строго говоря, точно также, например, в своё время работал Илья Глазунов, который брал некий инструмент поп-арта и вкачивал туда Древнюю Русь – и, действительно, на протяжении нескольких десятилетий люди просто сходили с ума от этих глазуновских картин, открывая через них Россию и русскую историю. Глазунов был в этом смысле большим поворотом умов. Мне кажется Просвирнин в плане ворот в русскость мог бы сделать больше, но, увы, к сожалению, что уж теперь

говорить. 27 декабря 2021 года он трагически ушёл из жизни и это, конечно, была немалая потеря для русского движения, тем более, что через пару с половиной месяцев началась СВО.

Во всяком случае, факт остаётся фактом, что Русская Весна всё-таки в 2014 году случилась. Для меня это было радостным, как для человека, который всё это время последовательно отстаивал именно ирредентистское восприятие русского национализма, то есть то, что вопросы внешнего национального воссоединения должны первенствовать над вопросами народного суверенитета, прав человека и всего прочего, потому что этот сказочный образ мёртвой и живой воды – вначале нужно полить тело мёртвой водой, чтобы оно срослось, а потом только живой водой вдохнуть в человека дух. Пока русские разорваны, пока миллионы русских находятся за границей, причём в режиме, когда из них делают в случае Украины нерусских, то, конечно, русское воссоединение должно стоять на первом плане, тем более, что усилия по этому объединению сами по себе русскость укрепляют. Заметьте, пока они действительно шли, то они укреплялись, а когда ослабли, то вся повестка русского национализма тоже оказалась ослабленной и невостребованной. В 2020 году на Донбассе, не без моей помощи, появилась такая доктрина «Русский Донбасс» как раз именно с главной формулировкой о том, что Донбасс – это Россия, Донбасс – это передовая крепость России, что ДНР должна быть русским национальным государством на этой территории. То, что они всё-таки это как-то продвигают это хорошо, потому что, конечно, пробуждение русского сознания именно у жителей Донбасса, тогда как в Крыму было очень чёткое антиукраинство и, к тому же, там был Севастополь, который в принципе просто никак не идентифицировал себя с Украиной. А вот на Донбассе, всё-таки, януковичская линия «Партии Регионов» была ещё достаточно важна. Большое количество людей считали, что они не западенцы, Украина нам как-то подходит, пока мы здесь хозяева, пока наши донецкие ребята держат власть, то в Украине ничего плохого нет. И вот когда из этого компота вырастает чёткое русское национальное сознание, которое и должно быть у русских людей, то мы узнаём, что и в других случаях это, я думаю, вполне возможно. По сути, это вопрос приложения определённого пропагандистского и силового ресурса. В Одессе с русским сознанием было даже лучше, чем в Донецке в 2014 году, но там просто отсутствовал силовой ресурс. Одним пропагандистским в условиях, когда сжигают, к сожалению, ничего не сделать. Соответственно всё, что происходило в ходе Русской Весны, подтвердило ещё раз, что нужна правильная <…> и нужна сила. Но сила всё равно всегда важнее. В случае внешней ирредены без внешней силы государства никак не обойтись. И СВО это, конечно, доказало – всё-таки, благодаря силе государства удалось какую-то часть земель ещё вернуть в состав России. И посмотрим, что будет в ещё одной ирредентистской точки – Белоруссии, будет ли там всё прошляплено или же белорусская Русская Весна также последует.

Выражение Русская Весна, как известно, придумал я в ночь на 24 февраля 2014 года. Одновременно оно возникло на стыке общего весеннего настроения, которым веяло от видео тогдашних митингов, когда, скажем, в Севастополе собирались и там всё было всё достаточно по-весеннему. В Севастополе в это время вообще бывает часто +18º. В Одессе вообще было солнечно, в Керчи, где прямо в этот день украинские флаги сорвали, тоже было солнышко. Одним словом, весна весной. Но при этом – русская. Конечно, это был такой троллинг арабской весны – типа, вот вы думали, что этот мем будет принадлежать вам, но ничего подобного. Теперь он, отныне и вовеки, будет наш. Но потом, конечно, партия начальства как всегда всего испугалась, понятие Русская Весна начали демонстративно запрещать, причём там, где его запрещают, было видно, что это исходит из самой верхушки Администрации Президента, что это было целенаправленное указание, а не просто чья-то частная инициатива. Нет, это было именно указание гнобить и заменять Русскую весну на «крымскую весну». Даже мне как-то однажды вручили грамоту за выдающийся вклад в «крымскую весну» – вклад, впрочем, действительно выдающийся, но если бы не было возможности меня обокрасть, то термина «крымская весна» тоже бы не было. Но, тем не менее, как-то вот живём и сейчас иногда употребляется соответствующее выражение, в законе Севастополя по-прежнему закреплено в качестве праздника, так что совсем уж песню не задушишь не убьёшь.

Очень важным явлением именно в истории русского национализма и консерватизма этой поры была газета «Известия», межуевские «Известия», что называется. Сейчас Борис Вадимович зашёл

совершенно куда-то не туда. В 2020 году он отметился довольно странными высказываниями по русскому вопросу – будем честны, русским националистом он никогда не был. Он был русским цивилизационным консерватором, ориентированным на Цымбурского, антиглобалистом. Но в этом качестве, на протяжении всего существования русского национального движения и младоконсервативного движения, был очень полезным, везде, где можно, предоставлял трибуну, площадку, возможности. Конечно, тот факт, что русские консерваторы совокупно захватили одну из крупнейших газет, авторитетнейшие «Известия» и затем на протяжении 2014 – 2015 годов и самого начала 2016 года там публиковались я, Межуев, Ремизов, Лимонов, Проханов и другие. Это всё было очень важно. Кончено, межуевские «Известия» был такой важный пункт в истории нашего консерватизма. Я постарался, чтобы от этого осталась хотя бы какая-то память, также, как и о Русской Весне осталась память в виде моей книги «Карать карателей», которую замечательный Дмитрий Викторович Лобанов издал, то и от межуевской эпохи осталась моя книга «Реванш русской истории».

Самое главное – не сдаваться и бить лапками по молоку, как это делала толстовская лягушка. Тогда, может быть, что-то получится.